

ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ESLI

8' 2012

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ
СО ДНА

РУДИ РЮКЕР
ЭЙЛИН ГАНН
ПАМЕЛА САРДЖЕНТ
ЯН КРИЗИ

СЕРГЕЙ ШИКАРЕВ: ТОТАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Александр ШАЛГАНОВ
КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:
Евгений ХАРИТОНОВ
КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:
Дмитрий БАЙКАЛОВ
ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:
Екатерина АРОЯН

СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:
Инесса ЛУГАЧЕВА

ВЕРСТКА:
Татьяна МУРИНА

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Борис СТРУГАЦКИЙ

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ,

САЙТ ЖУРНАЛА:
www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ СРЕЙШКИ:
МОСКВА, 119435,
Б Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если»
КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
8(499)248 08 90 (доб 201)

РАСПРОСТРАНЕНИЕ
ИД «Любимая книга»,
тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:
IP Media (США),
Издательский дом
«Любимая книга»

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
ЗАО «АРИА АиФ»,
ООО «Горпечать», ЗАО «Сейлс»,
ЗАО «Центро печать», «АПР»,
ЗАО «Наша пресса»,
«Формула Делового мира»,
ООО «Метропресс»
(С. Петербург), «Урал-пресс».
ООО «Желдорпресс ГП»,
«Деловые издания», «Артос-ГАЛ»,
«Интер-почта 2003»

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати
Свидетельство ПИ № 77-7491

Отпечатано в ООО
«Красногорская типография»
143400, Московская область,
г Красногорск,
Коммунальный кв., д. 2.
Зак^эос

Тираж II 000 экз

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.
Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.

© «ЕСЛИ», 2012

51 Александр ГРОМОВ

СО ДНА

Да что говорить об этих туземцах: и внешне, и внутренне они заслуживают только презрения... Во все исторические времена молодые карьеристы из метрополии придерживались подобных взглядов.

3 Памела САРДЖЕНТ

КЛУБНИЧНЫЕ ПТИЧКИ

Как ни распутывай нити, некоторые все равно оборвутся.

31 Максим ХОРОШ

ПОКИДАЯ "МАРРАКЕШ"

Этот нелогичный и непредсказуемый человеческий фактор...

137 Ольга МОИСЕЕВА

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

Ну, и как с ними найдешь общий язык? Легче извести «под корень».

163 КенЛЮ

ИСЧИСЛЯЕМЫЙ

Оказывается, математика, которая «достала» нас в школе, уже тогда была способна изменить мир.

181 ЙОСС

СИНДРОМ ШАНГРИ-ЛА № 14

Хотя диагноз, поставленный человечеству, неутешителен, но сам автор относится к нему без паники.

211 Ян КРИЗИ

ДОРОЖЕ ЗОЛОТА.....

Всеобщее равенство можно понимать по-разному. И всегда есть
искушение сделать его тотальным......

227 Руди РЮКЕР, Эйлин ГАНН

ЧЕЛОВЕК ИЗ УЛЬЯ.....

...на этот раз технологического......

148 Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ

НЕ В БОГА, ТАК ХОТЯ БЫ В ДАРВИНА........

Нынешний «Прометей», увы, не подарил людям огонь......

153 Вл. ГАКОВ

МЕЧТЕ НАВСТРЕЧУ.....

Вот мы и добрались до «шестидесятников». Кстати, золотое
было время........

150 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ.....

Танки снова в моде. А уж о том факте, что это мистические
создания, мы давно догадывались......

253 Сергей ШИКАРЕВ

ВЕЛИКИЙ УРАВНИТЕЛЬ.....

Быть таким, как все, на самом деле совсем не просто......

259 Дмитрий ВОЛОДИХИН

РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ.....

Каждый новый роман популярного пермского писателя неиз-
менно привлекает внимание. Однако нынешней книге москов-
ский критик готов выставить счет......

261 РЕЦЕНЗИИ.....

В сегодняшнем «меню»: нестареющая классика, боевики,
космоопера, социальная НФ — и писательское противостояние
политкорректности......

267 КУРСОР.....

Его произведения воспитали четыре поколения любителей фан-
тастики. И вот не стало живой легенды...

269 ПЕРСОНАЛИИ.....

Приятно встретить давно знакомые имена, не менее отраднo
познакомиться и с новыми......

ПАМЕЛА САРДЖЕНТ

КЛУБНИЧНЫЕ

Иллюстрация Николая ПАНИНА

ПТИЧКИ

М

аэрлин Лоэгинс появилась в их доме внезапно, словно принесенная сильным ветром. И за несколько минут убедила маму Эдди, что она и есть тот самый человек, который должен поселиться у них в свободной комнате. Эдди еще никогда не видела, чтобы мама соглашалась так быстро.

— Вы выглядите постарше большинства студентов, — сказала мама. — Более зрелой, я хочу сказать.

— Я поздно поступила в колледж, — объяснила Маэрлин Лоэгинс, — к тому же я уже в магистратуре.

У нее был странный акцент, и она произносила свое имя так, что оно звучало, как будто она приехала откуда-то издалека: «Май-эр-лин Лоу-эгинс». По крайней мере так показалось Эдди.

— В магистратуре? — переспросила мама Эдди.

— Да, на физическом факультете.

— Это факультет моего мужа. Не знала, что среди студентов-физиков есть женщины.

— Нас там всего двое. — Маэрлин Лоэгинс подняла брови. Она была такой низкорослой, что Эдди даже не приходилось задирать голову, чтобы заглянуть ей в лицо. Эдди понравились и большие карие глаза, и короткие блестящие черные волосы, и бледно-голубое платье, и то, как легко она держит в руке большой чемодан. Выглядела новая жилища живой и решительной, не то что мать, которая стояла ссутулившись и с таким видом, словно собиралась вернуться в постель.

Детей в семье было четверо: Эдди, ее младший брат и еще двое близнецов, мальчик и девочка — так что забот у матери хватало. Отец был аспирантом и лаборантом на физическом факультете Хейсовского университета. Там он выводил мелом на доске какие-то непонятные значки и наблюдал за студентами, которые создавали радость при помощи кусков стекла. Еще они экспериментировали с какой-то «наклонной плоскостью» — при этих словах Эдди всегда представляла себе самолет, завалившийся набок и опирающийся на одно крыло. Пока отец занимался этими загадочными делами, мать металась по дому, вечно озабоченная и расстроенная, то опекая Эдди и Сирила, то согревая очередную бутылочку для кого-то из двойняшек.

Теперь, подумала Эдди, у мамы будет помощница. Ее родители поместили объявление в газете, предлагая студенту колледжа свободную комнату, стол и скромное вознаграждение в надежде, что кто-то будет присматривать за детьми — особенно за Сирилом, который совсем не

— Ох, боже мой! Аделаида, ты не проводишь Маэрлин наверх? Мне надо подогреть бутылочки для двойняшек.

И она ускользнула, прежде чем Эдди успела ответить.

Эдди подвела Маэрлин Лоэгинс к узкой лестнице и первая начала взбираться по ступеням.

— Это папин кабинет, — она махнула рукой в сторону закрытой двери наверху, сразу перед лестничной площадкой. — Он любит, чтобы в доме у него было тихое место. Иногда даже спит здесь, когда близнецы сильно кричат.

Маэрлин Лоэгинс взглянула на дверь с таким свирепым выражением, что Эдди испугалась, не сболтнула ли чего лишнего.

— Он... он... — Эдди тряхнула головой, не желая рассказывать, что отец иногда приходит мрачный и напрямик идет к себе в кабинет, не говоря никому ни слова. Поскольку по выходным он работал на страховую компанию, а по будням — в университетских лабораториях и классах, виделись они не так уж часто. Зарабатывал он продажей страховок и еще чем-то, что называлось «солдатский билль» (Эдди при этом представлялся солдат, который бил кулаком по столу с лежащим на нем клочком бумаги, наподобие тех покрытых цифрами листов, которые часто приходили родителям по почте).

— Наверное, ему нужны покой и тишина, чтобы работать, — сказала Маэрлин Лоэгинс.

— Мы не так уж и шумим, по крайней мере мы с Сирилом. Гэйл и Гэри часто кричат, но они же еще маленькие, и все равно сверху их почти не слышно.

Эдди уже различала невнятные звуки, доносившиеся из комнаты в конце короткого коридорчика. Сирил порой мог по нескольку часов кряду сидеть и вот так гудеть себе под нос, уставившись в стену.

Она отвернулась от кабинета и показала на дверь справа:

— А вот и ваша комната.

Маэрлин Лоэгинс отворила дверь. Эдди последовала за ней. В комнате были одна кровать, накрытая стеганым одеялом, маленький ночной столик с лампой, на полу — потертый красный коврик, на окне — белые матерчатые занавески, которые мама Эдди сделала из простыней. Эдди бы предпочла, чтобы эту комнату отдали ей, пусть даже и маленькую; ей совсем не нравилось делить спальню с Сирилом.

— Вам нравится? — спросила Эдди.

— Думаю, подойдет. — Маэрлин Лоэгинс поставила чемодан возле кровати. — А не покажешь мне свою комнату?

Они вышли в коридор. Дверь в просторную спальню с окнами, выходящими на фасад дома, была открыта. Гудение оборвалось, и на пороге показалась маленькая фигурка.

— Сирил, — сказала Эдди, — это Маэрлин Лоэгинс. Она собирается у нас жить.

Было трудно предугадать реакцию Сирила: он мог просто продолжать стоять и смотреть в пол, или убежать обратно в комнату и скорчиться там в углу, или начать визжать и биться головой о стену.

— Май-эр-лин, — пробормотал Сирил.

— Как поживаешь, Сирил? — сказала Маэрлин Лоэгинс.

Сирил попятился, и они вошли в комнату. Хотя ему было почти шесть — на два года меньше, чем Эдди, — он был с ней одного роста, а волосы его настолько светлые, что казались белыми. Он поглядел мимо них своими бледно-голубыми глазами и отошел, волоча ноги.

— Клубничные птички, — проговорил он и плюхнулся на пол. — Там. — Он показал на стену за их спинами.

Эдди повернулась, заранее зная, что увидит. Поперек зеленой, залитой солнцем поверхности стены ползли два ряда теней, похожих на миниатюрные машинки, один ряд вверх ногами, другой так, как надо.

— Вот, — пояснила Эдди, показывая на тени. — Это он называет «клубничные птички».

Она не знала, откуда Сирилу пришло в голову подобное название, но он множество вещей нарекал по-своему. Например, кизиловое деревце, росшее во дворе у их соседей Мейеров, именовалось «пчелень», а колыбельки, в которых спали Гэйл и Гэри, — «качуки».

Маэрлин Лоэгинс какое-то время смотрела на тени, потом выглянула в одно из трех окон и села на пол рядом с Сирилом.

— И часто ты их видишь? — спросила она.

Сирил покачал головой.

— Вечером, — ответила за него Эдди, — когда есть солнце. В другое время их не увидеть.

— А ты знаешь, что это такое? — спросила Маэрлин Лоэгинс.

Сирил не ответил.

— Это машинки отражаются от крыши у вас перед окнами. От наклонной крыши над верандой дома напротив.

— Машинки? — переспросил Сирил.

— Машинки. Те, которые ездят по улице. Жестяная поверхность крыши отражает их и проецирует вам на стену.

Сирил молча уставился на силуэты. Эдди знала, что он может смотреть на них, пока тени не станут гуще и в конце концов не исчезнут. Маэрлин Лоэгинс легко коснулась его спины; потом она обхватила его одной рукой, и он прислонился к ней, немало удивив Эдди. Сирил ненавидел, когда незнакомые люди или даже те, кого он знал, подходили к нему слишком близко; можно было ожидать, что он отпрянет или оттолкнет от себя новую квартирантку.

Эдди прошла к своей кровати и плюхнулась на розовое покрывало. Отец обещал перегородить комнату, чтобы у нее было два окна, а у Сирила одно, и из каждой половины прямой проход к двери, но так и не собрался, а сейчас, когда начались занятия и он весь ушел в работу, скорее всего, и не соберется. Все равно даже с перегородкой это будет совсем не то, что иметь собственную комнату. Ей снова захотелось, чтобы Сирил уехал, чтобы родители отослали его в одно из тех мест, где, по словам маминых друзей, таким детям живется гораздо лучше; но она тут же устыдилась этих мыслей.

Маэрлин Лоэгинс поглядела на нее и улыбнулась.

— Аделаида, — сказала она, — ты не любишь смотреть на тени?

Эдди понравилась ее улыбка, а также то, что она сказала «тени», а не «клубничные птички», но ей не нравилось, когда ее называли полным именем.

— Зовите меня Эдди.

— Эдди?

— Все мои друзья зовут меня Эдди. Аделаидой меня называют только мама и другие взрослые.

— Хорошо, пусть будет Эдди.

— А вас как называть? Вы мисс или миссис? — Родители всегда говорили Эдди, что взрослых, если они не родственники, нужно называть по фамилии.

— Зови меня просто Маэрлин.

— Окей. — Эдди тоже улыбнулась. Может быть, если с ними будет жить кто-то вроде Маэрлин Лоэгинс, это даже лучше, чем иметь собственную комнату.

* * *

Маэрлин отправилась к себе распаковывать вещи, а Эдди и Сирил принялись играть с газетой, которую Сирил принес после завтрака. Эдди хотела было поглядеть, что за вещи станет вытаскивать Маэрлин из своего чемодана, но та искоса взглянула на нее, и Эдди стало ясно: она хочет, чтобы ее оставили одну.

— Айк, — сказал Сирил, отрывая от газеты первую страницу; Эдди узнала на фотографии улыбающееся лицо президента Эйзенхауэра. — Айк, — повторил Сирил, складывая из листка самолетик. Эдди не могла взять в толк, неужели он каким-то образом научился читать и скрывал это?

— Я голосую за Айку, — сказал Сирил.

Если Сирил знает, как читать, пусть даже чуть-чуть, то это значит, что он может пойти в школу! А вдруг все его битье головой о стену, дикие вопли и многочасовое ледяное молчание — просто притворство, чтобы увильнуть от школы, остаться дома и делать все, что хочется?

— Аделаида! Сирил! — раздался голос матери. — Отец пришел!

Сирил выронил свой бумажный самолет и зашаркал к двери, Эдди шла следом. Маэрлин стояла перед своей дверью.

— Папа вернулся, — пояснила Эдди. — Значит, скоро будем ужинать.

— Пошли, — сказал Сирил (слово вырвалось из его рта внезапно, словно пуля) и зашагал к лестнице, размахивая руками.

* * *

Сирил ел свою запеканку из лапши с тунцом, молча загребая еду ложкой, вместо того чтобы играть с ней или сидеть, глядя в тарелку, пока мать, потеряв терпение, не начнет кормить его сама. За едой Эдди разглядывала отца. С видом еще более усталым, чем обычно, он молча слушал, как мать обсуждает с Маэрлин ее обязанности по дому: квартирантка должна будет помогать ей ухаживать за двойняшками, присматривать за всеми детьми, когда родителей не будет дома, а также принимать участие в уборке.

После ужина мистер Альмстед удалился в свой кабинет, Сирил побрел в гостиную, а Эдди осталась с матерью и Маэрлин. Когда они составили посуду в раковину, близнецы уже снова вопили.

— Надо посмотреть Гэйл и Гэри, — пробормотала миссис Альмстед. — Кажется, им пора переменить пеленки.

— Я с радостью помогу вам, — предложила Маэрлин.

Миссис Альмстед вытерла лоб тыльной стороной руки.

— Хорошо. Аделаида, присмотри за братом.

Эдди прошла в гостиную. Сирил сидел на ковре, уставившись в телевизор. Звук был выключен; по экрану двигались размытые черно-белые изображения. Эдди знала, что он так и будет сидеть, пока не устанет и не захочет спать.

Она поднялась наверх, думая, как было бы хорошо, если бы Лесли Вики уже вернулась из летнего лагеря. Эдди пошла бы к ней в гости, и они смотрели бы телевизор, или Лесли пришла бы к ней, и они сидели бы на веранде и подглядывали за соседями, выходящими прогуляться или тоже сидящими у себя на верандах. Лесли всегда рассказывала про соседей разные истории, большей частью выдуманные. Будто бы старая миссис Меркель может посмотреть на тебя дурным глазом, если тебе вздумается срезать дорогу через ее двор. А молодую блондинку, недавно переехавшую в квартиру на втором этаже в доме мистера и миссис Смит, Лесли подозревала в шпионаже — может быть, из-за ее странного акцента, а может быть, потому что Лесли обожала телешоу «Тройная жизнь». Она была без ума от актера, игравшего секретного агента ФБР; он постоянно общался с жуткими коммунистами, у которых все разговоры шли о том, как они кого-нибудь ликвидируют (Эдди представляла себе, как люди медленно растворяются в луже воды).

Интересно, подумала она, какие истории Лесли могла бы выдумать про Маэрлин Лоэгинс.

Дверь в отцовский кабинет была открыта. Письменный стол и кушетка под окном завалены книгами и бумагами. Она тихонько подошла к порогу и стояла в дверях, пока отец не поднял голову.

— Эдди? Что-то случилось?

Она покачала головой.

— Ну, тогда давай, входи, — он приглашающе помахал сигаретой.

Эдди добрела до стола.

— Долго Маэрлин Лоэгинс собирается у нас пробыть? — спросила она.

— Я просил ее пожить у нас по крайней мере до следующего лета. Если Сирил все же пойдет... — Он запнулся. — После этого мы посмотрим, как все сложится.

Он затушил сигарету в пепельнице, где уже громоздилась куча засыпанных пеплом окурков.

— Тебе ведь нравится Маэрлин?

Эдди кивнула.

~ Я ее почти не знаю, но Мори Эберхардт говорил о ней только хорошее, и к тому же она будет огромным подспорьем для мамы. С тех пор как родились близнецы, маме приходится нелегко.

Эдди вспомнила, как это все было, сразу же после Рождества: как мама вдруг куда-то пропала, а потом через какое-то время вернулась уже без своего огромного живота, зато с двумя младенцами. Из Нью-Йорка приехала бабушка Лохманн и оставалась у них до февраля; Эд-

ди знала, что о маме все беспокоятся. После рождения близнецов мама уже была не такой, как прежде; иногда она могла без всякой причины разразиться слезами. Сейчас она металась по всему дому и порой рывкала на Эдди, но по крайней мере больше не плакала.

Внезапно отец обхватил ее рукой и притянул к себе на колени.

— Ты хорошая девочка, Эдди, — сказал он, и она удивилась, почему он ей это говорит. — Никогда не жалуешься. Ты ведь будешь помогать Маэрлин, да?

— Конечно.

— Когда *я* закончу аспирантуру, все будет по-другому. Гораздо лучше. Вот увидишь!

Она уже слышала, как он говорил это маме несколько дней назад вечером. «Все будет гораздо лучше, — сказал он тогда. — И тебе тоже будет легче». Эдди подслушала их, сидя в ванной.

«Но тебе же нравится учить», — возразила мама.

«Слишком мало платят, этого не хватит на четверых детей. Да еще Сирил...» — на мгновение в его голосе зазвучала злость.

«Но ты же всегда говорил, что не будешь работать над созданием оружия», — сказала мать.

«Я понял, что не могу себе позволить такую разборчивость».

Отец отпустил ее, и Эдди соскользнула с его коленей.

— Спокойной ночи, — сказал он; это значило, что он хочет остаться один.

Она вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

* * *

Эдди уже лежала в кровати, когда Маэрлин поднялась с Сирилом в спальню. Эдди села, обхватив колени руками, и принялась наблюдать, как Маэрлин снимает с Сирила футболку и штанишки и помогает ему надеть пижаму.

— Наверное, он заставил вас помучиться, пока вы чистили ему зубы? — спросила Эдди.

Сирил яростно замотал головой.

— Нет, вовсе нет, — заверила Маэрлин.

— Подумаешь, абита. Ничего страшного, — пробурчал Сирил.

Маэрлин наклонилась к нему.

— Что еще за абита? — спросила Эдди, удивляясь еще одному из его самодельных словечек.

— Маэрлин запустила ее вот сюда. — Сирил положил ладонь себе на затылок чуть повыше шеи.

— Я ничего подобного не делала, — возразила Маэрлин.

— А вот и делала!

— Я разгладила твои волосы, только и всего.

В карих глазах снова мелькнуло свирепое выражение.

— Все, лежите тихо и ведите себя хорошо. — Маэрлин подоткнула ему одеяло и выключила свет на ночном столике. — Спокойной ночи, Эдди; спокойной ночи, Сирил.

— Спокой-н-ночи, — пробормотала Эдди.

— Спите сладко, — нараспев подхватил Сирил. — Вам приснится шоколадка!

Маэрлин исчезла в темноте коридора, оставив дверь спальни открытой, как всегда делала мама, потому что Сирил боялся засыпать с закрытой дверью.

Эдди лежала, слушая далекие голоса, время от времени перемежающиеся приглушенными воплями тромбона: иногда отец перед сном смотрел телевизор. Обычно ее убаюкивали эти звуки, но сейчас она лежала без сна, переворачиваясь то на живот, то на бок, пока все не стихло.

Отец улегся; равномерно дышал спящий Сирил, а к ней сон все не шел. Наверняка это из-за того, что в доме появился кто-то новый и незнакомый.

Эдди соскользнула с кровати и на цыпочках прокралась к дверному проему. Из-под закрытой двери Маэрлин просачивалась полоска света.

Она вышла в коридор, ожидая, что дверь Маэрлин вот-вот распахнется — но Эдди ведь всегда может сказать, что идет вниз, в туалет. За дверью кто-то разговаривал; это могла быть только Маэрлин, но с кем ей беседовать, если она в комнате совсем одна?

Эдди подобралась к двери и приложила к ней ухо.

— ...ыворит ви нравит вих, — Маэрлин почти шептала. — Абитла, но... нех. — Затем была долгая пауза, как будто она слушала в телефонную трубку, и потом: — Вай.

Эдди прошмыгнула к себе и снова выглянула из дверного проема.

Телефона в той комнате не было, а значит... если Маэрлин в одиночестве с кем-то разговаривала, значит, у нее был какой-то секретный радиопередатчик, вроде тех, какие бывают у шпионов. Но что могло понадобиться шпиону у них в доме?

Дверь Маэрлин отворилась, и Эдди представила, как та выйдет сейчас в длинном плаще, держа в руке зонтик с головой попугая, как в сборнике сказок, который Эдди читала днем. Однако Маэрлин оказалась всего-навсего в длинном белом махровом халате и направля-

лась к лестнице. Эдди подождала, пока ее силуэт не скрылся за перилами, и пошла следом.

«Наверное, просто в туалет», — разочарованно подумала Эдди, осторожно спускаясь по ступенькам. Она добралась до нижнего коридора, как раз когда открылась входная дверь.

Маэрлин вышла, закрыв за собой москитную сетку, но основную дверь оставила открытой. Ее халат светился под луной голубовато-белым светом. Эдди, затаив дыхание, прокралась ко входной двери.

Маэрлин стояла на веранде, а на тротуаре, лицом к дому, оказался человек в светлом пиджаке спортивного покроя с темным мягким галстуком-бабочкой и в темных брюках. У него были густая копна седых волос и узкое лицо, и он держал в одной руке какой-то плоский металлический предмет, похожий на папин портсигар. Эдди замерла, хотя и знала, что ее не видно сквозь сетку.

Маэрлин подняла руку и покачала головой.

— Тамара, — позвал человек.

Маэрлин снова покачала головой.

— Не сейчас.

— Увидим. — Человек кивнул, глянул вниз и исчез.

У Эдди перехватило дыхание. Он просто вдруг взял и пропал, как иногда случалось во снах. Может быть, она и вправду спит? Да нет, не мог он исчезнуть! Наверное, просто шагнул в густую тень перед домом, где она не могла его видеть.

Маэрлин повернулась к двери. Эдди шмыгнула в гостиную и спряталась за спинкой дивана.

Маэрлин, в своем бледном одеянии похожая на привидение, проплыла по коридору. Эдди задерживала дыхание, пока не услышала скрип ступеней. Было ясно, что Маэрлин и человек, стоявший снаружи, знают друг друга. Может, они влюбленные? А может, шпионы — именно так подумала бы Лесли.

Эдди выскользнула из-за дивана. Входная дверь была открыта. Она подошла закрыть ее и снова увидела того человека — теперь он стоял на другой стороне улицы, спиной к ней, а потом снова исчез.

Она закрыла дверь и медленно поднялась по лестнице, стараясь не ступать на скрипящие ступеньки. Ей удалось добраться до верха, ни разу не зашумев, но проходя мимо двери Маэрлин, она снова услышала ее голос.

— ...не знаю, — говорила Маэрлин. — Мне нужно больше времени. Подумайте...

Эдди поспешила в свою комнату, боясь услышать больше.

— Эдди! — закричал Сирил со своей кровати.

— Ш-ш...

— Эдди! — заорал он еще громче.

— Заткнись, — прошептала она. — Ты разбудишь Маэрлин!

Она забралась в свою постель и натянула на себя покрывало.

— Она меня не услышит, — проговорил Сирил тихим, спокойным голосом, совсем на него не похожим. — И к тому же она не спит. Я слышал.

— Тихо!

Сирил замолчал. Она лежала в кровати и считала вдохи и выдохи — это казалось ей более разумным, чем считать овец, — пока, наконец, не заснула.

* * *

— Странная она какая-то, — сказала Лесли Виск. Лесли накануне вернулась из лагеря и буквально только что увидела Маэрлин.

Эдди сидела на ступеньках веранды вместе с Лесли и Бобби Ренфрю. Эрастус, оранжево-рыжий кот Мейеров, прибрел к ним от соседского дома и растянулся на ступеньке рядом с Бобби. Сирил сидел тут же с конструктором «Линкольн Логз»; он уже собрал фермерский дом и стоянку дилижансов.

— Нормальная, — возразил Бобби.

Лесли наклонилась к Эдди. Ее каштановая челка спадала на глаза.

— Я думаю, она что-то замышляет, — прошептала Лесли. — Наверняка она шпионка.

Эдди нервно оглянулась, хотя Маэрлин ушла сразу после того, как ее увидела Лесли, — позаниматься в университетской библиотеке. По крайней мере так она сказала маме, но кто знает, может, у нее назначена встреча с тем человеком, с которым она виделась два дня назад ночью?

— Я говорю: она шпионка, — повторила Лесли. — Красная шпионка из России.

Эдди ждала, что Бобби назовет Лесли глупой, со всеми этими выдумками про шпионов. Но он сказал:

— Да, шпионку сюда могли заслать.

— В Делфи? — фыркнула Эдди. — Что им делать в Делфи?

— Я имею в виду не город, а ваш дом.

— И на что шпиону сдался наш дом?

— Твой папа ученый, — ответил Бобби, — а ученые знают всякие вещи: как делать атомные бомбы и все такое.

— Папа еще учится, — возразила Эдди. — Он не настоящий ученый!

Бобби прищурился, глядя на нее сквозь стекла очков.

— Но ведь будет ученым, разве нет? Для того и учится; а в Хейсовском университете есть пара профессоров, которые работали над атомной бомбой. Может быть, комми хотят их перевербовать.

— Глупость какая, — сказала Эдди, хотя Бобби, возможно, был в чем-то прав. Его отец погиб в Корее, так что у Бобби были все причины бояться комми, а мать работала в городской библиотеке и постоянно носила ему книжки. Он был умный — во всяком случае, знал больше, чем она, потому что все время читал, — так что, возможно, над его словами стоило подумать.

— Маэрлин не комми, — сказал Сирил.

— Я этого и не говорил, — возразил Бобби. — Это Лесли.

— Ничего подобного, — буркнула Лесли. — Я сказала, что она, может быть, шпионка.

— Она не шпионка! — заявил Сирил.

Эдди, повернувшись, уставилась на брата. Это было совсем непохоже на него; а теперь он еще и смотрел прямо на Лесли, а не под ноги или куда-то вбок, как обычно.

— Откуда ты знаешь? — сказала Лесли. — Тебе-то откуда знать?

— Знаю, и все, — Сирил пожал плечами. — Она сегодня утром показала мне еще одну клубничную птичку.

Не может быть, подумала Эдди, они же появляются на стене только вечером.

— Она сказала, что спустилась по нити, чтобы меня найти, — продолжал Сирил, — и у нее ушло на это много времени, но теперь она меня нашла; а потом она показала мне клубничную птичку, мы спустились вниз и она ушла.

— Клубничную птичку, — хихикнула Лесли.

— Не смейся над ним, — сказал Бобби.

— Она так чудно говорит. Совсем не похоже на американку. — Лесли встала. — Пойдем ко мне?

Она поманила Эдди рукой, но Эдди не двинулась с места.

— Ты что, так и собираешься сидеть тут с Бобби, и с этим дурацким котом, и с твоим тормознутым братцем?

— Не называй его тормознутым, — сказал Бобби.

— Ну? — Лесли уперла руки в бока. — Ты идешь или нет?

Эдди покачала головой, не решаясь ответить. Лесли сердито протопала по дорожке, обернулась через плечо и выбежала на улицу.

— Обиделась, — сказал Бобби, почесывая Эрастуса за ухом. Оранжевый кот растянулся на земле, положив голову на передние лапы. — Ничего, скоро забудет.

— Ну, не знаю, — сказала Эдди. — И вообще, она не должна так говорить про Сирила.

Бобби поднялся.

— Хочешь, пойдём к Карпетти? — «Приют Карпетти», магазин, где продавали сладости, книжки в мягких обложках и комиксы, был одним из любимых мест Бобби.

— Не могу. Мама велела присматривать за Сирилом.

— Ну так возьми его с собой.

Эдди поглядела на брата. Сейчас он казался нормальным, но...

Придется глядеть в оба всякий раз, когда они будут переходить улицу, к тому же ее совсем не радовала перспектива идти три квартала до Карпетти только для того, чтобы крутиться рядом, пока Бобби разглядывает «Байки из склепа», которые мама не разрешала ему читать дома.

— Не-а, — сказала она. — Мы лучше здесь посидим.

Бобби пожал плечами и зашагал по дорожке на улицу. Эдди смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом.

— Ты сказал Лесли, что сегодня утром видел клубничную птичку, — сказала она. — Но ведь этого не могло быть.

— А вот и могло! Мне показала Маэрлин. — Сирил разобрал фермерский дом и аккуратно сложил детали в коробку, потом затолкал стоянку дилижансов под качели. — Эта клубничная птичка была не такая, как другие.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, там был такой большой серый дом, будто церковь, а вокруг сплошной песок, и такие крошечные малюсенькие человечки, они стояли на ступеньках, а рядом было еще длинное большое здание с такой большой петлей, торчащей в небо. — Он сделал движение руками, как будто сгребал что-то. — Вчера она показала мне еще одну, там была куча воды, и всюду плавали красные пятна чего-то, а из-под воды торчали дома.

— Еще одна клубничная птичка? Когда это было?

— Вчера. Она еще сказала, что это вроде того места, откуда она пришла, только там совсем нет людей.

Он все выдумал!.. Но Сирил никогда ничего не выдумывал. Он давал вещам странные названия, но никогда не рассказывал ничего такого, что не было правдой.

— Спроси, пусть она сама тебе скажет, — Сирил показал на улице. — Вот она!

Маэрлин в той же желтой английской блузке, в которой ходила утром, стояла на другой стороне улицы. Эдди удивилась, как это она только сейчас ее заметила.

— Ну, давай, — подбодрил Сирил. — Спроси ее!

Маэрлин подошла к дому.

— Сирил говорит, что вы сегодня утром показывали ему клубничную птичку, — сказала Эдди. — И будто бы это было совсем не похоже на те ни от машин. Он говорит, что видел людей, и песок, и большое длинное здание с петлей, а вчера вы показали ему еще одно место и сказали...

— Зачем ты рассказал об этом? — Маэрлин перевела взгляд с Эдди на Сирила.

— Потому что это правда.

Он опустился на четвереньки и пополз к качелям.

— Что вы ему показали? — спросила Эдди.

— Считай, это что-то вроде кинофильмов. Только там не картинки из выдуманных историй, а то, что бы... что будет на самом деле.

— Маэрлин?

Эдди подняла голову. За сетчатой дверью стояла ее мать в белой безрукавке и мешковатых голубых шортах, которые она носила только дома.

— А я думала, вы в библиотеке.

— На сегодня хватит.

— Тогда, может быть... вы могли бы сходить с Аделаидой и Сирилом в парк? Пусть лучше поиграют там, а не сидят перед телевизором. Только к пруду их не подпускайте. — Мама всегда боялась, что они могут подхватить полиомиелит, если будут плавать в парковом пруду.

— Значит, здесь я вам не нужна? — спросила Маэрлин.

— Гэйл и Гэри сядут, и я тоже собираюсь вздремнуть. — Миссис Альмстед вытерла лоб рукой. — Для других дел сейчас слишком жарко. Только приведите их к ужину.

— Ну что ж, тогда пойдем в парк, — сказала Маэрлин.

Эдди не хотелось в парк, особенно если нельзя будет поплавать в пруду. К этому времени старшие мальчики наверняка уже займут все качели, горки и шведские стенки, так что девочкам останется только сидеть и смотреть.

Сирил уложил последние детали «Линкольн Логз», сунул коробку под мышку и встал. Он и в парке собирается играть в свой конструктор! Куда бы она ни пошла, ее братик вечно тащится следом и делает

что-нибудь такое, из-за чего другие дети смеются над ним. Ее лицо запылало. Внезапно ей захотелось его ударить; она пожелала, чтобы он куда-нибудь делся и больше не возвращался никогда.

— Адelaide, — сказала Маэрлин.

— Я Эдди! — крикнула она.

— Эдди, почему ты так рассердилась?

Сирил широко раскрыл глаза. Ей вдруг стало стыдно за свой гнев.

— В парке нам нечего делать, — буркнула она.

— Ну, может быть, все-таки стоит пойти, — сказала Маэрлин, — и поискать там какое-нибудь стоящее занятие.

Эдди встала и сунула руки в кармашки шортов. Эрастус мягко взобрался по ступеням и свернулся клубочком под качелями. Сирил опустил взгляд на коробку у себя под мышкой, подумал и положил ее на один из плетеных стульев.

— Пойдемте, дети. — Маэрлин повесила свою сумочку на плечо. Сирил ухватил Эдди за левую руку. — Ну же, вперед!

Эдди почувствовала пальцы, крепко вцепившиеся в ее правое запястье. Внезапно оказалось, что они уже на улице; Эдди прибавила шаг, чтобы не отставать от Маэрлин, которая то и дело обеспокоенно поглядывала через плечо.

Они свернули направо, в сторону парка. Мимо них пронесся красный «шевроле» с откидным верхом, за ним зеленый «понтрак»-универсал, и улица опустела. Когда впереди показался маленький мостик, Маэрлин отпустила руку Эдди, покопалась в сумочке и вытащила какой-то плоский серебристый предмет. Знакомый мост словно бы мигнул и пропал. На мгновение Эдди могла различить только далекое светлое пятно в конце темного туннеля. У нее сжалось сердце, а потом они вдруг оказались в парке перед детской площадкой.

— Ну, вот мы и пришли, — сказала Маэрлин.

Но это был не их парк. Гимнастический комплекс оказался покрыт ржавчиной, нескольких перекладин не хватало, а вся конструкция грозила развалиться при первой же попытке забраться на нее. Трава пожухла и пожелтела, в ней проглядывали песчаные проплешины, качели и горка вообще исчезли. Пруда тоже не было, на его месте зияла яма со щебенкой, а на краю парка вместо кирпичного строения торчала лишь пара стен из красноватого камня. На другой стороне улицы не было серого дома с башенкой и большого белого дома с опоясывающей его террасой; там виднелся лишь высокий металлический забор. Они были единственными людьми в парке. Эдди не могла взять в толк, почему вокруг нет других детей.

— Что случилось? — спросила она. — Как вы это сделали?

Воздух тоже был странный — настолько горячий, душный и липкий, что пот уже стекал у нее по волосам, капая на лицо.

— Это не похоже на наш парк!

— Однако это он, — отозвалась Маэрлин.

— Тогда почему...

— Здесь больше никто не живет, — продолжала Маэрлин, — однако парк тот самый.

— Я не понимаю.

— Это такой парк, каким я его знаю... каким я буду его знать... каким он станет.

— Все равно не понимаю!

— Так этот парк будет выглядеть через много лет.

— Мне здесь не нравится, — сказала Эдди.

— Мы, я и такие, как я, живем нелегкой жизнью, — сказала Маэрлин. — Нам не досталось того, что должно было достаться от предыдущих поколений, но наша жизнь могла быть намного хуже. Мы могли не выжить вообще.

Лицо Сирила было мокрым от пота. Он прислонился к Маэрлин, и она положила руку ему на плечи. С ней он был другим — спокойным, способным смотреть прямо в лицо; он не отпихивал ее, когда она до него дотрагивалась.

Вдруг глаза Маэрлин расширились, а на лице появился испуг. Повернув голову, Эдди увидела на другом конце парка человека, стоявшего возле металлического шеста. На нем были пиджак в красно-белую полоску, белые брюки и широкополая соломенная шляпа.

Человек снял шляпу, под которой оказалась густая копна седых волос.

Маэрлин проговорила:

— Я не ожидала, что он последует за нами сюда.

— Кто это? — спросила Эдди, не желая признаваться, что уже видела его прежде, в первую ночь, проведенную Маэрлин в их доме.

— Один мой коллега...

Человек двинулся к ним.

— Не сейчас, — крикнула Маэрлин.

— А когда же? — крикнул он в ответ. — Зачем ты здесь? Ты должна была... — последовал поток незнакомых слов. Эдди смогла разобрать лишь несколько: «не должен», «мальчик», «долго», «ждать». Он постоянно поглядывал на Сирила, и Эдди поняла, что они говорят о ее брате.

— Чего ты ждешь?

— Не имеет значения, как долго я буду ждать, — ответила Маэрлин.

Человек улыбнулся.

— Это для нас не имеет, а для них имеет. — Он махнул рукой в сторону Эдди. — Будешь выжидать, мотаться взад-вперед по нитям — и еще больше все усложнишь, слишком многое изменишь и все запутаешь!

Теперь она разбирала все его слова, хотя по-прежнему ничего не понимала.

Маэрлин положила руку Эдди на плечо.

— Я не могу оставить девочку наедине с ее несчастьем, чтобы она потом мучила себя... после того что должно произойти. Если бы мы только сумели...

Человек сердито поглядел на Эдди.

— Если будешь медлить, для нее тоже выйдет только хуже.

— О чем это вы говорите? — спросила Эдди.

— Видишь ли, мы пришли сюда, чтобы кое-что забрать, — ответил человек. — И когда этого кое-чего, а точнее кое-кого, здесь больше не будет, все изменится. — Теперь он говорил очень медленно. — Произойдут события, которые не должны были случиться, и наоборот, не произойдет то, что иначе случилось бы. Иначе говоря, Маэрлин пришла забрать то, что нам нужно, и чем дольше она будет медлить, тем больше все усложнится.

— Тебе не очень-то удаются такие объяснения, — сказала Маэрлин, — и не надо путать малышей.

— Не надо откладывать!

Пальцы Маэрлин вцепились в плечо Эдди.

— Но оставить ее здесь, зная, что она никогда...

— Взять ее с собой ты не можешь.

Не разговаривай с незнакомцами. Папа говорил ей это множество раз.

Не разговаривай с незнакомцами и приглядывай за братом. Этого человека наверняка можно считать незнакомцем, пускай даже Маэрлин его знает; к тому же Эдди видела, что та боится.

Маэрлин схватила Эдди за руку. Все вокруг внезапно вздрогнуло и покачнулось; Эдди почувствовала, что ее сейчас стошнит. По детской площадке прошла рябь, словно Эдди смотрела на нее сквозь толщу воды, а потом все снова стало как всегда — все перекладки на месте и ярко блестят. Она несколько раз глотнула прохладный воздух, и тошнота понемногу прошла. Парк, однако, все еще выглядел не совсем нормально: горка находилась дальше от гимнастического комплекса,

а качелей только шесть, а не семь. В парке никого не было, только у пруда пара больших парней в плавках — вероятно, спасатели.

У Эдди подкосились ноги, и внезапно оказалось, что она сидит на траве.

— Что случилось? — прошептала она.

— Мы пошли в парк, и мой друг последовал за нами, — сказала Маэрлин. Ее голос дрожал. — Но теперь нам надо возвращаться домой, потому что время ужинать.

— Время, — повторил Сирил.

— Не может быть, — пробормотала Эдди. — Мы ведь только что вышли из дома!

Однако парк не был, как обычно в послеобеденное время, пронизан солнечным светом, а по другую сторону улицы, на затянутой сеткой террасе большого белого дома за столом сидели мужчина и женщина.

Эдди не помнила, чтобы эта терраса была затянута сеткой. Она подняла голову.

— Что происходит?

Маэрлин побледнела и прикусила нижнюю губу.

— Гляди, — сказал Сирил. — Клубничная птичка!

Он показывал на серый дом с башенкой. На передней стене дома, рядом с верандой, возникло изображение, словно в кинотеатре; сперва картинка была размытой, но потом прояснилась, и они увидели ржавый гимнастический комплекс из заброшенного парка, который они только что покинули. Седоволосый человек в полосатом пижаке стоял рядом со шведской стенкой, прижимая к груди соломенную шляпу.

Человек помахал им шляпой, и картинка начала медленно растворяться.

— Нет, — вполголоса пробормотала Маэрлин. Она взяла Эдди за руку и повела детей прочь из парка.

* * *

Отец Эдди с обеспокоенным лицом торопился к ним через мост.

— Рбшил пойти вас поискать, — сказал он, нагибаясь, чтобы обнять Эдди.

— Простите, мы опоздали, — ответила Маэрлин.

— Ну, не так уж и опоздали, однако мама все же беспокоится.

— Не может быть, чтобы было так поздно, — сказала Эдди, когда они перешли через мост. — Мы ведь не очень долго ходили.

Начинало темнеть, по обеим сторонам улицы и на подъездных дорожках стояли припаркованные машины, как бывает, когда люди уже вернулись с работы.

— Мы были в парке, только он оказался не такой, как обычно... — Маэрлин сильно-сильно сжала ее руку.

— Видели клубничную птичку, — пробурчал Сирил.

— Я думал, ты видишь их только на стене в своей комнате, — удивился мистер Альмстед.

— А эта была в парке, — упорствовал Сирил.

— Ничего мы там не видели, — сказала Маэрлин. Ее голос звучал как-то странно; видно, ей было не по себе из-за того, что она лжет.

— А вот и видели, на том большом доме!

— Ты просто ее вообразил, — сказала Маэрлин.

— Нет!

Отец Эдди остановился.

— Так что вы там видели? — спросил он.

— Там был человек, — сказал Сирил. — Маэрлин говорила с ним в парке. Мы его видели в парке и в клубничной птичке на том доме.

— Что за человек? — Теперь в голосе отца звучало настоящее беспокойство. — Я его знаю?

— Один мой друг, — проговорила Маэрлин все тем же напряженным голосом. — Вы с ним незнакомы. Он заметил нас в парке и помаhal мне рукой, вот и все.

— Вам надо как-нибудь пригласить его в гости, — сказал мистер Альмстед. — Мы с Сарой с радостью познакомимся с ним, если...

— Он был в клубничной птичке! — завопил Сирил.

— Сирил! — Отец начинал сердиться. Эдди боялась поднять взгляд. Краем глаза она выхватила лицо Маэрлин — та опять кусала губу. Эдди раздирали противоречивые чувства: если она признает, что Сирил говорит правду, отец расстроится еще больше. «Не разговаривай с незнакомцами» — сколько раз он твердил ей это. «Ты должна присматривать за братом, он не может сам присмотреть за собой». Сегодня она не сумела этого сделать; а если она скажет отцу, что Маэрлин позволила им говорить с незнакомцем, да еще с таким, вроде как страшным, он вообще выгонит Маэрлин из дома.

— Я видел его! — вопил Сирил. — В клубничной птичке!

На той стороне улицы на ступеньках своей веранды стояла миссис Смит и качала головой.

— Я ничего такого не видела, — сказала Эдди.

— Он был там! — заорал брат.

— Он просто помахал нам, вот и все. — Глаза Эдди жгли слезы. — твоей клубничной птички я тоже не видела!

Мистер Альмстед протянул руку к Сирилу, но тут же отступил и со смущенным видом сунул руки в карманы.

— Тихо, тихо, — успокаивающе проговорила Маэрлин и положила ладонь Сирилу на затылок. Он внезапно стих; его бесцветные глаза глядели мимо Эдди, как будто он ее не видел.

— Сирил, — позвала Эдди. Она-то думала, что он бросится на-земь и начнет кататься по тротуару или с воплями ринется прочь по улице.

— Как вы это сделали? — спросил отец.

Маэрлин отступила от Сирила.

— Что сделала?

— Как вам удалось его успокоить? — Отец покачал головой. — У вас волшебные руки. — Он нахмурился. — И вообще, если подумать, он ведет себя гораздо лучше с тех пор, как вы появились у нас.

«Маэрлин может позаботиться о Сириле, — подумала Эдди. — Это главное, что имеет значение, гораздо важнее, чем сказать правду».

— Абита, — сказал Сирил и повторил более громким голосом: — Абита!

— Что? Ты хочешь сказать «арбитр»? — переспросил мистер Альмстед. — В бейсболе бывают арбитры. Там что, ребята играли в бейсбол, в парке?

— Абита, — повторил Сирил, качая головой. Маэрлин опустила глаза.

Их дом выглядел этим вечером чуть по-другому: штукатурка казалась скорее желтой, чем бежевой, кто-то убрал с веранды одно из плетеных кресел, а на одной из ступенек растянулся чей-то коричневаторыжий с белым кот. Миссис Альмстед меряла шагами веранду, засунув руки в карманы мешковатых шорт цвета хаки. Когда они подошли, она подняла голову и, кажется, хотела кинуться навстречу, но потом просто помахала им и ушла в дом.

— Мистер Альмстед, — тихо проговорила Маэрлин, — простите меня, пожалуйста. Не сомневайтесь, я желаю вашим детям только самого лучшего.

— Уверен в этом, — отозвался отец Эдди. — Во всяком случае, я не собираюсь подавать на вас в суд из-за того, что вы с детьми немного опоздали к ужину.

— Благодарю вас, — прошептала Маэрлин.

* * *

Ночной воздух за окном спальни был прохладнее, чем вчера, напоминая о надвигающейся осени. Эдди сидела рядом с Сирилом у окна, положив подбородок на сложенные поверх подоконника руки. Маэрлин у них за спиной встряхнула одеяло Эдди и постелила на кровать.

За окном, возле края крыши, возникло пятно света и начало расти, превратившись в яркий бледно-голубой квадрат. Внутри квадрата стоял седоволосый человек, одетый на этот раз в белый пиджак и синие брюки.

Плечо Эдди стиснула опустившаяся сзади рука.

— Уходи, — произнесла Маэрлин за ее спиной.

— Не уйду, пока ты не сделаешь то, зачем тебя послали, — ответил человек.

— Уходи, — повторила Маэрлин. Другая ее рука лежала на плечах Сирила.

Квадрат рассеялся.

— Нет больше клубничной птички, — сказал Сирил. Его голос звучал твердо.

Он высвободился из-под руки Маэрлин и встал.

— Что происходит? — испуганно прошептала Эдди.

Маэрлин опустилась возле нее на колени.

— Ты же хочешь брату только хорошего, правда?

— Конечно.

— Вот и я тоже. Поэтому я здесь — чтобы сделать то, что будет хорошо и для твоего брата, и для множества других людей.

— Ну так сделай это! — раздался голос от двери. Эдди вскочила на ноги и повернулась: на пороге стоял седоволосый. — Сколько можно копаться?

— Как вы сюда попали? — спросила Эдди.

— Это мое дело, как я сюда попал.

Человек держал в руке плоскую серебристую коробочку вроде той, что была у Маэрлин во время прогулки; он быстро сунул ее в карман пиджака.

— Время вышло! — Он засмеялся, как будто сказал что-то забавное.

— Лучше уходите, — сказала Эдди, — или мой папа вызовет полицию!

— Твой папа сидит в кухне и надирается на пару с твоей мамой, которая ноет о том, как она устала и как у них никогда ничего не выйдет со всей вашей оравой и с Сирилом, какой он есть, а твой папа твердит, что все как-нибудь образуется.

Сирил смотрел на него, сощурился глазами.

— А через пару минут они пойдут спать и сразу же заснут, потому что твоя мама совсем вымоталась, а твой папа слишком много выпил. Я сходил по этой нити и проверил, прежде чем заглянуть сюда. Однако если Маэрлин не сделает того, что должна сделать, ничего никак не образуется, ничего не будет хорошего ни для Сирила, ни для твоей матери с отцом, ни для тебя самой — а может быть, и для всех остальных, сколько их есть. Маэрлин уже сошла с той нити, с которой мы начали, и если она будет припутывать другие...

— Тебе совершенно незачем говорить все это при детях, — произнесла Маэрлин, и Эдди увидела нарастающую ярость в ее темных глазах.

— Что происходит? — шепотом спросила Эдди. Она ухватила Маэрлин за рукав. Ее ноги затряслись, и она всем телом плюхнулась на пол. — О чем он говорит?

Человек отступил назад, в темноту коридора; виднелись только его белый пиджак и копна волос.

— Тебе решать, — сказал он.

Белый пиджак и волосы пропали.

— Маэрлин, — позвала Эдди.

— Все хорошо, милая. Позволь задать тебе один вопрос. Хочешь ли ты добра своей семье, своему брату? Знаешь ли ты, во что превратится его жизнь, если я не вмешаюсь?

Эдди повернулась к Сирилу. Он сидел, уставившись в окно и не обращая на нее внимания.

— Я тебе расскажу. В конце концов ему придется уйти из вашего дома в другое место. Он не будет способен найти применение своему дару, своему особому таланту. Ему придется уйти, а твой отец никогда не станет тем, кем мог бы стать. Он оставит учебу и преподавание и перейдет на другую работу, чтобы кормить семью и платить за содержание Сирила. Мне не удалось увидеть ясно, что случится с ним после этого. Лишь указания на то, что его жизнь будет несчастной, он начнет работать над тем, что ненавидит, и, несмотря на это, делать свою работу хорошо. Он и те, с кем ему придется работать, навлекут катастрофу — ужасное бедствие, войну. Эта нить порвется, и нити рядом с ней тоже, больше нитей, чем потерялось бы в другом случае. Это то, что я пытаюсь предотвратить.

Сбитая с толку, Эдди покачала головой.

— Но если Сирил пойдет со мной, — продолжала Маэрлин, — его жизнь будет лучше, и жизнь твоего отца тоже. Вначале, конечно, все будет не так уж хорошо; твой отец станет злиться и беспокоиться,

а мама плакать и отчаиваться. Они известят полицию, нас обоих начнут искать. Потом, когда нас не найдут, они какое-то время погорюют, но это пройдет.

«Она не может знать ничего подобного, — подумала Эдди. — О таком никто не может знать. Она все это выдумала!»

— В конце концов твой отец найдет утешение в работе, в обучении студентов. Твоя мама станет воспитывать оставшихся детей и тоже найдет себе цель в жизни. Эта нить не порвется. А Сирил будет жить с нами, и в этой своей новой жизни сможет использовать свой дар, вместо того чтобы потратить его впустую.

«А как же я? — подумала Эдди. — Ведь мама с папой будут винить меня! Они будут сердиться, что я не углядела за Сирилом». Ей вспомнилось, сколько раз она хотела, чтобы он куда-нибудь пропал, надеялась, что его отошлют прочь, мечтала, как она будет жить в собственной комнате и ей не нужно будет за ним присматривать. Они поймут, что она хотела избавиться от него — а значит, их обвинения будут справедливы. Ей захотелось вернуть назад все те мгновения, когда она желала, чтобы Сирил куда-нибудь делся.

Она не могла позволить Маэрлин забрать его. Это был единственный способ как-то компенсировать все эти отвратительные мысли.

— Что вы сделали с моим братом? — спросила она. — Что такое абита?

— Это такая маленькая штучка — устройство, которое приглушает некоторые его чувства, так что он... — Маэрлин вздохнула. — Это ему помогает. Без нее он будет постоянно подавлен тем, что видит, слышит и чувствует.

— Тогда зачем ему идти с вами, если вы можете сделать ему лучше и так?

— Потому что ему необходимо больше, чем просто абита, и он не получит того, что ему нужно, если будет продолжать идти по этой нити. Он не сможет использовать свой дар. И твой отец тоже не исполнит того, что ему предназначено. Сирил должен пойти со мной.

— Вы не можете забрать его!

Маэрлин наклонилась к Сирилу, взяла его за руку и подняла на ноги.

— Пойдем со мной.

— Нет! — Эдди бросилась на нее. — Оставьте его в покое!

— Аделаида...

— Вы его не заберете!

Маэрлин отпустила Сирила, схватила Эдди под мышки и швырнула ее на кровать. Эдди лежала потрясенная, не в состоянии ше-

вельнуться, а Маэрлин снова протянула руку к ее брату. Ее левая рука сомкнулась на его запястье, в правой она держала свою плоскую серебристую коробочку. В стене возник проем; за ним открывались серые каменные ступени, которые вели к высокой стеклянной двери.

— Клубничная птичка, — проговорил Сирил.

— Прости меня, — сказала Маэрлин.

— Вы не можете его забрать! — Эдди заставила себя подняться и бросилась вслед за ними. Она ухватилась за Сирила, пытаясь оторвать его от Маэрлин, и вдруг ощутила ее руку у себя на плечах.

Пол под ними покачнулся; Эдди почувствовала тошноту и зажмурилась, боясь, что ее сейчас вырвет.

Земля под ее ногами успокоилась. Она разомкнула веки и увидела стеклянную дверь.

— Маэрлин? — прошептала Эдди.

— Все хорошо, — отозвалась Маэрлин. — Никто не причинит тебе вреда.

Эдди отвернулась от двери и увидела пустынный ландшафт; песок и скалы тянулись до горизонта, где высилось нечто, похожее на гигантские острые зубы.

— Я хочу домой, — сказала Эдди. Пусть только Маэрлин вернет их обоим домой, и она будет вести себя хорошо, и всегда присматривать за Сирилом, и никогда больше не захочет, чтобы его куда-нибудь забрали.

Когда она снова повернулась, стеклянная дверь скользнула в сторону. Перед ними стоял седоволосый человек.

— Что ты наделала?! — закричал он. — Ты знаешь? — повторил он уже спокойнее.

— Знаю, — ответила Маэрлин.

— Она не может остаться здесь, но и не может вернуться обратно по той же нити; теперь это невозможно.

— Я знаю.

— Так зачем же ты ее сюда притащила? Как ты могла позволить ей...

— Она не заслужила того, что произойдет с ней там — в том времени. Ей не будет прощения. Даже если ее родители поверят, что она не делала ничего плохого, она сама будет вечно носить вину у себя в душе. — Маэрлин опустила на колени рядом с Эдди. — О твоём братике здесь позаботятся. Ты ведь веришь мне, правда?

Эдди кивнула, заставляя себя верить, несмотря на царившее за стеклянной дверью запустение.

— Тогда ты должна сейчас же вернуться назад, но совершенно самостоятельно.

Эдди сглотнула.

— Но он же сказал... — Она показала на седоволосого. — Он... я думала...

— Не думай о том, что он сказал. Повернись.

Эдди повернулась направо и увидела коридор, стены которого, казалось, состояли из тумана. Она едва могла различить комнату на другом его конце, но кажется, там были такие же окна, как в ее спальне.

— Теперь ты должна пройти по этому проходу, — сказала ей Маэрлин.

— А вы когда-нибудь вернетесь? — Ее глаза наполнились слезами. — Вы приведете Сирила обратно домой хотя бы ненадолго?..

— Иди!

Рука толкнула ее в спину, она потеряла равновесие и шагнула в проход. Окна ринулись на нее — или это она сама заскользила к ним по коридору, не в силах остановиться. Эдди упала и кубарем покати-лась по полу, потом распрямылась и поднялась на ноги.

Сирил и Маэрлин были лишь крошечными размытыми фигурками на стене, стоящими в конце туннеля; через мгновение они исчезли.

* * *

В конце концов Эдди поднялась и добрела до своей кровати. По ее лицу текли слезы, она больше не могла их сдерживать. Не может быть, чтобы Сирила больше не было; наверняка он там, внизу, смотрит телевизор с выключенным звуком или играет на веранде в свой конструктор. Она упала поперек кровати, не в силах остановить рыдания. Из-за окон смутно донесся звук подъезжающей машины, и голос, похожий на Бобби Ренфрю, окликнул кого-то.

Она вытерла глаза. Только что была ночь, а сейчас за окнами сияло солнце. Кровати Сирила не было; на ее месте стояли маленький книжный шкаф и крашенный комод.

— Сирил, — прошептала она и тут увидела, что зеленые стены спальни стали желтыми. «Это не моя комната», — подумала Эдди с испугом. Маэрлин отправила ее куда-то не туда! Она опустилась на пол и закрыла глаза ладонями. Она спит, вот в чем все дело; наверняка все это ей снится. Надо проснуться, и все будет как прежде.

— Эдди?

Она открыла глаза. В дверях стоял отец, в распушенном галстуке, с пиджаком, переброшенным через руку.

— Я мог бы поклясться... — Он тряхнул головой. — Несколько минут назад тебя здесь не было. Как ты мимо меня проскочила?

Она не знала, что ответить.

— Я все время была здесь, — наконец проговорила Эдди, хотя это было совсем не то, что она хотела произнести. «Маэрлин забрала нас обоих, но вернула меня обратно», — вот что она хотела сказать.

Эдди попыталась вспомнить, что говорила та женщина.

Отец нахмурился.

— В чем дело? Что-то не так?

Она покачала головой. У женщины было странное имя, но она не могла вспомнить, как оно звучало.

— Тогда спускайся вниз. Будем ужинать.

Отец отошел от двери; Эдди вышла следом за ним. Дверь следующей комнаты была открыта; проходя мимо, она заглянула и увидела голубые занавески и вымпел «Бруклин Доджерс» на стене.

Она забежала в комнату. На комодѣ валялась бейсбольная перчатка, а на голубом ковре — пара кроссовок. Через полукрытую дверцу узкого платяного шкафа виднелись брошенные на вешалку штаны. «Эта комната должна выглядеть не так», — подумала она, но не могла вспомнить, как здесь было прежде.

— Твой брат внизу, — сказал отец.

Эдди обернулась.

— Гэри внизу, — повторил отец, — и я надеюсь, что вы не будете больше драться за едой. Мама говорит, что утром вы набросились друг на друга как бешеные.

Она выскочила из комнаты, протиснулась мимо него и ринулась к лестнице. Ее пальцы уже ухватились за перила, когда возле нижних ступеней появился мальчик. Он стащил с себя бейсболку, под которой оказалась светлая шевелюра.

— Сирил, — прошептала она.

Но это был не Сирил. Рядом с мальчиком появилась женщина в шортах и белой безрукавке; ее улыбка была настолько открытой, а взгляд таким уверенным, что Эдди потребовалось несколько секунд, чтобы узнать маму.

— Эдди, — сказала мама, — в чем дело?

Эдди уставилась на мальчика.

— Ты не Сирил! — Она попыталась вспомнить, кто такой Сирил.

— О чем ты? — заорал мальчик. — Я Гэри! Ты что, совсем тупая, брата не узнаешь?

— Тогда как же... — Эдди повернулась к отцу. — Как же близнецы?

— Какие близнецы? — На лице отца отразилось искреннее беспокойство. Эдди шагнула к нему, а потом кинулась мимо него в свою комнату.

Она что-то потеряла. Эта мысль неотвязно ее преследовала. Может быть, оно еще где-то там, в ее комнате? Эдди бухнулась на колени и заглянула под кровать, но увидела только пару сандалий и несколько комочков пыли. Поднимаясь, она заметила на стене тени. Сколько раз она видела их прежде — миниатюрные силуэты машин, отражения тех, что ездили на улице за окном.

Эдди села на кровать и уставилась на дрожащие тени, скользившие по желтой стене.

— Эдди? — В комнату вошла мама, за ее спиной маячили отец и брат. — С тобой все в порядке?

Она пошла к себе в комнату, чтобы почитать, — сейчас она это вспомнила.

— Все хорошо, — ответила Эдди.

— Точно? — настаивала мать. — Ты весь вечер просидела тут, наверху.

— Я в порядке, — заверила Эдди. — Я хотела немножко почитать, но, наверное, заснула.

Она бросила взгляд на книжный шкаф. Несколько дней назад она взяла из городской библиотеки книжку сказок — именно эту книжку она собиралась почитать этим вечером.

Гэри скорчил ей рожу: закатил глаза вверх и насмешливо скривил рот. Отец положил руку ему на плечо.

— Пошли, спортсмен, — сказал он мальчику. — Можешь сразу бежать вниз и мыть руки перед ужином.

Оба скрылись в коридоре. Отражения на стене потускнели.

— Клубничные птички, — проговорила Эдди.

— Что ты сказала? — переспросила мать.

Эдди показала на стену.

— Клубничные птички, — повторила она, не зная, откуда взялись эти слова, но чувствуя, что они почему-то подходят. Ее снова охватило чувство, словно бы она что-то потеряла, но вскоре оно понемногу рассеялось.

Перевел с английского
Владимир ИВАНОВ

М А К С И М Х О Р С У Н

ПОКИДАЯ

Иллюстрация Людмила ОДИНЦОВОЙ

«МАРРАКЕШ»

Передвигаться по техническому тоннелю можно было только на четвереньках. Луч фонаря метался по кабелям и трубам. К рабочему комбезу пыль не приставала, но руки были грязные, и я пожалел, что не надел перчатки.

В отдалении слышались голоса Скогга и Энди. Первый что-то непрерывно бурчал, второй лишь время от времени вставлял фразы резким тоном.

— Эй, Скотти! — позвал я, остановившись. Свет в конце тоннеля казался неестественно ярким. — Энди! Мужики!

Но ребята меня не слышали. Скотт бубнил, как телевизор, включенный на канале новостей. Ну и черт с ними... Тем более что я уже увидел распределительный щит вентиляционной подсистемы жилой зоны.

Отвинтил панель и принялся за работу.

Добротю все сделано, надежно. Не слышал, чтобы нашим техникам приходилось здесь что-нибудь чинить. Если бы не инцидент, то и я бы тут не появился. Впрочем, пыль на полу была полустертой. Кто-то проползал по тоннелю до меня, причем недавно. Наверное, инженер оценивал повреждения.

Перещелкнув пакетные выключатели, я ощутил прохладный ветерок. Подсистема ожила. Я вдохнул свежий воздух полной грудью, потом осветил в глубь тоннеля.

Свет отразился в выпуклых глазах анонима.

Это было так неожиданно, что я смешался. Но любопытство перебило.

— А ты как здесь оказался, малыш? — обратился я к анониму приветливо, но негромко, стараясь его не испугать.

Я не знал, как определять возраст этих существ, но, по-моему, рядом со мной была юная особь.

Аноним растопырил конечности, которые мой язык не поворачивался назвать руками и ногами, наклонил лысую, шишковатую голову к полу и пополз назад, во тьму.

Прежде я не видел анонимов так близко, да и издалека — всего пару раз. Мы не знали о них ничего, хотя жили почти по соседству.

Я подумал, что он проник в тоннель во время инцидента, а после, когда обшивку залатали, не смог выбраться обратно. И ему нужно помочь — вывести в отсеки.

Существо убежало. Оно напоминало паука: такое же темное, проворное, длиннолапое.

— Постой! Ты заблудишься!

Первый перекресток, второй... А потом я остановился. Над полом приподнимался подсвеченный красными огнями порожек. На трубах атели полосы светоотражающей краски. Дальше начиналась «красная зона», куда человеку соваться запрещалось. Опасно для жизни — это раз, и в контракте на этот счет имелся специальный пункт — это два. Так что я посмотрел, как сверкают в темноте глаза анонима, и повернул обратно. Говорили, что этим существам не страшны радиация, электромагнитные поля, и даже в космическом вакууме они могут обходиться без скафандров.

Я выбрался из тоннеля. Скотт и Энди сидели в нише между двумя шпангоутами и ковырялись в блоке подсистемы кондиционирования.

— Мужики, а я анонима видел.

Энди никак не отреагировал на мою фразу, а Скотт бросил через плечо:

— Тебя инженер вызывает.

Я подхватил с палубы тряпку и принялся вытирать руки.

— Я поздравляю, Джо. Наниматели очень довольны, — проговорил Гаррель сонным голосом. — Твой статус с этого дня повышен, у тебя появляются привилегии, в том числе новый рацион питания, и еще есть файл с благодарностью за вклад в развитие Компании, но он на языке Нанимателей. Ты понимаешь Коло-О?

— Чуть-чуть, — признался я.

— Язык Нанимателей надо учить, — назидательно проговорил Гаррель.

— Хорошо, шеф. Но это какая-то ошибка... Я/ничего такого не делал. Я просто занимаюсь своей работой.

Шеф пожал плечами.

— По-моему, это ошибка. Работяга как работяга. Звезд с неба не хватаешь, — он вздохнул. — Впрочем, Нанимателям виднее. Претензий к тебе нет, дело свое знаешь, так что все справедливо.

Я сглотнул. Это с трудом укладывалось в голову. После инцидента у всех было много работы. Может, меня заметил кто-нибудь из офицеров Компании? Или из-за инцидента произошел сбой в компьютерной сети «Марракеша», и благодарность вместе с привилегиями пришли ко мне по ошибке, миновав человека, которому они предназначались заслуженно?

Гаррель ткнул пальцем в старомодную клавиатуру.

— Все. Твой чип перепрошит. Еще раз поздравляю. Можешь работать дальше, — пробурчал он.

— Работать? — Я замялся. — Обед ведь, шеф...
— А! — Гаррель кивнул. — Ну, тогда шагай обедать.

В офицерскую столовую я ни разу не заходил, хотя служу на «Марракеше» больше двух лет. Теперь мне обедать здесь всегда — новый статус обязывал.

Пахло в офицерской столовой свежезаваренным кофе и карри. Совсем не так, как в нашей, для низших чинов. Жаль, что Лизы нет сейчас со мной. Нужно будет привести ее сюда и покормить по своему чипу.

Синие комбинезоны — пилоты, навигаторы. Красные — инженеры с ускорителя, белые — медики и биологи...

Раздатчик просканировал мой чип, потом выдал тарелку супа-пюре с гренками, овсянку с котлетой, салат и большую чашку кофе. Пожелал приятного аппетита.

Я сел за свободный столик и уже почти оприходовал салат, когда ко мне подсели два навигатора.

Офицеры завели разговор об инциденте.

— Скорее бы зарядились гиперы, — проговорил, хрустя гренком, первый навигатор. — В этой точке нас уже раскрыли. Лет на пять световых надо переместиться, чтоб и след простыл.

— Пять лет — пять суток зарядки, — отозвался второй. — По меньшей мере.

— Тогда надо прыгнуть на год или на два прямо сейчас.

— Наниматели не пойдут на это, — второй поковырялся ложкой в овсянке. — Группу Дайсона оштрафовали за недолет. Seriously оштрафовали. Парни, выходит, в убыток себе служат.

— В убыток... — первый поджал губы. — Это любимое слово Нанимателей.

— А что ты хочешь — живем и умираем в интересах Компании. И будет так всегда, пока Земля находится под властью Коло-О.

Оба навигатора посмотрели на меня. Чтобы поддержать беседу, я поделился:

— А я сегодня анонима видел.

Навигаторы переглянулись, а затем продолжили.

— Корабль человеческий, — сказал первый. — Старый грузовик. Капитан поэтому подпустил его на расстояние визуального наблюдения. Не ожидал угрозы.

— Они проверили нашу обороноспособность, — подхватил второй. — Направили смертника, чтоб посмотреть, как мы будем действовать.

Навигаторы похмыкали, потом застучали ложками, добивая кашу и котлеты. Я же со вторым покончил и теперь потихоньку цедил кофе. Неожиданно вспомнилось то, о чем говорили ребята во время перекуров.

— А я слышал, что в туманностях много чужих кораблей, — поделился я, понизив голос, — которые собирают газ для синтеза органики.

Первый навигатор вздохнул.

— Газопылевая туманность — отличное место для засады, — пояснил он. — Чужим, если они и существуют, наплевать на «Марракеш», а вот своим — нет. На нас охотятся. Радикалы или пираты, называй как угодно. Когда война закончилась, экипажи некоторых боевых кораблей не пожелали сдаваться Коло-О.

— Теперь они рыщут в этой глуши, выискивая мастодонтов вроде «Марракеша», — продолжил второй. — Одному кораблю нас не одолеть, но они всегда действуют стайей. И нам несдобровать, когда они возьмутся за нас всерьез.

А я даже не предполагал, что на «Марракеш» могут охотиться люди. Зачем? Допустим, они ненавидят Нанимателей, а вместе с ними и анонимов. Все может быть. Но атакуя корабли-заводы класса «Марракеш» — человеческие корабли, построенные на лунных верфях, — они ставят под удар жизни сотен землян, которые там служат.

— Вот именно, — поднял палец первый навигатор, после того как я выразил свои сомнения. — Для того-то мы им и нужны.

Второй отодвинул опустевшую кружку и договорил:

— С людьми, которые работают на Нанимателей, радикалы управляются с особым смаком. Террористы есть террористы.

Я, наверное, побледнел, потому что этот навигатор поспешно добавил:

— Космос велик. Вероятность того, что нас обложит волчья стая, очень мала. Сейчас нас обнаружили, но пока радикалы соберутся для атаки, «Марракеш» переместится на несколько чертовых световых лет. Ищи-свищи нас тогда.

— Если успеем зарядить гиперы, — добавил первый и подмигнул мне.

Ночью всех подняли по учебной тревоге. Мы с Лизой натянули комбезы и выбежали в коридор.

Выходы к спасательным ботам находились рядом с жилой зоной. Обычно на этой палубе шатались два скучающих охранника, теперь же они замерли, вытянувшись по струнке, а офицеры службы безопасности стояли у люков спасательных ботов и следили за тем, как обитатели жилой зоны — сонные и угрюмые — отрабатывают эвакуацию.

Бот, к которому были приписаны мы с Лизой и еще шестеро низших чинов, быстро заполнился. Все разместились в ложементх и пристегнулись ремнями безопасности. Я был по расписанию старшим, поэтому сначала включил автопилот и задал пункт назначения, а потом уже занял место.

Примерно через полчаса в бот забрался инспектирующий офицер.

— Вы, вы и вы, — он указал на тех, кто поленился надеть на исподнее комбезы, — получили смертельную дозу радиации.

Офицер что-то отметил на своем наладонном экране. Подошел к Лизе.

— На вас нет спецобуви, — проговорил он строго. — На «Марракеше» отсутствует гравитация, и вы не успеете на бот до его отправления.

Потом он проверил компьютер и приказал мне подойти.

— Какой курс следует задавать спасательному боту?

Я ответил без запинки:

— Курс на основную планету Коло-О и колонии, сэр.

— Почему тогда вы выбрали ненаселенную планету DDXI-221?

— Радиус действия гиперлов спасательного бота не превышает десяти световых лет, сэр, — пояснил я, стараясь говорить уверенно, ведь на меня смотрела Лиза. — И поблизости нет ни одной населенной Коло-о или людьми планеты. А на DDXI-221 человек может выжить без спецсредств. Поэтому я выбрал именно ее, сэр.

— Мо-ло-дец, — по слогам пробубнил офицер, чиркая пальцем по наладонному экрану. — Далеко мы забрались, правда?

— Правда, сэр.

— Не страшно? — Он заглянул мне в глаза.

— Почти нет, сэр, — ответил я. — У нас хороший корабль.

— Это ваш статус повысили Наниматели?

— Да, сэр.

— Что ж, думаю, вас ждет новая и интересная работа.

— Надеюсь, сэр! — ответил я и, почувствовав, что не хватает финального аккорда, добавил: — Служу Компании!

Увы, на следующий день новой и интересной работы не случилось. Шеф Гаррель поручил нашей бригаде заняться этими самыми спасательными ботами, потому что при отработке учебной тревоги в их системах обнаружилась уйма мелких поломок.

Потом на чип пришло сообщение от Алана Кейва. Он был моим агентом и агентом еще полусотни человек из числа низших чинов на «Марракеше». Алан занимался контрактами, договорами

и всякими юридическими вопросами, работал напрямую с Нанимателями.

И он просил, чтобы я заглянул к нему, как только появится свободная минута. Точнее, не просил, а требовал. Видимо, хотел обсудить повышение статуса.

Свободная минута нашлась только после окончания смены.

Алан времени не терял: пока посетителей не было, работал на тренажере: качал спину, а может, пресс — я не очень разбираюсь в этих устройствах. Тренажер стоял позади рабочего стола. А на столе лежал скоросшиватель с моим именем на обложке.

— Хух! — Алан присел, потянулся к вафельному полотенцу. Футболка с гербом Компании на нем была темной от пота. — Пришел? Хорошо. Садись там.

— Привет, Алан. — Я опустил на край кресла для посетителей.

— Тебе повысили статус? — Агент свинтил крышку на бутылке с минеральной водой, сделал пару глотков. — Поздравляю, черт тебя возьми!

Я развел руками.

— Ну, может, ты мне объяснишь...

— Я уже объяснял, Джо, — Алан уселся за стол, взъерошил мокрые волосы. — Но ты ведь ничего не помнишь, правда?

— Что объяснял, Алан? — Я действительно ничего такого не припоминал.

Агент тихонько засмеялся, покачал головой.

— Я ведь предупреждал, что рано или поздно мы вновь столкнемся с той же самой проблемой, — проговорил он, скаля зубы. А потом вынул из скоросшивателя несколько страниц и протянул мне.

Это был типовой контракт. Ничего особенного. Ничего такого, что в один миг все объяснило бы.

— Ты меня знаешь, Джо, — Алан перестал улыбаться. — Для меня интересы клиентов-людей превыше всего. Превыше корпоративных интересов Нанимателей, но я чту законы Коло-О, поскольку таковы правила игры. Я устраиваю Нанимателей, потому что честно предупреждаю работников о возможных трудностях в процессе сотрудничества с инопланетянами.

— Это обычный контракт, Алан... — Я положил бумаги на стол.

— Пункт 2.14! — Агент снова подтолкнул бумаги ко мне. — Заурядный параграф, на который мало кто обращает внимание. Ну конечно! Мы ведь отправляемся в глубокий космос! Лет на пять как минимум! И само собой, что «результаты физического и умственного труда»,

а также «органические ресурсы или отходы, образовавшиеся в результате жизнедеятельности, являются собственностью Компании».

Я смутился. О некоторых вещах не стоило говорить вслух. Я знал, что на «Марракеше» все отходы отправлялись в переработку, и это было правильно, ведь без жесткой экономии и повторного использования ресурсов вдали от планет и баз снабжения не выжить.

Но какое отношение это имеет к повышению моего статуса?!

— Лиза беременна, — сказал Алан, не сводя с меня глаз.

Мне в лицо дохнуло жаром. Словно из-под перегретого кожуха гпера.

—Что?

— Беременна, — повторил Алан. А потом добавил чуть ли не с ненавистью: — Во второй раз!

Меня пробрало до мурашек, столько было темных эмоций в его голосе. Захотелось уйти, не попрощавшись. Прервать эту досадную беседу, смысл которой от меня все равно ускользал.

— Все, что произведено тобой, Лизой, а также вами вместе, есть собственность Компании, — продолжал Алан. — Об этом говорится в контракте, Джо. Дети в том числе. Думай! Вспоминай!

Но думать отчаянно не хотелось. Я понимал, что должен что-то ответить, но слова не собирались в предложения.

— Год назад, Джо! — Алан сжал кулаки. — Мы говорили о том же! Наниматели смешали людей с грязью, и я по мере сил помогаю вам и себе пусть не выбраться, но хотя бы не захлебнуться в этом болоте. Вы же настойчиво прете в трясины!

— Лиза не может быть беременна, — пробормотал я. — Я бы знал... Она бы мне сказала...

— Черта с два! — отрезал Алан, и внутри у меня что-то оборвалось. — Она тебя любит, но знает, что с тебя взятки гладки.

Я облизнул пересохшие губы.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты так переживал, когда Наниматели забрали у вас первого ребенка, что врачам пришлось блокировать часть твоих воспоминаний.

Я не мог понять, паясничает Алан или говорит всерьез.

— Ты идиот, Джо. Ты не понимаешь, почему ребята на работе стали общаться с тобой сквозь зубы. Ты не понимаешь, в чем причина размолвок между тобой и Лизой. Тебе тяжело сосредоточиться; беспокойство — твое постоянное состояние; ты не можешь усваивать новый материал, и временами боишься всего, что связано с Нанимателями. Это последствия вмешательства в работу твоего мозга.

Я почувствовал, что на глаза наворачиваются слезы. И все-таки мне удалось рассмеяться.

— И что же, Лизе тоже стерли память?

— Ей-то зачем? Во всей этой истории лишь ты оказался таким впечатлительным. И снова наступил на те же грабли! — продолжил выговаривать Алан. — Нельзя было удалять воспоминания! Они уберегли бы тебя от повторения ошибки.

— Но зачем Нанимателям наши дети? — Я настойчиво пытался найти слабинку в построениях проклятого агента.

— Не знаю! — Алан пожал плечами. — На «Марракеше» полно «красных зон», куда путь людям закрыт. Какие там хранятся тайны, знают лишь Наниматели. В конце концов, мы ведь не отчитываемся перед курами, как используем их яйца.

— Если это правда... то что можно сделать?

Алан поджал губы.

— Ничего нельзя сделать, Джо. Ты подписал контракт. Я рассказал, какие подводные камни могут встретиться на пути, ты согласился со всеми пунктами и подписал. Какой молодой человек станет задумываться о детях, отправляясь с загаженной Земли, на которой даже тараканы мрут от голода и радиации.

Я вздохнул.

— Лиза ведь... перестала принимать противозачаточные. Она полнеет от них. Работа в ее лаборатории сидячая, кормят черт знает чем! — Я покосился на тренажер Алана и добавил в сердцах: — И спортивные залы не для нас, низшим чинам не положено! Вот и результат.

Алан понимающе кивнул.

— Да. Но что ты будешь делать? Снова запишешься на прием к мозгостерам?

— А есть другой вариант? — У меня на самом деле была надежда, что агент припас несколько полезных советов.

— Не знаю... — Алан опустил глаза. — Наниматели отметили твои похвальные старания, значит, на род людской у них имеются серьезные планы.

— Ладно. Тогда мне нужно будет встретиться с кем-то из Нанимателей, — сказал я и покрылся холодным потом.

— Исключено, — отмахнулся Алан. — Зачем? Что ты им скажешь? Не забирайте второго нашего ребенка? Наниматели — рептилии-капиталисты, им плевать на твои душевные терзания. К тому же ты не говоришь на Коло-О.

— Но к чему тогда этот разговор, Алан, если изменить ничего нельзя?

— Ты ничего не понял, Джо... — мой агент покачал головой. — Иди и думай. До того как тебе замагнитили мозги, ты умел это делать.

— Тебе повысили статус, — сказал я Лизе. — Мы могли бы позавтракать вместе в офицерской столовой.

Лиза прекратила собирать вещи, посмотрела на меня.

— Кто тебе сказал?

— О чем?

— О моем статусе?

— Никто, — признался я. — Догадался.

— Догадливый... — пробурчала Лиза, спешно запихивая в спортивную сумку белье.

— Я подумал, если мне повысили статус, значит, и тебе повысили. — Я поднял лежавшую на кровати картину. На ней был изображен осенний лес в тумане — подарок от соседей по жилой зоне. Вспомнить бы, по какому поводу... — Тебе совсем не нужно уходить!

— Положи! — выпалила Лиза. — Я забираю картину с собой. Поддай пакет! Да, тот, с косметикой.

— Ты надолго? — спросил я.

— Не знаю! — Лиза принялась укладывать пакет в набитую доверху сумку. — Я переведусь в другую смену!

— Ты же понимаешь, — я сел на кровать, — что нам никуда не деться с этого корабля. Не деться друг от друга, от Нанимателей и от наших страхов.

— Поддай мою «читалку».

— Держи... С новым статусом у нас все будет по-другому. Мы станем жить как офицеры. Я пойду к Нанимателям! Алан обещал устроить встречу! Я не позволю отнять у нас ребенка еще раз!

Лиза побледнела, губы ее задрожали. Что-то она собиралась сказать... Кинуть упрек напоследок... Но тут объявили учебную тревогу, и нам пришлось, позабыв обо всем, бежать к ботам.

А после мы разбирали вещи Лизы и раскладывали их по местам.

— Умаялся? — спросил во время обеда один из навигаторов, с которыми я уже вроде как подружился. Звали его Кларком.

— Да, сэр, — ответил я. Работы со спасательными ботами продолжались, и не было видно ни конца, ни края.

— Дел сейчас прибавится, — сказал приятель Кларка, навигатор по имени Марк Алонсо. — Мы закончили обсчет альтернативного курса. — Он улыбнулся. Наверное, обсчет курса для навигатора — это все

равно что для нас поменять энергоконвертер, такой же адский труд. — Скоро прыгнем. Сегодня или завтра.

— Да, — поддержал товарища Кларк. — Жди оповещения.

— Хорошо. Спасибо, — поблагодарил я с набитым ртом. — А как же «волчья стая»?

Навигаторы переглянулись. Потом Кларк сказал:

— Улизнем у них из-под носа. Будь спокоен!

Навигаторы не ошиблись. Работы привалило. Нашу бригаду в тот же день перебросили на профилактику ускорителя частиц. И не только нас, всех техников туда погнали. Инженеры проверяли магнит за магнитом, предускоритель за предускорителем, мы же метались от одного блока к другому, копошась, точно муравьи. Продержали нас в бустере сикротрона до тех пор, пока на участок не прибыли сменщики. То есть до ночи.

Перед тем как вернуться назад — из внешней части «Марракеша» во внутреннюю, — мы с ребятами постояли чуток у иллиминатора. За бортом была серо-зеленая мгла, сквозь которую просвечивали лишь самые яркие звезды окрестностей. Где мы были?.. Зачем мы были?.. Черт его знает...

По изгибу разгонного кольца, опоясывающего «Марракеш», промелькнула тень. За ней еще и еще.

— Анонимы! — ахнул я.

Мыс ребятами прижали носы к холодному стеклу, сияясь разглядеть то, что происходит на разгонном кольце. А там уже сверкала сварка и белые искры уплывали в пространство.

— Наши коллеги, — высказался Скотт. — Мы внутри латаем, а они снаружи.

— Ага, — поддакнул я. — Анонимам не нужны скафандры. Им вакуум не страшен.

— А также опасные для человека излучения, — договорил Энди.

Я же подумал, что тот аноним, которого я встретил в воздушном тоннеле, вероятно, тоже ремонтировал что-то в границах «красной зоны». И на территорию людей зашел из любопытства. Быть может, они знают о нас так же мало, как и мы о них.

— Интересно, Наниматели их тоже завоевали или они сотрудничают с Коло-о добровольно? — решил я поразмышлять вслух.

В зеленоватой мгле сверкнула молния.

— Ох, ты! — успел сказать Скотт, прежде чем взвыла сирена.

— Экипажу приготовиться к гиперпрыжку, — объявила система оповещения. — Десятисекундная готовность. Десять. Девять...

Мы с ребятами уставились друг на друга. Никогда еще не было, чтоб вот так сразу десятисекундная готовность.

— Ложись! — приказал Энди и кинулся на палубу.

Я готов дать голову на отсечение — до нуля компьютер не досчитал. «Марракеш» прыгнул раньше. Рванул тем самым альтернативным курсом, о котором говорили за обедом навигаторы.

Отсек крутанулся вокруг меня. Я отлетел, врезался затылком в иллюминатор.

Сам прыжок длится долю секунды. Что происходит в тот момент, когда заключенная в гиперрах энергия освобождается, человеческий мозг не может интерпретировать, поэтому попросту вычеркивает из памяти.

Спина и шея болели. Я привстал, поглядел в иллюминатор. Мгла за бортом стала плотнее. Сквозь нее уже не виднелись звезды. «Марракеш» в один миг переместился в сердце газопылевой туманности.

— Вот черт! — Скотт глядел на меня круглыми глазами. — У тебя кровь, Джо!

— Надо врача позвать, — проворчал Энди.

— Стоп! Погодите! — Я встал на ноги. — Я домой пойду. Не надо врачей... — А потом спросил неожиданно для себя: — Скотти, а ты говоришь со мной через губу из-за того, что мне подправили память?

Скотт несколько раз открыл и закрыл рот. Потом прошипел:

— Да пошел ты, придурок!

И поплелся прочь. А за ним посеменил и Энди.

Я же добрался до жилой зоны на монорельсе в компании техников из другой бригады. Мы обсудили поспешный прыжок «Марракеша», поговорили об инциденте. Кто-то сказал, мол, если всех бросили на ускоритель частиц, значит, скоро случится большой «Бум!».

Лиза была без сознания. Лежала на полу возле кровати. Ей не хватило трех секунд, чтобы лечь и закрепить ремнями. И почему мы прыгнули, не дождавшись конца отсчета?

Врачей все-таки пришлось позвать.

Мне уже доводилось бывать в «красной зоне». Причем не единожды.

Понимание снизошло на меня ночью.

— Ты чего не спишь? — буркнула Лиза.

— Сплю! — соврал я, глядя в потолок.

Она прижалась лицом к моему плечу, перебросила руку мне через грудь и засопела.

Я же лихорадочно пытался вспомнить. Перед глазами мелькали кабели и трубы, пестрящие красными метками. Что я там забыл?

«Красная зона»... Глаза анонима отражают свет фонаря. Множество глаз множества анонимов... Да когда же это было со мной? В какой-то другой жизни...

Мне было страшно. Мне было тревожно. Простыня подо мной стала влажной от пота. Показалось, будто я лежу, точно стейк на раскаленной решетке. Осторожно сняв с груди руку Лизы, я выскользнул из постели. Натянул шорты, футболку, старые кроссовки, в которых меня точно не пустили бы в спасательный бот. Вышел в коридор.

Повсюду сиял яркий свет. Это для нашей смены сейчас была ночь на самом деле «Марракеш» не спал никогда. Никто на меня внимания не обращал, пару раз я ответил на приветствия, и все. Спустился на уровень где недавно ремонтировал вентиляционную подсистему. Открыл шкаф' спрятанный между шпангоутами. Отыскал фонарь среди инструмента

Втискиваясь в техтоннель, Я подумал, что наверняка измажусь с ног до головы, а потом придется в таком виде идти через жилую зону. Но вернуться назад я почему-то не мог. Не мог - и точка. Включил фонарь и пополз, сбивая колени, вперед.

Аноним, казалось, ждал меня на границе «красной зоны».

— Ты знаешь, что я делал у вас? — спросил я у него, приблизившись.

Аноним склонил покрытую гибкими хитиновыми пластинами голову. Он прислушивался к моему голосу. Я не знаю, зачем существу которое может обходиться без скафандра в космосе, органы чувств' Быть может, они были рудиментарными. Хотя в выпуклых глазах существа поблескивало такое человеческое любопытство. Быть может в космосе эти глаза закрывались каким-нибудь особым прозрачным хитином. Ну, не было у людей никакой информации об анонимах¹ Мы даже не знали, как их называть.

Ты понимаешь меня? — спросил я.

Аноним открыл рот. Его зубы были острыми и как будто выточенными из хромированной стали. Я даже испугался.

Пришел за мной? — спросил аноним.

Я отпрянул. Голос существа был скрипучим и высоким. Голос не человека, а инопланетянина, чье горло едва-едва справляется с простыми словами.

— Ты мой папа? — спросил аноним.

Что за ерунда?

На мой чип пришло смс. Я перевел взгляд с существа на оживший наладонный экран. «Куда собрался? Вернись к жене. Алан». Я не сразу осознал смысл простого сообщения, мне чудилось, что сумрак вокруг меня сгущается, грозя задушить.

— Заберешь меня? — вновь проскрипел аноним.

Куда заберу? Зачем заберу?

Почему ты говоришь, точно подкидывш из детдома? Ты не можешь быть моим сыном или дочерью — я не понимаю, кто ты! — потому что в противном случае тебе меньше одного года от роду. Потому что мы с Лизой люди, а ты инопланетянин!

Я стал пятиться. Прочь от «красной зоны». Сидящий на ее границе аноним скрылся в темноте. Лишь его глаза какое-то время мерцали вдали, отражая свет фонаря.

— Заберешь меня? — прозвучало эхом.

Утром нас опять отправили в бустер синхротрона. На всех приборах были зеленые огни, шеф Гаррель ходил довольный, расстегнув комбез до пуза.

— Жахнем ускорителем, и сразу по гиперам, вперед и с песней, — сообщил он нам во время перекура.

— Чтоб убежать от черной дыры, далеко сигать придется, — проговорил охочий до бесед во время перекуров Скотт.

Гаррель покачал головой.

— Не черная дыра, а микроскопическая черная дыра... — пробурчал он с видом знатока. — Шлепнем сгусток массой в две-три земных... и отступим, насколько сможем, на световой или на половине... — Шеф с наслаждением затыкнулся. — Это не суть важно. Газ и пыль потянутся к созданной нами массе, и через тысячу-другую лет внутри этой туманности засияет солнышко.

— Астроинженерные работы, мать их... — проворчал Энди, гася сигарету в жестяной коробке с припоем и канифолью.

— Жаль, никто не увидит результат, — высказался я.

— А черт его... — скривился Гаррель. — Наниматели — долгожители. Может, они и увидят.

Да уж, время Наниматели понимают иначе, человеческие ценности им чужды. Они гоняют огромные корабли по Галактике и зажигают новые звезды, выполняя условия некоего вселенского контракта. Покоренное ими человечество — лишь материал, причем не самый лучший.

Гаррелю на чип пришло сообщение. Он пробежал глазами по строкам, затем объявил:

— Пока все более или менее благополучно, можете пообедать, отдохнуть. Чего встали? Вперед!

Я вернулся на монорельсе в жилую зону. Пошел в офицерскую столовую. Там я не увидел ни одного навигатора. Наверное, все они

были заняты обчетом нового курса. «Марракешу» предстояло снова прыгать, едва сработает ускоритель частиц.

В столовой было много свободных столиков. За одним из них сидел Алан Кейв и пил кофе. Хотя в тот момент я думал о еде в последнюю очередь, все же подошел к раздатчику и нагрузил поднос тарелками. А потом присоединился к Кейву.

— Я понял, — сказал я, глядя агенту в глаза. — Мне подправили мозги не потому, что я сильно страдал после того, как Наниматели забрали у нас с Лизой ребенка. Я пробрался в «красную зону» и узнал что-то, чего мне не полагалось знать.

Алан едва заметно кивнул и тут же пригубил кофе.

— А потом кому-то стало выгодно выставить меня перед теми людьми, с которыми я работаю, истериком и дураком. И тут постарались на славу! Наверное, материал был подходящим.

— Да. Давай, Джо! — приободрил меня Алан. — Легкое самобичевание в твоём стиле.

— Анонимы — это люди, подвергнутые генетическим изменениям, — сказал я. — Наниматели намерены усовершенствовать своих рабов. Сделать их более приспособленными для жизни в космосе. Правильно?

И снова Алан кивнул.

Хорошо.

Точнее, плохо. Просто чудовищно. А я надеялся, что это всего лишь бред, порожденный моим постоянным беспокойством и нерациональными страхами. И вот Алан кивает, а сам спокоен, как Мефистофель.

— Боже... — Я поковырялся вилкой в рисовой каше, потом отодвинул тарелку. Вид и запах еды вызывал у меня тошноту. В то же время на меня снизошло новое озарение. Подсознание выдавало ответ за ответом. — Лиза ведь работает в секторе биологических исследований. Там занимаются такой продвинутой генетикой, что я просто диву давался. Зачем это нужно делать на корабле для астроинженерного строительства, если только эти исследования не имеют прикладного значения?

На «Марракеше» все происходит с определенной целью и в интересах Компании. Человеческая жизнь для Нанимателей мимолетна. Мы отомрем, как мушки-дрозофилы, оставив после себя поколение мутантов, которое продолжит прислуживать Нанимателям вместо нас.

Алан глотнул кофе, поморщился. Ничего не сказал. А я спросил:

— Мне опять отформатируют память?

Агент мотнул головой.

— Что же тогда? Выкинут в космос?

— Джо, не мели чушь! — Алан отставил чашку. — Ты натуральный истерик! Можешь даже не сомневаться, так оно и есть.

— Сколько еще людей знает правду об анонимах? — У меня вдруг возникло чувство, что на «Марракеше» только я был воплощением невежества, а остальные обо всем знали. Знали и молчали.

— Сколько? — переспросил Алан. — Очень немногие. Веришь, меня самого просветили примерно месяц назад.

— Этой ночью ты знал, что я собирался проникнуть в «красную зону». Значит, ты имеешь доступ к системам безопасности, которые могут проследить за каждым членом экипажа по сигналу вживленного чипа.

— Ага, — не стал отпираться Алан. — В последнее время мне приходится сотрудничать со службой безопасности «Марракеша». Собственно, поэтому я и в курсе.

— Ну вот, — я улыбнулся, хотя и чувствовал себя опустошенным и каким-то... униженным, что ли? — Что и требовалось доказать.

— Вторая беременность Лизы припала кстате, — сказал Алан. — А я, признаться, поначалу рассердился на тебя. Себе и женщине своей кровь портишь, половой террорист. Но выяснилось, что блок, поставленный мозгостерами, расшатался, и из тебя уже можно вытащить воспоминания.

Я опешил.

— Не понимаю. Вам было нужно, чтобы я забыл или чтобы вспомнил?

— Ты был в «красной зоне», Джо. Долго пропадал там. Когда же попал в руки мозгостерам, они, недолго думая, вымарали чертову кучу твоих воспоминаний.

— Я забыл о чем-то важном? — догадался я.

— О чем же, Джо? — осторожно спросил Алан.

— Не помню, — честно признался я. Ко мне вернулись только несколько образов: коридоры «красной зоны», глаза анонимов и их передние лапы, которые язык не поворачивался назвать руками. То есть почти ничего.

— Как это не помнишь? — удивился Алан.

— Я не обманываю тебя.

— Поверь, эта информация касается безопасности всего корабля и экипажа. И людей касается, и Нанимателей, и анонимов. Ты поступишь правильно, если расскажешь...

— Мне нечего сказать.

— Но ты ведь вспомнил об анонимах.

— Я помню только, что был в «красной зоне», и ничего более... Остальное догадки.

Возможно, это была лишняя и несвоевременная бравада с моей стороны. Но пусть не считает меня деревенским дурачком! К тому же мне не хотелось говорить ему об анониме, с которым я столкнулся в техническом тоннеле. Сбежал, наверное, из «красной зоны». Страсти-то человеческие живут в его душе, заключенной в чудовищно видоизмененное тело.

Алан вздохнул.

— Что ж, я счастлив, что у твоего серого вещества повысилась производительность. — Он встал, вытер губы салфеткой. — Приятного аппетита, Джо.

Я поглядел на нетронутую еду. Какой уж тут аппетит?

Две тени упали на столешницу. Стук столовых приборов стих. Ненавязчивый гул голосов, стоящий в столовой, иссяк.

— Служба безопасности, мистер Стэнтон. Пройдемте с нами.

Вот, значит, как это делается.

Двое дюжих парней в черных комбезах и с дубинками на поясах стояли у меня над душой. Я выбрался из-за стола. Подставил ладонь, по которой тут же провели сканером. Оказалось, все, кто находился в столовой, наблюдают эту сцену. Теперь, наверное, придется обедать в другом месте... а я уже привык к запахам кофе и карри.

— Куда вы меня ведете? — спросил я, пытаясь побороть волнение.

И тут заголосоили сирены. Засверкали красные огни на переборках, ожила система оповещения.

— Внимание! Это не учебная тревога! — разнеслось по коридорам и отсекам. — Всему экипажу занять места по боевому расписанию!

Мне показалось, я услышал дружный вздох, который вырвался из нескольких сотен глоток одновременно. Люди, переборков сиюминут-¹ ную оторопь, бросились по своим местам. Сопровождавшие меня безопасники переглянулись, задумчиво выпятив челюсти.

И тут на мой чип пришло сообщение от главного инженера.

«Всем ремонтным бригадам! Срочно прибыть к восьмому гиперпреобразователю пространства!»

Я сразу связался с Гаррелем. Тот ответил лаконично: «Не держит заряд».

— Так... — один из безопасников все-таки решился. — Двигайте, куда вам полагается, и мы тоже — по боевому расписанию.

— Спасибо, ребята! — пробормотал я и кинулся к ближайшему монорельсу. Мое «боевое расписание», по ходу дела, составлял главный инженер.

А потом по корпусу «Марракеша» шарахнуло так, что все стоявшие на ногах повалились ничком на палубу. Что-то похожее было во время инцидента, но сейчас удар оказался раз в пять сильнее. На переборках высветилась чертова мозаика из предупреждающих знаков: «радиационная опасность», «опасность разгерметизации», «отравление атмосферы», «пожар в отсеках».

Тут любой бы растерялся и испугался.

Что могло случиться?

Физики запустили ускоритель частиц на полную мощность, но корабль не смог убраться подальше от созданной им же самим черной дыры? Восьмой гипер стал терять заряд? Почему?.. Это тревожное мерцание на стенах... оно отвлекало, мешало думать и действовать. Я как будто снова оказался в «красной зоне». И вокруг опять сияли глаза множества анонимов. Они тянули ко мне свои лапы, которые язык не поворачивался назвать руками.

Нет, если бы «Марракеш» столкнулся с порожденной им самим черной дырой, гибель корабля была бы мгновенной.

Ускоритель частиц запустили, и восьмой гипер стал тут же разряжаться.

Анонимы тянули ко мне лапы. В них были зажаты непривычные для человеческого глаза инструменты, обрезки кабелей, платы. У меня же на ладонном экране светилась схема энергомагистралей «Марракеша».

Ускоритель частиц стал забирать энергию с восьмого гипер.

Это мы придумали. Я и анонимы, которые были на «Марракеше» специалистами внешних работ, реакторщиками и энергетиками и сошлись туда, куда человеку путь заказан.

Алан назвал меня половым террористом, а вот черта с два! Я был самым настоящим диверсантом.

И «Марракеш» скоро будет уничтожен.

Я не помню свои мотивы. Наверное, я хотел насолить Нанимателям. Или ненавидел людей, продавшихся завоевателям Земли, — ненавидел, как и те радикалы, что преследуют сейчас «Марракеш», сбившись в «волчью стаю».

Подтолкнуло ли меня к такому поступку то, что нашего с Лизой ребенка забрали в лабораторию? Или наоборот, я использовал Лизу, чтоб понять, как будут действовать Наниматели, и потом внедриться в «красную зону»?

Не помню, не знаю. Теперь это не важно.

Служба безопасности спохватилась поздно. Информация о диверсии была успешно удалена из моего мозга. Однако это не могло предотвратить сам акт. Потому что я действовал не один. Потому что у человекоподобных существ, чья жилая зона располагалась вокруг реактора, были свои счеты с Нанимателями.

Эти создания хотели погибнуть вместе с породившими их инопланетными завоевателями.

А как же я? Как я собирался спастись? Или я тоже смертник?
Вот черт!

Палуба вновь содрогнулась. Потянуло гарью.

«Волчья стая» отыскала «Марракеш» после последнего короткого прыжка. Торпеды летят очень быстро, а лучи боевых лазеров разят со скоростью света. «Марракеш» теперь хромает на один гипер, и пока инженеры уравниют заряд в преобразователях пространства, пройдет уйма времени.

Боже! Ведь мое место сейчас там!

Или нет?..

Белый дым заполнял коридор. Туда-сюда носились люди, многие были в крови. Похоже, половина экипажа забыла, какие места кому следует занимать согласно боевому расписанию. «Марракеш» — не военный корабль...

И снова палубу трясет. Ноют, деформируясь, шпангоуты. Звонит разбитое стекло. Лязгают, смыкаясь, герметичные люки. Вакуум подбирается к жилой зоне.

Кораблю конец.

Я бегу назад.

Вчера Лиза плохо перенесла неожиданный прыжок «Марракеша». Врачи освободили ее на сегодня от работы. Посоветовали принять успокоительное и лежать, пристегнувшись ремнями безопасности, в ожидании следующего прыжка.

Но прыжок не состоялся, а Лиза так и лежала, пристегнутая и полусонная. Я расстегнул ремни.

Мы должны уходить, — сказал я. — На спасательный бот!

Г од назад я ее предал — с умыслом или по неведению, не помню. Она меня простила. Я не повторю ошибку. Я спасу и ее, и себя. И нашего второго ребенка, который родится и проживет жизнь человеком.

Объявили эвакуацию? — проговорила Лиза вялым голосом.

— Пойдем скорее!

Пришлось надеть противогазы, которые были у нас в сумках со средствами индивидуальной защиты. И к спасательным ботам пробирался уже на ощупь. Несколько раз нам попадались тела отравившихся угарным газом людей.

Палуба плясала под ногами. «Марракеш» обстреливали непрерывно. Нам повезло, что гравитация пока держалась. Иначе бы мы попросту заблудились среди задымленных коридоров.

Возле спасательных ботов не было никого. Недавно я здесь ремонтировал люки, поэтому разблокировать их не составило труда. Я помог Лизе забраться в ложемент. Сам принялся забивать программу в автопилот. Выбрал в списке ненаселенную планету DDXI-221, отступать больше было некуда. «Марракеш» забрался слишком далеко от обитаемого пространства.

— А как же остальные? — вскрикнула Лиза. — Разве эвакуацию не объявили?

— Наниматели никогда не объявят эвакуацию, — пояснил я, не оборачиваясь. — Потеря корабля — немислимый убыток. Наниматели надеются, что «Марракеш» сможет прыгнуть, и будут защищать его до конца. Но «Марракеш» уже не прыгнет.

Лиза заплакала. Я устроился в ложементе перед пультом управления, защелкнул ремни.

— Отделение будет произведено через десять... девять... — принялся отсчитывать компьютер.

Гравитационные гасители сработали превосходно. Мы не ощутили перегрузки. Просто за узкой щелью носового иллюминатора за клубилась зеленоватая муть. Спасательный бот отделился от «Марракеша» и отправился в самостоятельный полет.

Как ни странно, не мы одни решили улизнуть с гибнущего корабля потихому. Наш бот нашел и определил сигналы еще восьми спасательных капсул. И сигналы кораблей, которые продолжали войну с Нанимателями.

Крейсеры «Адмирал Ушаков», «Кубань», фрегаты «Гордый», «Безжалостный», «Ловкий» и «Яростный». Они держали «Марракеш» в кольце диаметром в несколько сотен миль и били из всех стволов.

А потом активировался гипер, и в один миг сражение осталось далеко за кормой. Эфир очистился от радиосигналов, а пространство — от космических кораблей и газовой мути.

Мы остались наедине с планетой, на которой нам было суждено прожить до конца дней.

А Л Е К С А Н Д Р Г Р О М О В

СО ДНА

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Глава 1. Превратности жизни

Ни за кого не ручайся», — предостерегал античный мудрец. Следовало бы уточнить: и за себя тоже. Валентин Ферфакс Эрик Исиро Прямухин и помыслить не мог, что имидж ба-ловня судьбы однажды сыграет с ним злую шутку. А как хорошо все начиналось! Как ровно и победоносно шел Валентин по жизни, как легко поднимался со ступени на ступень! Он происходил из старинной семьи, уважаемой не только на Терре, но и в доброй половине обитаемых миров. Его родословная по отцовской линии прослеживалась на две тысячи лет, а по материнской — и того дальше, вплоть до окутанной дымкой легенд земной истории человечества. Он был отдаленным потомком Данилы Прямухина, великого первопроходца, солдата и администратора, основавшего первую колонию на Терре и увековеченного в многочисленных скульптурах и на живописных полотнах. Многие века предки Валентина поставляли Империи удачливых предпринимателей, храбрых воинов и толковых управленцев, а когда отколовшаяся Терра возглавила Лигу Свободных Миров — поставляли их Лиге.

И не напрасно. Почти тысячу лет назад, после долгих дипломатических, торговых, холодных и горячих войн, Империя наконец-то признала независимость Лиги. Галактическое человечество раскололось надвое, а с возникновением Унии и натрое. Империя мало-помалу ветшала, тогда как Лига все более усиливалась. Валентин мог с гордостью сознавать, что по крайней мере десятью процентами своего могущества Лига была обязана его, Валентина Прямухина, предкам.

Он был знатен, красив и небеден. В его жилах смешалась кровь многих народов, и казалось, что от каждого он взял только лучшее. Генетический анализ выявил среди его предков древних римлян и норманнов. Присутствовали германцы, бритты, славяне и венгры. Одним из его пращуров по материнской линии был японец Исиро Томита, знаменитый командир Молниеносной эскадры и главный автор победы в Битве шести флотов. В великую толпу предшественников затесалось на удивление мало одиозных фигур и пустых прожигателей жизни. Природа сработала Валентина из качественного материала и на совесть.

К тридцати годам он дослужился до поста дипломатического советника второго ранга и уже выполнял ответственные поручения на второстепенных планетах Лиги. Он умел быть жестким, умел и обворожить. И то, и другое получалось у него естественно, как дыхание Стройный, высокий, с мускулистым торсом и копной золотистых волос, унаследованных от викингов, Валентин привык, что на него ог-

лядываются повсюду, где бы он ни появлялся: на дипломатическом приеме, на улице, на пляже. Женщины вздыхали и строили планы. Какая чушь!.. Толпе охотниц не по зубам такая дичь. Да он и не дичь — охотник. Он всегда знал, чего хочет от жизни, а его недавняя помолвка с прелестной Вивьен Лоусон, дочерью финансового магната, поможет ему подняться еще выше.

Он твердо знал, что достоин этого. Как и многого другого. В тридцать лет жизнь только начинается, впереди еще десятилетия больших дел. Но тот, кто думает, что можно расслабиться хоть на год, хоть на день, никогда не поднимется к вершинам. И это правильно. Можно родиться в хорошей семье и с удачным набором генов, но это означает всего лишь привилегированное место на старте. Остальное в твоих руках.

Когда Пегий Удав вызвал его к себе, Валентин насторожился, но это была приятная настороженность. Конечно, беседа могла сулить что угодно, но сам по себе интерес первого вице-министра говорил о многом. Несколько неожиданно, но очень кстати! Пора, пора подниматься на новую ступень. Самое время.

Пегий Удав всегда выглядел так, будто хотел наброситься на собеседника, стиснуть в объятиях и отъесть голову. Несведущие впадали в ступор. Неоперившиеся дипломаты робели. Валентин держался корректно и бесстрашно: мол, школа у меня есть, ты это видишь, что дальше?

— Гхм, — кашлянул наконец Пегий Удав, почувствовав, что затягивать паузу бесполезно. — Я ознакомился с вашим личным делом...

«Не сейчас ты с ним ознакомился и не вчера, — подумал Валентин. — Ты, лысина пятнистая, еще год назад, а то и два положил на меня глаз. И таких, как я, у тебя на примете не один десяток, но выбрал ты меня».

Сделав на пробу еще одну паузу и посверлив Валентина взглядом, Пегий Удав дождался лишь легкого почтительного кивка: понял, мол. Жду, мол. Всегда, мол, готов.

— Отзывы о вашей работе в основном хорошие, — брюзгливо продолжил первый вице-министр. — Это вынуждает меня предложить вам сложное дело. Согласны?

Слово «вынуждает» он произнес с отвращением. Валентин внутренне улыбнулся, но ничем себя не выдал. Старую гвардию не столкнуть с убеждения, что молодежь ни на что не годна, и старая гвардия с удовольствием демонстрирует это: пусть молокосос заметит пренебрежение и в лепешку расшибется, чтобы поправить мнение о себе. Древний и пустой трюк.

— Согласен, — молвил Валентин.

Пегий Удав ввинтил в него взглядом еще один шуруп.

— Предупреждаю: дело не из легких. Речь идет о специальной миссии на планете Трон Аида, иначе называемой просто Дном. Не думая, что вам известно о существовании этой планеты...

Пегий Удав ошибался: Валентин слышал о Дне, но лишь краем уха. Кажется, среди миров, колонизированных людьми, этот был одним из самых дискомфортных. Что было логично: порядочную планету Дном не назовут.

Да и Троном Аида тоже.

— Советую вам подробно изучить материалы, — продолжал Пегий Удав, — а пока кратко введу вас в курс дела. Дно — поганый мир, возможно, самая поганая планета из населенных людьми. Это дно настоящей гравитационной ямы. Планета велика, масса ее огромна. Вы весите около девяноста килограммов?

— Примерно, — кивнул Валентин.

— Там вы будете весить двести двадцать. Весь персонал нашего торгпредства на Троне Аида пользуется экзоскелетами с гелей-капсулой, и вам тоже придется. Иначе вы не продержитесь и двух недель: либо сердце откажет, либо кости и суставы не выдержат. Не переоценивайте свою физическую форму. Аборигены — жилистые коротышки, за тысячи лет там вывелась совершенно особая порода. Полутораметровый туземец — гигант по местным меркам... Что еще? Атмосфера под стать планете — плотная, как желе. Одно хорошо: не жарко и не холодно. Но ураганы такие, что скалы летают. Плюс землетрясения. Плюс вулканизм. Плюс местные формы жизни — по отзывам, совсем не подарок... Напугал?

Валентин позволил себе легкую, чуть-чуть пренебрежительную улыбку и смолчал.

— До сих пор вы работали на развитых планетах. — Тут Пегий Удав скривился так, будто сама мысль о том, что планета Лиги может быть развитой и благоденствующей, была ему отвратительна. — Вы вправе спросить, почему я посылаю на столь паршивую планету именно вас. — Он сделал паузу и не дождался ответа. — Вы не хотите задать мне этот вопрос?

— Полагаю, у вас имеются веские основания, — сдержанно ответил Валентин.

— Даже не сомневайтесь. Во-первых, вы молоды, сильны и спортивны. Кто же и выдержит условия Дна, как не вы? А во-вторых, и это главное, вы неплохо показали себя в работе. У вас талант добиваться

своего, не особенно раздражая оппонента. В-третьих, для того чтобы рекомендовать вас на более ответственный пост, мне не хватает сущей малости: по-настоящему трудного задания, с которым вы справились бы блестяще... Я хорошо представляю, что вам предстоит, если вы отправитесь в этот ад, и даю вам право отказаться. Что скажете?

Кто бы отказался? Как всегда: толика лести и обещание перспектив... Начальство вечно ловит подчиненных на примитивную наживку — и те неизменно ловятся. Да еще подчас не без радости.

Никаких гарантий, если поймашься. Но если откажешься клюнуть — проиграешь наверняка. Разве есть выбор?

— Я согласен, — подтвердил Валентин.

— Тогда слушай дальше. — Пегий Удав внезапно перешел на «ты», что кого угодно наполнило бы гордостью. Подобно монархам древности вице-министр по делам Лиги «тыкал» лишь самым доверенным лицам. — Дно — сырьевая планета. Четыреста пятьдесят лет назад по условиям Фомалыаутского трехстороннего договора между Лигой, Землей и Унией она отошла к нам в качестве доминиона Терры. Земляне боролись за нее, скорее, ради проформы и в конце концов уступили. С тех пор Дно поставляет нам кое-какие металлы, ювелирные алмазы и биоматериалы естественного происхождения. Почти все это можно произвести и у нас, выйдет лишь немногим дороже. По существу, нас не интересует та небольшая прибыль, которую дает Дно. Нам важно сохранение статус-кво. Проблема обозначилась четыре года назад, и тогда мы не обратили на нее должного внимания. Дело в том, что почти на самом экваторе планеты торчит гора, самая высокая из тамошних гор. Действующий вулкан. Носит веселенькое название Клоака Сатаны — и не без причины. Высота — почти пять километров. Ты, вероятно, спросишь, почему столь скромная?

Ни о чем подобном Валентин спрашивать не собирался, но изобразил на лице заинтересованность.

— Потому что она вовсе не скромная, если вспомнить о тамошней силе тяжести, — пояснил Пегий Удав. — Гравитация просто плющит горы, а ураганы норовят сгладить все, что торчит. Пять тысяч метров — для Дна это очень много. Однако дело не в этом. Четыре года назад туземное правительство втайне от нас начало прокладывать на западном склоне горы канал громадной электромагнитной катапульты. Туземцы много на себя берут. Они в космос хотят выйти, в космос! — Последние слова вице-министр почти выкрикнул.

Валентин иронически приподнял бровь, в то время как его мысль напряженно буравила глубинные слои памяти. Вспомнил!

Дополнительный протокол к Фомальгаутскому договору, принятый в качестве подачки гнилым либералам. Параграф, согласно которому любая планета, самостоятельно осуществившая выход в космос, автоматически обретает право на суверенитет, независимо от того, под чьим патронажем она находится. Этаким тест на зрелость. Чтобы его пройти, достаточно иметь нуль-передатчик и вывести его на высокую орбиту, где гравитационное поле планеты и ее магнитосфера не внесут в сигнал-заявку характерных искажений. Разумное условие. Без него можно было бы просто украсть или тайно купить нуль-передатчик и послать сигнал прямо с поверхности...

Насколько помнилось, за четыре с половиной столетия этот способ обретения независимости практически сработал трижды... или четырежды? Нет, все-таки трижды. Немного. Что и понятно: большинство старых колоний добилось независимости еще во время Первой галактической войны. И Земле, и Унии, и Лиге тогда было выгодно заполучить сознательных приверженцев вместо озлобленных недоброжелателей. Кто мечтал о формальной, хотя бы и весьма иллюзорной независимости и мог ее добиться, те и добились. После войны колониальные империи превратились в соперничающие блоки. В ранге колоний, протекторатов и доминионов остались лишь совсем никудышные миры...

Слаборазвитые. Либо бесперспективные, колонизированные когда-то по ошибке, либо населенные ленивым народцем или сектантами с неисправимым мозговым вывихом, либо очень сложные, обещающие хоть что-то лишь в отдаленной перспективе.

Видимо, Дно из числа последних?

Никаких поспешных выводов Валентин делать пока не стал. Да и некогда было.

Усеянная старческими пигментными пятнами лысина Пегого Удава блестела от пота. В разговоре с молокососом, пусть даже подающим надежды, он мог позволить себе не сдерживать эмоции.

— Должен сознаться: своевременно получив информацию, мы проявили беспечность, почти преступную беспечность! — рычал он. — Во-первых, мы недооценили технический уровень аборигенов, а он примерно соответствует техническому уровню Земли в начале космической эры. Во-вторых, мы слишком уж понадеялись на природные факторы Дна. Да, атмосфера плотная, а планета тяжелая — забросить на орбиту даже маленький спутник не так-то просто. Да, аборигенам дважды пришлось начинать все сначала: в первый раз их работу уничтожило землетрясение, во второй — ураган. Но они учли

ошибки и теперь близки к цели. Пройдет месяц, самое большее два — и эти обезьяны добьются своего! А добившись независимости де-юре, они примкнут не к Лиге, а к Унии или, хуже того, к Империи землян!

Валентин уже понял, что от него требуется, но помалкивал. Поставить задачу должен был Пегий Удав. На то начальство и существует — ставить задачи.

Внезапно вице-министр замолчал. То ли успокаивался, бормоча про себя специальные мантры аутотренинга, то ли изучал реакцию Валентина. А скорее всего, занимался тем и другим сразу.

— Вы должны сделать так, чтобы никакой спутник никогда не был запущен с той катапульты, — сказал он наконец ровным голосом. — И постарайтесь, чтобы никто не обвинил в этом ни Терру, ни вообще Лигу. Это трудно, понимаю, но попытайтесь. Главное, конечно, результат. Не выйдет сработать тонко — работайте грубо. Не мне вас учить. Срок подготовки минимальный. Могу дать пять-шесть дней, не больше. После чего вы отбудете на Трон Аида, постараетесь там адаптироваться и выполните свою работу. Вопросы?

— Мой официальный статус?

— Третий секретарь торгпредства. Вы не должны чересчур высовываться. Но, разумеется, можете рассчитывать на всемерную помощь персонала. Глава торгпредства получил соответствующие указания. Еще вопросы?

— Пока нет. Но по изучении материалов, полагаю, появятся.

— Вижу, вы не склонны пороть горячку, — ворчливо одобрил Пегий Удав. — Тогда ступайте. И помните: важнее всего вывести из строя катапульту, желательно навсегда. Пусть выбросят из головы мысль о суверенитете...

«Сегодняшнюю встречу с Вивьен придется, пожалуй, отменить», — подумал Валентин, покидая кабинет.

«И завтрашнюю», — подсказал ему внутренний голос.

Глава 2. «Вспучилось и полезло»

К вечеру Валентин знал о Троне Аида все, что следовало. Он ввел базовые сведения через ментограф, после чего с удовольствием поспал три часа, чтобы не выглядеть ошалевшим от мозговой перегрузки. А перед этим он провел короткую, но интенсивную тренировку в спортзале — сначала при нормальной тяжести, а затем в гравикамере при полуторном весе. Врач рекомендовал привыкать к тяготению Дна постепенно.

В многочисленных документах, поглощенных извилинами Валентина, планета чаще фигурировала под официальным названием Трон Аида, но встречалось и Дно. Обычная история: официальное, хотя и мрачноватое название не в полной мере, по мнению специалистов, отражало суть, и авторы документов вольно или невольно сбивались на сленг. К тому же и сами аборигены откровенно именовали свой мир Дном, а себя — донниками.

Самоуничужение? Похоже, да. Но само по себе оно ни о чем не говорило. Бывает привычное самоуничужение покорного раба — и бывает самоуничужение демонстративное: мол, считайте нас кем угодно, хоть глистом полосатым, мы не станем возражать, мы даже изобразим, будто нас и не могут звать иначе, но сами-то мы лучше вас знаем, кто мы такие, и однажды заставим считаться с нами... Переважив информацию, Валентин решил, что правящая верхушка, пожалуй, придерживается второй линии, основная же масса населения — первой.

Тупы. Невежественны. Слишком поглощены примитивной борьбой за существование, чтобы ра звать амбиции. Рядовому доннику незачем рваться в космос; подари ему экзоскелет с гель-капсулой — он по гроб жизни будет счастлив. Ясно, что с вербовкой агентуры не должно быть проблем...

О том же говорили и донесения. Однако к подбору агентуры рекомендовалось подходить с осторожностью: агенты из донников, как правило, получались вполне добросовестные, но безынициативные и на редкость тупоумные. В разработанные для Дна принципы вербовки Валентин вникать не стал — не его это дело. Агентурная сеть уже существовала и была достаточно разветвленной, чтобы не ветвить ее дальше.

Он проглотил колоссальное количество информации. Дно сравнивали с Ураном — сноска уточняла, что речь идет о том Уране, который бродит по орбите в системе Солнца, — или с более привычным для жителя Терры Асмодеем, если только допустить, что орбиты Урана и Асмодеев проходят поближе к своим звездам. Крупное железное ядро, высокая средняя плотность, мощное магнитное поле. Пять шестых поверхности занимает океан, вся суша — один гигантский материк сложной конфигурации и несколько вулканических архипелагов. Содержание кислорода в воздухе небольшое, но при огромном атмосферном давлении достаточное, чтобы дышать без маски. Местные формы опасных для человека микроорганизмов отсутствуют. (Уже легче, — подумал Валентин.) Зато — не соврал Пегий Удав! — чрезвычайно разнообразная макрофауна, бегающая, ползающая, плавающая

и летающая. Бегающие и ползающие твари мелковаты, зато в океане водились организмы колоссальной величины, а плотный воздух легко держал тоже немаленьких и притом зловредных летунов. Валентин лишь хмыкнул, уяснив, что хищники Дна чем-то напоминают освоивших планету людей: такие же примитивные, безмозглые и прямолинейные в своих устремлениях.

Но главное, конечно, тяжесть — неподъемная, нестерпимая для человека с Терры. Дураку понятно, почему столь жалкий мир удостоился статуса доминиона, а не прозябает в ранге колонии: никакая присланная из метрополии колониальная администрация не выдержит длительной работы на Дне. Проще сформировать правительство из влиятельных и лояльных туземцев...

Не очень-то лояльных, как выяснилось.

Никогда еще Валентину не приходилось работать в столь поганых мирах. До сих пор руководство сектора задействовало его энергию и интеллект лишь на развитых планетах. Разумеется, не таких развитых, как Терра, но все же полноправных членах Лиги, гордящихся своей кажущейся свободой. Напыщенность туземцев забавляла молодых дипломатов. Поначалу Валентин с трудом сдерживал улыбку, беседуя с очередным местным прыщом, пыгающимся казаться горой. Потом привык и хорошо изучил провинциалов. Ему начали поручать ответственные задания. Лишь за последний год он успешно провел переговоры с Эолом о новом торговом соглашении, свалил правительство на Тангейзере и много способствовал нейтрализации земной агентуры на Лиловой Кляксе. Чего ж еще?

Трон Аида, вот что! Это задание — барьер, фильтр. Это стена, которую надо проломить. Известно: вице-министр не жалуется молодых да ранних. Либо он хочет как следует пошлифовать перспективного молодого дипломата, сунув его на адскую планету и рассудив, что хуже не будет, либо надеется, что чересчур прыткий молокосос сломает себе шею.

Нет, второе вряд ли: высоковаты ставки. Если донники запустят спутник, то спустя считанные минуты его нуль-сигнал будет принят во всех уголках Галактики. Анализ сигнала и определение галактических координат источника также не займут много времени. Максимум через десять часов на орбите планеты повиснут крейсера Земли и Унии — поди тронь их!

И тогда придется отступить, стерпев щелчок по носу. Лиге не нужен военный конфликт, Лига к нему не готова, а Империя землян давно оправились от взбучки, полученной в последней войне, и охот-

но подгребет под себя еще одну планету потенциального противника, будь то полноправный член Лиги или жалкая колония. Курочка по зернышку клюет.

Позвонило непосредственное начальство, порекомендовало зайти в стационар. В первую минуту Валентин не узнал Дональбайна Прусиса. Старый приятель и однокашник выглядел так, будто его совсем недавно старательно молотили кулаками, топили и пытались четвертовать лошаадьми, причем все это одновременно, а перед экзекуцией неделю мучили бессонницей. Но бывший резидент Терры на Дне был счастлив, как мышь в сыре, поминутно подпрыгивал на койке и болтал без умолку.

— О! — закричал он, увидев Валентина. — Кого я вижу! Представляешь, эти вредители мне вставать не велят! Связки, говорят, лечить надо, позвонки и ребуху. Пользуются тем, что я дисциплинированный пациент. Дурни! Да я сейчас летать готов! Я бы со штангой в руках в высоту прыгал!..

- — Давно со Дна? — спросил Валентин, присаживаясь.

— Вчера. Последнее время дни считал, клеточки зачеркивал... Аты, как я слышал, меня заменишь?

— Похоже на то.

— Не унывай, выдержишь. Ты здоровый. Но качайся, пока здесь. Там пригодится. Большие у меня мешки под глазами?

Мешки были огромные, пугающие, все в мелких красных жилках, Валентин никогда таких не видывал, но решил не огорчать Дональбайна:

— Умеренные.

— Врешь. Я-то знаю. Планета меня недожевала, теперь тебя жевать станет. И у тебя такие же будут недели через две-три, готовься. А лучше управься пораньше. Я вот не успел... и не жалею! Лавры пожнешь ты, а я не жалею, понял? Нет? Там поймешь...

— Настолько плохо? — осторожно спросил Валентин.

— Ну, если тебе удастся не вылезать из гель-капсулы или бассейна, то в общем терпимо. Только ведь не удастся! Вот тогда и пожалеешь, что на свет родился...

— А хорошего ничего не скажешь?

Дональбайн задумался. Хмыкнул:

— Там замечательно красивое солнце.

— И только-то?

— А что, мало? Оно желтовато-зеленое. И еще луны, много лун. Штук пятнадцать, наверное. Очень, знаешь ли, красиво бывает, когда

они выстраиваются в ряд в ночном небе. Только ничего этого не видно: на Дне всегда облачность в десять слоев.

— Тогда зачем ты рассказывал о солнце и лунах, черт бы тебя побрал?

— Ты спрашивал о хорошем.

— Ладно, — проворчал Валентин. — Язык тебе, я вижу, лечить не надо. Давай о плохом. Тебе велено ввести меня в курс дела, ну так вводи.

Половину из того, что рассказал Дональбайн, Валентин уже знал, но не перебивал. Торгпредство находится в столице. Врата нуль-канала одни, на территории торгпредства. Свирепые меры безопасности. Без пропуска, заверенного на самой Терре, никакой туземец сквозь Врата не пройдет. Экспортируемые со Дна грузы проверяются крайне дотошно, дай невелики те грузы... Означенный вулкан — в трех тысячах километров к юго-западу от столицы. Активен. Лавовые потоки и пирокласты сходят по преимуществу с восточного склона, реже с северного, западный относительно безопасен. Там-то аборигены и строят свою электромагнитную катапульту...

Дональбайн углубился в технические подробности. Диаметр катапульты — девять метров, длина превышает пятнадцать километров, столько-то сверхмощных электромагнитов установлено, столько-то гигаватт энергии можно подвести по линиям электропередач, такую-то скорость сможет развить на выходе тысячетонная ракета, прежде чем включатся маршевые двигатели, угол вылета такой-то...

— Скажи проще: у них получится? — спросил Валентин, слегка заскучав.

— Откуда ж мне знать? — удивился Дональбайн. — Наши специалисты считали и говорят: может получиться. Может. А получится или не получится — этого и они не знают. Но если и получится, то лишь при большом везении и на самом пределе...

— Это точно?

Дональбайн отчего-то развеселился.

— На Троне Аида не бывает ничего точного, — захихикал он. — Там поймешь. Главное — что? Теоретически донники могут запустить спутник. А надо, чтобы они не могли его запустить ни на практике, ни даже в теории. Всего-то. Знаешь, у всякого приличного народа все главное либо впереди, либо позади, но только не у туземцев Дна. Оно у них сбоку. Все вехи истории проплыли мимо донников, а те их даже не заметили. Вот пусть и дальше не замечают.

В другой раз Валентин осадил бы Дональбайна — ишь, взялся поучать и ставить задачи, словно имеет на это право! — но сейчас смолчал. Пусть болтает. Пусть в полной мере ощущает свое превосходство

над тем, кто еще не побывал на Дне. Все равно лавры пожнет тот, кто завершит миссию, а не тот, кто сломался перед финишем.

— Очень хорошо, — сказал он. — А откуда у них нуль-передатчик?

— Не знаю, — пожал плечами Дональбайн. — Может, украли, а потом скопировали. Их уровень это позволяет. Но какая нам теперь разница?

— Никакой, ты прав, — проговорил Валентин. — На орбите вокруг Дна мы что-нибудь имеем?

— Только законсервированную автоматическую станцию на одном из дальних спутников. Ей сто лет. Мертвый хлам. Так что, считай, ничего нет.

— Гм... А почему?

— Потому что незачем. Есть Врата, их вполне хватает, так зачем же посылать туда корабли?

— Но ведь можно, разве нет? Чего-то я тут не понимаю... Скажем, почему бы не уничтожить этот спутник донников, чуть только он высунет нос из атмосферы? Трудно повесить на орбиту три-четыре патрульных катера и просто-напросто выждать?

— Ого! — Дональбайн даже глаза выпучил. — Видно, что ты не технарь. Ты вообще хоть раз видел нуль-передатчик?

— Представь себе, ни разу.

— Это вот такусенькая фитюлька. Плюс батарея, плюс таймер, плюс антенна. Вся начинка легко влезет в корпус размером с кулак, а больше ничего и не надо. Мы просто не сможем обнаружить такую кроху. Работу двигателей ракеты в атмосфере тоже не удастся засечь из-за жуткой облачности, простирающейся до больших высот. Я ведь говорил уже. Но если и засечем на финальном отрезке, то вряд ли успеем что-то сделать до отделения спутника, а там сразу его потеряем. Вокруг Дна каких только камней не летает... Помимо лун там еще куча мелких спутников и система колец, ты ведь знаешь?

— Ладно, — сдался Валентин. — Теперь расскажи о политической системе и раскладе сил на текущий момент.

Отекшая рожа Дональбайна выразила недоумение.

— Ты же изучал материалы...

— Эти — не в полном объеме, — лукавил Валентин.

— Хм... — Дональбайн задумался. — Хм... — проговорил он спустя минуту и подмигнул чудовищным глазом, чего подглазный мешок даже не заметил. — Тебе это надо? Хочешь субъективных впечатлений? Вижу, хочешь... Другой бы послал тебя зубрить, но я добрый. Только сделай для меня одну вещь в порядке взаимопомощи. Сделаешь?

— Смотря какую.

— Постой у двери на стреме, а я покину это лежище и чуток разомнусь. Увидишь, что бежит медицина, — возьми ее на себя, отвлеку вредителей...

Валентин засмеялся и кивнул.

В тот день он успел еще раз провести тренировку при полуторной тяжести, а назавтра, добив основные материалы по Трону Аида, продолжил изнурять себя в гравикамере. Сон, размышления, новая тренировка, ментограф, опять тренировка, опять сон, вызов к начальнику сектора, снова тренировка... Встретиться с Вивьен не получалось, и, кажется, она обиделась. А Валентин, посмотрев на себя в зеркало, подумал, что не нужно откладывать прощальное свидание на последний день, не то невеста, пожалуй, разочаруется в избраннике. Тренировки при повышенной тяжести — сегодня он постепенно увеличил ее с полуторной до двойной — уже сказались на физиономии. До жутко отекающей морды Дональбайна дело пока не дошло, но из зеркала на Валентина смотрел не лощеный дипломат с мужественным фальшиво-открытым лицом, а весьма сомнительный потасканный тип. Осанка пока не пострадала, и на том спасибо.

На четвертый день он решил, что достаточно подкован в политическом болотце Дна, чтобы не угодить с первых шагов в гиблую трясиину. По мнению Дональбайна, по мнению торгпреда, по мнению начальника сектора и, что всего важнее, по мнению Пегого Удава, правящая на Дне партия лоялистов водила метрополию за нос, и до недавнего времени довольно успешно. Еще полгода назад премьер-министр Дна категорически отвергал саму мысль о том, что кто-то на планете готовится запустить спутник. Премьеру демонстрировали доказательства: снимки с дирижабля, копии документов о перемещениях строительных материалов, машин и финансов. Премьер, изрядный сукин сын, клялся в непричастности и обещал провести расследование. После третьего напоминания он и в самом деле распорядился создать правительственную комиссию. За три месяца работы комиссия пришла к глубокомысленному заключению о том, что деятельность по созданию собственной ракетной техники на Дне действительно ведется и финансируется негосударственным консорциумом «Чистое небо», поддерживающим оппозицию, однако носит сугобо предварительный характер. По мнению комиссии, проект запуска со Дна собственного спутника сугобо фантастичен и никогда не будет осуществлен. Максимум — небольшие ракеты для изучения атмосферы...

Почему? Чиновные туземцы улыбались и деликатно призывали раскрыть глаза пошире. Это Дно! Кто вкусил все его прелести, тот поймет. Что до упомянутого консорциума, то он на законных основаниях получил лицензию на разработку полезных ископаемых в районе, где находится упомянутый вулкан. Уверяем, что все возведенные там сооружения имеют отношение лишь к горным работам и, конечно, являются временными. Да и может ли быть иначе, если следующее извержение или ураган почти наверняка снесет их без остатка?..

Туземцы прикидывались дурачками, это было ясно. Они ввали, и премьер врал. По настоянию Терры были устроены две инспекционные поездки. Первая закончилась крушением дирижабля, никто не выжил, а вторую возглавлял Дональбайн Прусис. Валентин закачал в себя сухой отчет и отправился к Дональбайну за подробностями.

— Что там за катавасия случилась? Выкладывай.

За трое суток физиономия старого приятеля стала несколько больше походить на человеческую. С опорной системой было хуже: Дональбайн лежал в каком-то приспособлении, напоминающем помесь экзоскелета с пыточным устройством, и, кажется, подвергался медленному вытяжению. Наверное, ему все же не стоило чересчур активно прыгать и кувыркаться, радуясь возвращению в мир нормальной тяжести.

— Привидения, — пробурчал Дональбайн.

— Что-что?

— Да не здесь! У меня с головой все в порядке. Чего смотришь? Не веришь — спроси моих мучителей. Я и на Дне с ума не сходил, а привидения видел! Как раз в той инспекционной поездке. Думал, галлюцинирую...

— Ты видел привидения на Дне?

— Видел. Никакой мистики, но пугает здорово. В отчете этого нет, но тебе скажу. Как только мы высадились на склон вулкана, тут оно и началось. Вспучилось и полезло неизвестно что — из трещины в породе, наверное. Моргнуть не успел, глядь — качаются этакие туманные твари пяти метров ростом, щупальца тянут. Нестойкие квазибиологические коллоидные структуры — так мне потом объяснили. Любопытны и глупы как пень. То ли примитивная жизнь, то ли вообще не жизнь, кто ее разберет. Сильно опасными их не считают, но я тебе так скажу: если бы я не побежал от них что есть духу, в штаны бы точно наложил. Жутко очень.

Валентин сочувственно покивал: ничего, мол, бывает.

— Вы нашли там только развалины старых шахтных построек и руины лагеря горняков, — сказал он. — Причем даже не на склоне,

а на равнине неподалеку. А у тебя не сложилось впечатление, что туземцы водили тебя за нос? Возможно, и встреча с привидениями была не случайной, и вулкан был не тот? Как проверишь? Космической системы навигации на Дне нет, снимков из космоса для сравнения тоже нет и при вечной облачности даже в принципе быть не может...

— Не сыпь соль на рану, — проскрежетал Дональбайн. — Сам об этом думаю. Тогда мы ослы и нет нам прощения. Только учти: на Дне человек здорово глупеет, я имею в виду нормальный человек. Ему там не о том думается. Так ты это учти и прими меры, какие сможешь...

— А туземцы?

— Глупые обезьяны. И хитрости у них обезьяны!

«Но ведь ты-то попался на обезьянью хитрость», — подумал Валентин.

Дональбайн скрипнул зубами и отвернулся. Вероятно, подумал о том же самом.

Глава 3. Билет домой

Первым, что увидел Валентин, проснувшись, была замеченная еще вчера ветвистая трещина в потолке. Валентин повернул голову, что далось ему не без труда, и увидел, что трещина перебегает и на стене. Вспомнил, где он, и неслышно застонал.

Трон Аида. Дно. Тяжелая и притом сейсмическая планета, сгореть бы ей в космическом катаклизме. Жилая часть торгпредства.

Он не пробыл здесь и суток — суток по счету Терры, поскольку сутки на Дне были вдвое короче, — и уже мечтал о возвращении. А ведь только вчера он довел перегрузку в гравикамере до кондиций Дна, научился двигаться без риска что-нибудь сломать или вывихнуть и вообразил, что можно так жить!

Нет, «жить» — это большая натяжка. Разве что продержаться несколько недель или, если сильно не повезет, месяцев. Так думалось.

Оказалось, что носить тяжести хорошо лишь тогда, когда в любой момент можешь избавиться от груза.

Грузом был он сам. Ныли мышцы. Вчера Валентин мужественно прошел долгую отсидку в шлюзовой гравикамере перед Вратами и продержался несколько часов, знакомясь с временным начальством, новыми коллегами и обстановкой. К концу дня он лишь чрезвычайным усилием воли мог поддерживать непринужденную беседу. Ноги дрожали, кожа сочилась липким потом, целостность все время новрила отпасть под собственным весом, все труднее становилось держать свинцовые веки, и даже ухоженная золотистая шевелюра показа-

лась чрезмерно тяжелой. Мнилось, что она способна оттянуть скальп до самых пяток.

При этом он больше сидел, чем ходил, и больше лежал, чем сидел. Еще плавал. Глава торгпредства принял его в бассейне, и Валентин не заставил повторять дважды приглашение скинуть одежду и освежиться. Вода не только освежала — она держала. Лишь в ней, да в гель-капсуле подогнанного по росту экзоскелета, да еще в гель-кровати можно было чувствовать себя человеком. Несомненно, превыше всех законов физики здешние старожилы почитали закон Архимеда.

Воздух внутри здания, фильтрованный и кондиционированный, все равно оставался воздухом Дна. Невозможно было шевельнуться, чтобы не ощутить его упругое сопротивление. Уроненная со стола бумажка, выписывая самые замысловатые кренделя, планировала на пол столь долго, что надоедало следить за ее траекторией. Шум в ушах, сильный вчера, сегодня ослаб, но не пропал, намекая, что намерен остаться надолго. Мысль о том, что в воздушной среде привычной плотности ему пришлось бы таскать еще килограммов двадцать лишнего собственного веса, не очень-то утешала. Торгпред вчера рассказал, что где-то на крайнем юге материка якобы существует глубочайшее ущелье, по мере спуска в которое воздух постепенно доходит до кондиций настоящей жидкости. Врал, наверное. Пересказывал мифы. Тем не менее не приходилось удивляться, что у аборигенов самым ходовым видом воздушного транспорта были дирижабли, причем мягкой конструкции — такие, чтобы можно было скатать гондолы и убрать пустые оболочки в подземные укрытия с началом сезона ураганов...

Убожество,

Но контролируемое убожество. Помимо дирижаблей летали самолеты и вертолеты, по автострадам перемещались приземистые, как черепахи, автомобили, способные удержаться на дороге при сильном ветре, работала промышленность, где-то и как-то выращивались урожай, и на десятки километров по лавовым равнинам расстилались города с коническими или пирамидальными зданиями, устойчивыми против ураганов и землетрясений. Лишь здание торгпредства назло местным стихиям нахально торчало серым кубом. Наверняка туземцы были уверены, что долго оно не простоит...

Трещина в потолке склоняла к той же мысли. Что ж, он здесь не держится. Вот выполнит задание, донники и думать забудут о запуске спутников, нарождающийся сепаратизм будет подавлен самой планетой, при некотором участии эмиссара с Терры, — и домой, домой!

Разрушение катапульты — это и есть билет домой. С триумфом. Со щитом и всевозможными венками.

Он прокрутил в уме картинки, выданные ему специалистами по технической стороне вопроса. Выходило, что обыкновенная электромагнитная катапульта неспособна обеспечить ракете-носителю необходимый предварительный разгон — мешало торможение о воздух. В этом пункте Валентин безоговорочно соглашался со спецами: кто пробыл на Дне хоть час, надолго запомнит желеобразную среду, которой приходится дышать. Значит — что? Инженеры указывали, что катапульта должна быть в известном смысле пневматической: воздух перед разгоняемой ракетой должен отсасываться, а позади нее — нагнетаться. Стало быть, относительно герметичная труба, ее торцы закрыты некими заслонками, на конечном этапе разгона выпускная заслонка открывается автоматически, скорее всего, одновременно с запуском маршевых двигателей. Принципиальная реализуемость такого стартового комплекса не вызывала у инженеров сомнений. Валентин и тут не спорил: люди справляются и не с такими проблемами.

Но то люди, а то донники!

Вчера Валентин насмотрелся на них вдоволь — и на гостей торгпредства, и на обыкновенных горожан. Не вняв советам, он решился на прогулку по столице. Преступность на Дне практически отсутствовала, да и кто осмелится напасть на гостя из метрополии? Закованный в экзоскелет, он возвышался над туземцами, как титан над гномами. Гномы едва доставали титану до коленного сустава. По сути экзоскелет был большим шагающим роботом, несущим в себе гель-капсулу с человеком. Гель был замечательный: не прилипал ни к коже, ни к одежде и благодаря архимедовой силе значительно снижал вес.

Все равно было тяжело, особенно шее. Можно погрузиться в гель по самый подбородок, но кочан головы все равно будет торчать сверху и давить, давить на позвоночный столб...

Прогулка преследовала еще одну цель. Торгпредство выходило фасадом на широкую улицу, и Валентин прошел ее всю, неприязненно косясь на приземистые конусы и пирамиды туземных домов. В конце пути он якобы случайно свернул в тупик и немного потоптался там, прежде чем с видимым неудовольствием обнаружил отсутствие дальнейшего пути. Это был сигнал агенту Астра о выходе на связь. Ругая тупоголовых туземных агентов, Дональбайн отзывался об Астре сравнительно благосклонно.

Наверное, агент жил где-то неподалеку. И, вероятно, имел техническую возможность постоянно отслеживать тупик. Еще позавчера

Валентин удивлялся: не дурак ли Дональбайн, раз выбрал столь бросающийся в глаза сигнал? На Дне убедился: нет, не дурак. Донники тупы по самой своей природе. Они слишком поглощены борьбой за выживание, их интеллект, если о нем вообще можно говорить, изоцирен только в этом. Подумать только — у них практически нет преступности!

А почему? Размышляя и сопоставляя, Валентин согласился с мнением экспертов: выжить на Дне можно только сообща. Помогая друг другу бескорыстно и не дожидаясь просьбы о помощи. Так они и выжили, а всевозможные хитрованы-индивидуалисты, не говоря уже о клинических асоциалах, выбраковывались естественным порядком на протяжении тысячелетий, пока их практически не осталось. Будь иначе, человечеству просто не удалось бы зацепиться за Дно...

Он попытался представить себе местную криминальную полицию и наверняка бы расхохотался, не будь так вымотан прогулкой. А контрразведка? Наверное, существует, коль скоро правящие круги не лишены примитивных понятий о хитрости, — но где она? Пока не видно. И Дональбайн не ощущал ее внимания, и его предшественники... Наверное, и ощущать-то нечего. А жаль! Как ни противно бороться со слабосильными, Пегий Удав выше оценит победу, если на пути к ней донники воздвигнут коварные — по их убогим представлениям — препятствия.

Гонимое ветерком, проплыло зеленое облачко воздушного фитопланктона. На всякий случай Валентин обошел его стороной, хоть и дышал сквозь фильтр. Дымя смрадным выхлопом, пронеслась на бешеной скорости — километров сорок в час — черепахоподобная механическая повозка, и ощутило ударил в лицо взбаламученный воздушный кисель. Протопали двое туземцев, катя детскую коляску — немалой прочности конструкцию на толстых осях. Имей коляска гусеничный ход, Валентин не удивился бы: какова планета, таковы и конструкции. Лица туземных коротышек дивно гармонировали цветом с дорожным покрытием. Какие-то они тут все серые, подумал Валентин. Ультрафиолета мало, по идее туземцы должны быть белые, вроде мучных червей, а они серые. И планета у них серая, и жизнь наверняка такая же...

Бабах! Тах-тах-тах-тах!.. Бабах!..

Валентин вздрогнул от неожиданности и боли в барабанных перепонках. Пальба велась с нескольких точек, и каждый выстрел болезненно бил по ушам. Бабах! Бабах! Тах-тах-тах-тах-тах... Кретины!.. Куда стреляют, в кого стреляют, зачем стреляют?..

Он не успел оглядеться по сторонам. Невероятной силы удар обрушился на него сзади. Испугаться Валентин тоже не успел. Падая вперед, он с болезненным интересом размышлял: выдержат ли ребра экзоскелета удар о мостовую?

Упав, он отключился всего лишь на секунду. Экзоскелет был вроде цел и по-прежнему повиновался малейшим движениям мышц, а гель-капсула исправно уменьшала тяжесть тела, но почему-то сильно болела правая лопатка. Ранен?.. Валентин поднялся на четвереньки, затем встал во весь рост и осмотрелся.

А посмотреть было на что. Парочки с коляской и след простыл, а на ее месте с хриплым криком корчилась огромная кошмарная тварь, разеая зубастый клюв и молотя по мостовой кожистыми крыльями. Еще с десятков таких же тварей кружили над городом, временами ныряя к самым крышам и вновь взмывая в серое клубящееся небо. По ним били с нескольких точек. Тах-тах-тах-тах! — захлебывались малокалиберные зенитки. Бабах! — мучительно для барабанных перепонок рывкали орудия покрупнее. Быстро гася скорость в плотной воздушной среде, снаряды становились видимыми и круто поворачивали к земле. Вот одна крылатая тварь наткнулась на россыпь излетных снарядов, но лишь взмахнула крыльями, недовольно вякнула и поднялась выше. Другой бестии повезло меньше — ее развороченное туловище, неспешно, как в замедленной киносъемке, кувыряясь, падало на конические кровли.

Валентин досмотрел представление до конца. Две твари были убиты, одна подраненная ушла со снижением, остальные вышли из зоны поражения и растворились в мутном небе. Буравя воздушный кисель винтами, в ту же сторону устремилось звено короткокрылых самолетов, как видно, только что поднятых по тревоге, и уже издалека донеслось приглушенное «тах-тах-тах-тах». Охамевших птеродактилей пытались если не добить, то хотя бы выработать у них привычку держаться от столицы подальше. Лишь тогда к Валентину подбежал смахивающий на гнома абориген.

— Ты цел? — У гнома был смешной акцент.

— Я ранен, — процедил Валентин, осознав, что от банального ушиба лопатка болела бы не столь сильно и вообще иначе.

— Сам доберешься? — Туземец явно не собирался оказывать первую помощь пострадавшему.

— Сам доберусь, — зло буркнул Валентин. Лопатка здорово саднила, и по ней, кажется, струилась кровь.

Туземец побежал дальше по своим туземным делам. Еще вчера Валентин вволю посмеялся бы принятому на Дне стилю бега — сильно наклонившись вперед и загребая воздух руками, как плывущая собака, — но теперь он уже успел окунуться в донное бытие и не видел поводов для смеха. Сволочной город — хищники над ним летают... И это еще столица! Сволочная планета... И населяющие ее карлики — сволочи. Вот этот ясно же видел, что перед ним дипломатическая особа, получил информацию о ранении и преспокойно удрал, даже не подумав вызвать медицинскую бригаду. Конечно, дипломатическая особа и сама доберется до торгпредства, она даже сказала об этом туземцу, но пиетет-то должен быть! А если не пиетет, то хотя бы обыкновенное сострадание!..

— Привыкайте, — внушал ему полчаса спустя Леонардо Квай, молодой рыжий парень, одолженный Валентину торгпредом в качестве помощника. — Это Дно. Каково местечко, таков и народец. Никаких комплексов. Примитивный рационализм. Переговоры с ними вести — скука смертная. Что?.. Бессердечные скоты? Ну, в какой-то степени... А вообще зависит от точки зрения. Вот тот ваш туземец, он ведь спросил, доберетесь ли вы сами. С его точки зрения, проявил заботу. Он знает, что наша медицина не чета местной. Вы ответили утвердительно, вот он и отстал. Видел же: рана не опасна, экзоскелет исправен, чего ж еще? С туземной точки зрения, тот карлик сделал все, что мог и должен был...

— С-с-скотина! — шипел Валентин.

Если верить Кваю, не произошло ничего экстраординарного, но Квай был склонен упрощать. Вчера Валентин попросил его в порядке теста загадать любое число от единицы до миллиона.

— Загадал.

— Ну и что ты загадал?

— Единицу.

— Почему?

— Можно ведь? — Квай удивленно поднял рыжие ресницы.

— Можно. Но почему единицу?

— Просто принцип экономии мышления.

Кажется, этот принцип был для Квая главным правилом жизни вообще, а жизни на Дне в особенности. То ли он всегда был таким, то ли научился у туземцев.

Телесно Валентин уже почти не страдал — наложенный на рваную рану заживлятор быстро делал свое дело, — зато страдал духовно. Нет, от представлений о порядочности, даже таких рудиментарных, какие бывают у нормального дипломата, здесь придется решительно избав-

ляться. Нечего церемониться с донниками — церемоний иногда заслуживают люди, но не примитивные живые механизмы.

И отлично! Тем легче будет заслужить билет домой.

Тот самый. Со щитом и лавровыми венками.

Глава 4. Уродина Астра

Он плавал в бассейне, блаженно расслабляясь после прямохождения. В здании торгпредства было три бассейна: один большой, общий, один малый, для личных нужд торгпреда, и один лечебный, у медиков. А у туземцев каждая порядочная семья имела собственный бассейн, пусть совсем крохотный, вроде корыта. Без периодического отдыха от собственной тяжести не могли обходиться даже донники.

Туземец он слушал вполуха — большего его информация не заслуживала. Туземец был крайне мал ростом, как все донники, узловато мускулист, кривоног, волосат и подобострастен. Плавая кругами вокруг Валентина, он все время старался искательно заглянуть в глаза хозяину — такому большому, важному, величаво медлительному. Весь вид агента демонстрировал готовность служить, и служить с радостью. Имел бы хвост — непременно завертел бы им, как пропеллером. Туземная агентура работала за деньги и туманную перспективу когда-нибудь покинуть Дно. Деньги везде деньги, иметь их всякому приятно: можно, например, оборудовать свой дом большим бассейном вместо маленького, однако главной приманкой, конечно, служила эмиграция на Терру или какую-нибудь другую планету Лиги. Денежные суммы шли агентам исправно, но первый приз еще не достался никому.

Валентин считал это неправильным. Надо поощрить кого-нибудь одного, наглядно показав коротышкам, что заветная цель достижима, тогда они в лепешку расшибутся, рогом будут землю рыть, а некоторые, возможно, даже поумнеют. Но не этот...

Туземец числился по транспортному департаменту. Он подробно докладывал о шоссе, протянутом еще в позапрошлом году к подножию Клоаки Сатаны, о мостах, переброшенных через свежие тектонические разломы, о нескончаемом ремонте этого шоссе, а главное, о перевезенных по нему грузах. Впрочем, после постройки близ вулкана центра управления полетами и сборочных цехов для ракет-носителей, после создания всяческой инфраструктуры, после завоза оборудования и рабочей силы главной дорогой сделалась воздушная. Громоздкие секции катапульты доставлялись грузовыми дирижаблями, а по шоссе продолжали возить всякую мелочь. Судя по характеру грузопотоков, работы близились к завершению.

— А топливо? — спросил Валентин.

Туземец захопал серенькими безресничными веками — соображал, о чем речь.

— Для электростанции? — спросил он наконец.

— Нет, — терпеливо сказал Валентин. — Не для электростанции. Я знаю, что мощная тепловая электростанция в окрестностях Клоаки Сатаны давно построена. Я знаю, что она дает ток. Я знаю, что проще было построить электростанцию на месте, чем тянуть издалека линию электропередачи, тем более что ее постоянно рвало бы ураганами и сейсмическими подвижками. Я знаю, что электростанция снабжает энергией сборочное производство и стройку. Я знаю, что она будет снабжать энергией катапульту. Я знаю, что станция работает на каменном угле. Я даже догадываюсь, что без угля никакого электричества станция не давала бы. Один плюс один будет два: если электростанция исправно работает — значит, топливо для нее завезено. Соображать надо. Я спрашивал о другом топливе.

Агент вновь погрузился в мыслительный процесс. Даже плавать перестал. Надув брюхо, завис в воде серой лягушкой, морщил узенький лобик, рожал мысль.

Роды оказались трудными. Туземец мучился.

— На чем летает ракета? — пришел на помощь Валентин, устав ждать.

— Так это... на электричестве же, — заморгал агент. — Магнитное поле ее толкает. Она, значит, сперва на специальной тележке едет, рельсы там в катапульте проложены, потом, значит, тележку долой, и дальше так летит...

Валентин тяжело вздохнул.

— После вылета из катапульты на каком топливе она движется? применил он кесарево сечение. — На жидком, так?

— На жидком, — не стал отрицать туземец.

— Уже легче. Значит, на жидком топливе. Вот я и хочу знать, завезено ли к стартовому комплексу это самое жидкое топливо, а заодно и окислитель. Топливо и окислитель. Завезены ли. Теперь понятно?

Туземец просиял.

— Пока не завезены. Но хранилища для топлива и этого... м-м...

— Окислителя, — подсказал Валентин.

— Во-во, окислителя. Хранилища для них обоих, значит, построены, ждут.

— Мне нужно знать день, когда горючее и окислитель для ракеты-носителя поступят в хранилища на стартовом комплексе, — тщательно

но выговаривая каждое слово и не торопясь, чтобы до туземца дошло, проговорил Валентин. — Задание понятно? Если я узнаю об этом в день доставки, вознаграждение обычное. Если я узнаю заблаговременно, скажем не менее чем за три дня, вознаграждение удвоенное. Плюс — при успехе моей миссии — обещаю похлопотать о визе.

Донник расплылся в блаженной улыбке. Даже дышать на время забыл, отчего немедленно погрузился на дно. Валентин уже успел убедиться в том, что вода плохо держит карликовые, но плотно сбитые тела донников. Что ж, на то они и донники, чтобы идти ко дну...

Конечно, этот дурак на Дне и останется. Валентин и представить не мог, что будет за него хлопотать. Но проводил агента с самой любезной миной и лишь после его ухода на несколько минут расслабился.

Хотелось плакать, а еще больше — смеяться, хохотать во весь голос, баламутя воду, пуская пузыри и рискуя захлебнуться. Что за мир! Вместо хитроумной игры в кошки-мышки с бдительной контрразведкой, вместо титанического напряжения духовных сил, вместо состязания интеллектов, вместо конспиративных квартир, тайников и головоломных шифров резидент принимает агентуру прямо на дому! Ничего не боясь, агент получает деньги наличными. Он спокойно входит в торпедство, и охрана пропускает его, зная в лицо. Никому он не подозрителен, никто, по-видимому, не следит за ним. А кого ему бояться? Таких же тупых, ограниченных и нелюбопытных, как он сам? Дурдом.

Ползал по дну робот-чистильщик, соскребая налет, прокачивая сквозь себя воду. Валентина он опознал как объект «пользователь» и не мешал. Туземцев он нередко опознавал как «посторонний предмет».

И был недалек от истины.

— Привет! — раздался сзади мелодичный голос.

Первым неосознанным желанием Валентина, когда он обернулся, было смутиться, вторым — прикрыться руками. С первым он кое-как справился, второе осуществил. Он знал, что Астра — женщина, но не подозревал, что такая. Чертов Дональбайн! Мог бы проинструктировать точнее.

Красавица? Пожалуй, нет. Но мила. А главное — рост! Метр шестьдесят, наверное, или около того. По стандартам Терры чуть маловата, но по меркам Дна — гигант! Редкостная дылда. И как она передвигается, веся здесь килограммов этак сто тридцать — сто сорок? Святая Лига! Да она движется не без изящества!..

— Э... агент Астра? — осведомился Валентин, с удовольствием отметив, что голос звучит почти как надо, и с неудовольствием — что готов покраснеть. Черт знает что. Дональбайн все-таки сволочь.

— Точно, — ответила туземка. — Астра. Звезда на каком-то из древних наречий. Я знаю, что такое звезды. Видела на фото. Кстати, Астра — это мое настоящее имя. Разрешишь присоединиться?

Валентин едва глазами не захлопал, когда она, не дождавшись приглашения, без стеснения принялась раздеваться. И немудрено было испытать краткий шок: высшее общество Терры придерживалось строгих нравов. Да и на других планетах Лиги, где приходилось работать Валентину, местная элита подражала элите метрополии. Низы общества — те, конечно, по-всякому, но на то они и низы, что с них взять...

Все, что Валентин успел узнать о Дне, свидетельствовало — с элитой здесь туговато. Точнее, какова планета, такова и элита. Астра заведомо не принадлежала к низам, но вела себя вполне по-дикарски...

Пришлось приветственно помахнуть рукой: сигай, мол, сюда, вдвоем веселее. Нет, он не позволит какой-то дикарке заметить на лице шефа и тени смущения!

Одежда соскользнула на пол. Шаг, прыжок — и Астра, сложив над головой руки, идеально вошла в воду, как будто всю жизнь только этим и занималась. Валентин почти залюбовался. Пусть тяжесть планеты никому не дала бы описать красивую дугу, пусть прыжок больше походил на стремительное падение, но черт возьми — даже оно было красиво!

Интересная особа... Одним взглядом Валентин отметил очень белый цвет кожи, чересчур выпирающие мышцы, полное отсутствие жира, слабо обозначенную талию и маленькую грудь. Пропорции Астры были далеки от стандартов Терры, она могла бы служить живым пособием по анатомии опорно-двигательной системы, и все же смотреть на нее было приятно. По контрасту, наверное. Лучше голая перетренированная атлетка, чем голый безобразный гном.

Она вынырнула прямо перед Валентином, причем гораздо скорее, чем он ожидал. Один миг, скользящая под водой тень — и вот она, Астра, плавает рядом и смотрит зелеными глазами.

— Давай знакомиться. Теперь ты будешь вместо Дональбайна, так?

— Да. Меня зовут Валентин. И прежде всего я бы хотел...

— Ты большой, — перебила Астра. — Постой, не вертись, я хочу посмотреть на тебя... Да, большой. Тебе будет трудно. Тебе уже трудно, так? Поэтому бассейн, я понимаю. Дональбайн был меньше тебя,

а все равно надорвался. Ты должен мало ходить и стоять. Должен много плавать. Тогда выдержишь. У Дональбайна было много времени. У тебя его меньше: сорок дней, может быть, пятьдесят. И уж никак не больше пятидесяти пяти. После них — целых полгода. На это время тебе лучше уехать на твою Терру. Или уйти, так? Вы ведь не уезжаете и не улетаете, вы уходите... Но самое главное случится скоро...

Валентин, собиравшийся деликатно, но твердо поставить болтливую туземку на место, насторожился.

— Что — главное?

— Как что? — удивилась Астра. — Запуск, конечно. Катапульта почти готова. Я принесла свежие снимки, потом посмотришь. А через пятьдесят дней начнется сезон ураганов. В районе Клоаки Сатаны ураганы обычно начинаются раньше, чем в столице, так? У нас — дней через шестьдесят, у них — через пятьдесят. Может быть, через сорок. Может быть, через пятьдесят пять, но не позже. Никогда позже не бывало. Потом придет первый ураган. Сильный ветер, очень сильный. Нельзя пускать ракету. Нельзя работать, нельзя ходить, надо прятаться. Надо ждать полгода, потом чинить катапульту, долго чинить...

И Валентин сразу раздумал осаживать Астру.

— Следовательно, наш запас по времени — максимум пятьдесят пять дней, но, вероятно, меньше? Причем имеются в виду здешние дни?

— Совершенно верно, — с удовольствием сказала Астра.

— Чему ты так радуешься? — Валентин тоже решил общаться с ней на «ты». Так будет естественнее, а естественность здесь, судя по всему, в цене.

— Радуюсь, что ты все быстро понял. А еще тому, что ждать уже недолго. Ты сделаешь свою работу, а я получу свою награду, так? Дональбайн говорил, что мое место не на Дне, а на Терре. Ты ведь тоже так скажешь?

Ах, вот она о чем...

Дональбайн ни словом не обмолвился о своем обещании наградить Астру иммиграцией. Возможно, такого обещания и не было. Но почему бы и не похлопотать за толкового агента? Все будет зависеть от результата.

А интересно, есть ли на Дне хоть один туземец, не мечтающий убраться с родимой планеты навсегда?

Наверняка есть. Их даже много — тех, кто привык прозябать, кто навсегда согбен тяжестью планеты и полным отсутствием перспектив.

Тех, кто ничего для себя не ждет. На них нельзя ставить, и никто на эту планктонную мелюзгу и не ставит. Полезны туземцы с амбициями, способные на мечту, хотя бы одну-единственную.

Весьма полезную для Терры мечту...

— Тяжело тебе на Дне? — спросил Валентин.

— Мне легче, чем тебе. — В зеленых глазах туземки мелькнула смешинка, но сразу погасла. — Но мне тяжелее, чем другим, так? Взгляни на меня, я ведь водянка.

— Кто? — Никаких признаков водянки в теле мускулистой нимфы Валентин не заметил.

— Значит, Дональбайн тебе не сказал? Далеко, очень далеко отсюда в океане лежат острова, много островов. Так? Целый большой архипелаг. Много мелких бухт, мало крупных хищников. Там жили водяне — мой народ. Моя мать, и моя бабушка, и прабабушка, и прапрапрапра... все они жили морем. Мелкие лагуны безопасны. Мой отец ловил моллюсков в проливе Длинных Змей, и его отец тоже, и мой прадед, и прапрапрапра... Наш народ был не таким, как эти сухопутные. Отец — он был почти с тебя ростом, так? Водяне почти не выбирались на сушу. Мелкие лагуны безопасны, наши люди жили в воде, любились и рожали в воде. Даже спали в воде у берега, положив голову на песок. Однажды — это было в конце сезона ураганов — затряслась земля. Многие острова погрузились в море, на многих островах пробудились вулканы, а потом с моря пришла большая волна. Как раз в тот день бушевал особенно сильный ураган. Уцелевшие пытались спастись в горах, цеплялись за выступы скал, их уносило ветром. Немногих, кто спасся, маленькие люди с материка вывезли к себе на дирижаблях... потом, когда ураганы кончились. Это случилось, когда я была еще совсем девчонкой. С тех пор я живу среди сухопутных донников, выучилась, поступила на службу, пробилась, переехала в столицу, пользуюсь влиянием, но... — Голос Астры задрожал.

— Но? — спросил Валентин.

— Посмотри на меня. Видишь? А теперь представь рядом со мной обыкновенного нормального донника. Понимаешь?

Валентин принял глубокомысленный вид и не ответил.

— Да я же в их глазах урод! — крикнула Астра, с размаху стукнув кулаком по воде. — Я на полторы головы выше самой высокой сухопутной женщины, так? Здоровенная, тяжелая, быстро устающая, а главное — редкостная уродина! Кому здесь нужна такая?

Ее глаза блестели — то ли от попавшей воды, то ли от слез.

Глава 5. Старый облезлый лис

Очень даже возможно, — бубнил Леонардо Квай. — Донники — они такие. У них свои вкусы. Для них Астра, конечно, уродина, а по мне — ничего так... Мышц только многовато, фигура не очень, а в общем ничего, пикантно даже... Водяне? Не слыхал. Но тоже возможно. Здесь и не то возможно. Хотя какая нам разница, если от их народа почти никого не осталось? Не Терра же в этом виновата...

— А кто? — хмыкнул Валентин.

Квай был категоричен:

Пусть вмят своих предков — на черта им сдался Трон Аида? Мигрировали бы не сюда, а на пристойную планету — горя бы не знали.

Перестань экономить мышление. Возможно, у них не было выбора... Зато они никогда не боялись оккупации. Тот, кому придет в голову ввести сюда оккупационные войска, очень скоро об этом пожалеет. Потому-то Дно --- доминион, а не колония.

— С нормальной планетой они давно стали бы полноправными членами Лиги, — проворчал Квай.

— Они? — хохотнул Валентин. — Этот паноптикум дураков?

— Может, их предки не были такими уж дураками...

— Думаешь, умные люди выберут себе для жизни такую планету?

Спор был бессмысленным: об интеллекте первопоселенцев Дна ничего не могли сказать даже самые древние документы. Да и какая разница? Ведь дело приходится иметь отнюдь не с предками нынешних коротышек. Но оставались непонятные моменты.

В течение нескольких дней Валентин имел контакты с четырнадцатью агентами. Почти все они были бестолковы, на редкость беспечны и попросту глупы. Выгодно выделялась Астра, но ведь она была водянкой... Гем не менее у Валентина собралось немало веских доказательств, чтобы выложить их перед премьером и потребовать объяснений. Надавить, припугнуть — это уж как водится. В успехе Валентин не сомневался.

Смущало, что тупоголовые туземцы все-таки сумели построить космическую ракету и электромагнитную катапульту. Где же они набрали столько толковых ученых, инженеров, техников и рабочих? Неужели прочесали все население Дна, придирчиво отбирая одного из тысячи?

Вряд ли это осуществимо на практике.

Пришла в голову и совсем уж безумная мысль: нет ли на Дне еще одних Врат, тайно установленных землянами или униатами? Это многое объяснило бы: и подозрительный технический скачок туземцев, и внезапную решимость добиться независимости...

Конечно, этого не могло быть. Колебания подпространственных полей выдали бы незаконный нуль-канал с головой. Ни Империя землян, ни тем более Уния не пойдут на столь вопиющее, чреватое войной нарушение Фомальгаутского договора. Через десятилетия — может быть. Но пока что это не в их интересах.

Каждый день на территорию торгпредства въезжала грузовая механическая черепаха. Туземцы стаскивали с нее ящики и с натугой грузили на ленту транспортера. Чиновник проверял груз и направлял его к Вратам. Валентин дважды проследил за ним издали и один раз сам принял участие в процедуре. Как и следовало ожидать, самый придирчивый осмотр не выявил в сверкающей россыпи экспортных алмазов никаких следов контрабанды или замаскированных контейнеров с тайной перепиской. Грузы, идущие с Терры, проверить было сложнее, но Валентин был процентов на девяносто уверен, что и там все чисто. Нет, туземцы не получали чужих космических технологий. По ту сторону Врат — вся мощь контрразведки Терры...

Решение не давалось. В том, что оно придет, Валентин не сомневался, но лучше раньше, чем позже.

По его просьбе торгпред пригласил премьер-министра. Тот прислал с курьером обширную, избыточную словесной трухой и орфографическими ошибками бумагу, где многословно извинялся, что не сможет прибыть по причине межпозвоночной грыжи, и приглашал торгпреда к себе в резиденцию. Прочитав послание, торгпред рассмеялся.

— Заважничал. Держу пари, нет у него никакой грыжи. Те туземцы, у кого могла быть грыжа, вымерли еще поколений сто назад... Вы примете приглашение?

— Оно адресовано вам, — напомнил Валентин.

— Адресовано мне, а пойдете вы. — От торгпреда пахло спиртным. — Меня Лис уже знает, приспособился. Кроме того, ему прекрасно известна позиция Терры. Лучше надавите на него вы. Дайте ему понять, что Терра ни при каких условиях не допустит независимости Дна. Пригрозите, запугайте. Умеете ведь?

— Учился, — сухо ответил Валентин.

Он делал вид, что отказ торгпреда ставит его в нелегкое положение. На самом деле все было в точности наоборот. Он, Валентин Прямухин, сделает всю работу сам — и сам же пожнет все полагающиеся лавры. Он позаботится, чтобы другой не приписал победу себе. Пегий Удав поморщится, покряхтит и все же будет вынужден двинуть его на новую ступень.

А торгпред, лодырь и пьяница, пусть себе отмокает в бассейне.

Резиденция премьера превосходила прочие столичные строения лишь размерами, но больше вширь, чем ввысь. Она смахивала на выпуклую шляпку титанического гвоздя, до отказа вбитого в планету. Никакой тайфун не сдвинул бы это приземистое сооружение ни на волосок.

Премьер-министр принял Валентина не в бассейне, а в спальне. Он лежал в гель-кровати, выставив из-под невесомого одеяла остренький серый носик и невеликий череп, покрытый клочковатым пухом вместо волос. Время от времени премьер издавал слабый стон. Валентин героически покинул экзоскелет.

Так было надо. Пусть симулирующий мерзавец проникнется силой духа посланцев Терры — проникнется и ужаснется.

Навалилась тяжесть, суматошно заколотилось сердце, стало трудно дышать. Изю всех сил стараясь двигаться непринужденно, Валентин втиснулся в маленькое, на туземца рассчитанное кресло. Стало чуть легче. Лишь кресло жалобно скрипело под непривычной тяжестью.

Премьера звали Лис — все равно никто не мог выговорить его туземное имя. К счастью, этого и не требовалось: «господин премьер-министр» — общепринятое обращение в дипломатических переговорах. Сухо поздоровавшись и выразив надежду, что болезнь премьера не опасна, Валентин сразу взял быка за рога. Вот снимки катапульти. Вот снимки сборочных цехов на фоне западного склона Клоаки Сатаны. Вот схемы подъездных путей. Вот копии документов, свидетельствующих о перемещении грузов совершенно определенного назначения. Вот копии сборочных чертежей ракеты-носителя. Терра требует объяснений, господин премьер-министр. И немедленно.

Явившийся на слабый зов премьера секретарь, подобострастно изогнувшись легко гнуться тощему недомерку! — держал перед свинячьими глазками Лиса каждый документ по очереди. Просмотр тянулся нескончаемо долго.

Валентин терпел. Минуте на пятой ожидания он понял, чего добивается Лис. Не дожидается. Облезлый премьер дерьмовой планеты не увидит, как эмиссар Терры побагровеет и прерывающимся сиплым голосом попросится в бассейн или гель-капсулу. Эмиссар выдержит. Тренировки не прошли даром.

Пришлось терпеть целый час — и Валентин вытерпел, хотя ему не раз казалось, что лицо его вот-вот стечет к подбородку. Наконец Лис знаком дал понять секретарю, что можно убрать документы, и очень тихо забормотал что-то.

Господин премьер-министр говорит, что правительственная комиссия, расследовавшая по просьбе Терры деятельность консор-

циума «Чистое небо», пришла к определенному заключению. Упомянутый консорциум, специализирующийся большей частью на разработке средств воздушного сообщения, действительно ведет изыскательские работы, связанные с изучением возможности влиять на климат. Для этого действительно разрабатываются метеорологические ракеты, но...

— Терру не интересуют ваши метеорологические ракеты, — бесцеремонно перебил секретаря Валентин. — Вам хорошо известно, что интересуется Терру. Катапульта на склоне Клоаки Сатаны построена не для метеорологических ракет. Предупреждаю: если дело пойдет слишком далеко, Терра будет вынуждена принять самые решительные меры. Не думаю, что они понравятся вам, господин премьер-министр.

Лис опять что-то зашептал.

— Господин премьер-министр выражает сожаление, что его плачевное состояние не позволяет ему вести с господином секретарем торгового представительства более пространную беседу, — перевел секретарь. — В настоящее время господину премьер-министру предписан строжайший постельный режим. Ему нельзя шевелиться, ему больно даже разговаривать. Господин премьер-министр простит извинить его. Что касается выводов, сделанных правительственной комиссией, то, коль скоро Терра ставит под сомнение их полноту и активность, деятельность комиссии может быть возобновлена...

— Может быть возобновлена или будет возобновлена? — злобно осведомился Валентин.

— Решение об этом будет принято на днях...

— Превосходно, — с деланным облегчением сказал Валентин. — Мне остается только умыть руки. Правительство планеты не желает знать, чем помимо дирижаблей и разгона облаков занимается консорциум «Чистое небо». Господин премьер-министр не интересуется деятельностью консорциума, где в совете директоров сидит его зять. Он предпочитает хворать грыжей. Недели через две комиссия, возможно, будет создана, еще через неделю-другую она приступит к работе и начнет, разумеется, с проверки периферийных предприятий, а тем временем катапульта без помех со стороны правительства выплюнет в космос ракету... Превосходно! Моя задача сильно упрощается. Господин премьер-министр, вы слушаете?

Закрыв глаза, Лис пребывал в неподвижности. Секретарь склонил к нему ухо, послушал дыхание.

— Господин премьер-министр в глубоком обмороке, — скорбно сообщил он. — Простите, он очень, очень болен... Но господин секре-

тарь торгпредства может сообщить мне все, что предназначено премьер-министру. Как только он придет в себя, я сообщу ему все, о чем вы пожелаете упомянуть.

— Тогда сообщите ему, что я буду ждать сутки. Ваши сутки. Если за это время ко мне не поступит сообщение о том, что комиссия возобновила работу, Терра начнет предпринимать ответные шаги. Если такая информация поступит, я дам вам еще пять суток — опять-таки суток Дна — для подготовки доказательной информации о полном прекращении работ по выводу спутника в космос. Меня убедят действия по демонтажу катапульты и уничтожение ракет-носителей. На этих, только на этих условиях я гарантирую невмешательство Терры во внутренние дела Дна. У вас хорошая память или надо повторить?

Секретарь только моргал.

— Мне кажется, это диктаг, — промямлил он наконец.

— Вам правильно кажется, — презрительно бросил Валентин.

— Мне также кажется, что это угроза...

— Причем более чем реальная. — Весь в поту, Валентин с усилием выбрался из кресла. Не забудьте передать мои слова премьеру. И всего вам доброго.

Залезть в гель-капсулу экзоскелета оказалось делом трудным. Валентин неслышно скрипел зубами, напрягал все мускулы, вспотел до соленых ручьев — и залез. Теперь он возвышался над ничтожными туземцами, как древний бог, и бог недобрый. Одним движением механической руки он мог схватить любого местного карлика и шмякнуть его хоть об пол, хоть об потолок — только брызги полетят.

И секретарь это почувствовал. И без того лилипут, он стал еще меньше ростом, а светло-серые тона его личика превратились в темно-серые.

Разумеется, он забормотал слова о крайнем сожалении, прискорбном непонимании и твердом намерении господина премьер-министра в скорейшем времени уладить дело к полному удовлетворению Терры... Наверное, он и сам не прочь был временно отключиться, как премьер, но секретарям премьеров падать в обмороки не положено. Гладко обработанные фразы, похожие на речные окатыши, так и сыпались на Валентина. Любой первокурсник Академии межзвездных отношений знал цену подобной риторике.

— Пойдите! — взмолился лилипут, увидев, что Валентин направился к выходу. — Господин премьер-министр намеревался показать вам свою коллекцию редкостей нашей планеты, своего рода домашний музей...

— Меня ждут дела, — бросил Валентин через плечо.

— Прошу вас, пожалуйста! Это не займет много времени. Господин премьер-министр не простит мне, если я не исполню его желание! Я с удовольствием буду вашим гидом...

— Что ж, будь по-вашему. — Валентин внезапно изменил намерение. Почему бы не воспользоваться случаем узнать нечто новое о премьере, да и о планете тоже. — Только поскорее.

Пяťясь, секретарь кланялся: сюда, мол, пожалуйста, нижайше прошу сделать одолжение... Раболепие туземцев на отсталых планетах вошло в поговорку. Работая до сей поры в более развитых мирах, Валентин не встречал такой модели поведения со времен психологических тренингов в академии. Некоторые студенты брезгливо морщились, другие чрезвычайно наслаждались добровольным унижением оппонента. Валентин предпочитал высокомерное презрение.

Жужжа сервомоторами, он проследовал сквозь небольшую анфиладу из трех комнат. В четвертой, очень просторной даже по меркам Терры, и впрямь оказался частный музей.

Секретарь допятился до ближайшей витрины и затараторил. История освоения Дна нисколько не интересовала Валентина. Стоп, хватит. Что там дальше — зоология?

Ряды чучел мелких зверьков скалились с многочисленных стеллажей. Чучела и скелеты более крупных местных тварей теснились на полу, занимая добрую половину музея. О некоторых Валентин знал из изученных материалов, в одной крылатой и весьма зубастой дряни опознал тварь, которую прямо на его глазах подбила над столицей зенитка, но много, очень много оскаленных морд видел впервые. Один череп поражал воображение. Размером он был с небольшой танк, в пустые глазницы мог пролезть средней упитанности человек, а клыки длиной в руку годились, наверное, для разделки совсем уж титанических монстров.

Последнее предположение оказалось верным. Валентин никак не мог понять, что за странный неровный круг диаметром с туннель под земки вделан в дальнюю стену.

— Позвонок мегаихтиоцетоса, — с готовностью пояснил секретарь, уловив невысказанный вопрос гостя.

— Китообразное? — снизошел до разговора Валентин.

— Двоякодышащее. Довольно крупный экземпляр, хотя и не рекордный... Однако не угодно ли господину пройти к витринам с минеральными богатствами Дна?

Валентину было угодно. И тут его ждало потрясение: мало сведущий в геологии, он и представить себе не мог, какие минеральные бо-

гатства может таить в своих недрах тектонически активная планета с массой Дна. Секретарь включил подсветку, и Валентин временно ослеп. Секретарь открыл витрину, и в руке Валентина оказался сверкающий необработанный камень. Судя по его размерам и гудению сервомоторов правой руки, весьма увесистый. Притом совершенно прозрачный, а по форме — правильный октаэдр.

— Алмаз? — не веря глазам, проговорил Валентин.

— Тоже не рекордный, однако довольно крупный, прошу заметить, чистойшей воды и притом розового оттенка. Шесть тысяч триста карат. Не каждый год у нас добываются подобные экземпляры.

Наверное, и не каждое столетие, подумал Валентин. Буквально вчера он сам погружал руки по локоть в россыпи предназначенных к отправке на Терру алмазов, но то были экземпляры размером с ноготь и большей частью мутноватые. Этот же феноменален! В императорские скипетры вставлять такие камни. И скипетр будет смахивать на боевую палицу...

Ослепленный и ошарашенный Валентин все же взял себя в руки, когда секретарь, кланяясь, произнес:

— Господин премьер-министр будет признателен, если господин возьмет этот ничтожный камень на память о встрече. Пожалуйста.

Взятка? — Валентин ждал чего-то подобного. Не думал только, что туземцы окажутся столь неумелыми взяточдателями. Неужели понадеялись на размер, вес и завораживающий блеск камня?

— Ни в коем случае! — Секретарь замотал головой и расширил глаза в деланом ужасе: как, мол, можно подумать такое? — Просто знак внимания. На добрую память. Пожалуйста.

Видеозапись? Не исключено. Неужели будет попытка шантажа? Наивно и нелепо, но не лишено некоторого интереса. Для разнообразия.

Передайте господину премьер-министру, что добрую память о встрече с ним я сохраняю навечно и без... посторонних предметов, — холодно ответил Валентин, возвращая алмаз на витрину. — И учтите, что если подобное повторится еще раз, я размозжу вам череп этой штуковиной. Тогда вы, возможно, станете первым человеком, кого пришибли алмазом.

Вполне ли человеком? Можно ли донников считать людьми в полном смысле этого слова? Скорее нет, чем да. Впрочем, подобные терминологические тонкости мало интересовали Валентина, покидающего резиденцию премьера.

Он еще не выиграл партию, но навязал свою игру.

Глава 6. Выбор

Один плюс пять — шесть. Шесть суток Дна — трое суток Терры. Агентурная информация давала стопроцентную уверенность: за трое суток туземцы не смогут подготовить и осуществить запуск. Для этого им нужно минимум десять дней, причем в течение этого времени все службы должны функционировать безотказно, как тщательно отлаженный и хорошо смазанный механизм, стихийным бедствиям следует повременить, а всем местным дуракам — впасть в летаргию. Ни первого, ни второго, ни третьего в ближайшем тысячелетии здесь не предвидится.

Да, а что за ракету они там спроектировали? Полетит ли она вообще? Или просто разнесет вздрезги стартовый комплекс? Копии добытых чертежей ушли на Терру для анализа и вернулись с экспертным заключением: конструкция работоспособна. Архаичная, работающая на жидком химическом топливе, она изрядно насмешила экспертов, но и встревожила. Надо же. Не зря говорят, что и палка иногда стреляет. И все равно мало спроектировать ракету, надо еще изготовить тысячи ее деталей и правильно их собрать. Достаточно далекий от техники Валентин прекрасно знал универсальный закон, применимый и к технике, и к науке, и к менеджменту, и вообще к чему угодно: ни в каком принципиально новом деле не обходится без накладок и ЧП. Особенно в таком сложном.

Эрго: в десять дней туземцы с работой не управятся. Скорее всего, не управятся и в двадцать. А через пятьдесят... нет, уже через сорок пять местных суток начнется сезон ураганов. Это в среднем, а вообще-то он может начаться и немного раньше. Значит, наиболее вероятный срок запуска — от тридцати до сорока местных суток, считая от настоящего момента, причем скорее сорок, чем тридцать.

Однако не следует давать Лису отсрочку. С дикарями надо быть твердым, поблажки их балуют и развращают. Только дай слабину — наплачешься, причем в самом скором времени. Если уж бросать им подачку, то рукой в стальной перчатке, усаженной шипами.

Так и было сделано. Шесть дней на ответ — это подачка, брошенная правильно экипированной рукой. Лис, наверное, надеялся выторговать все сорок дней, да только зря. Неужели он настолько глуп, что не понимает, с какой силой связался?

А похоже на то. Повторяется вечная история: слабый надеется перехитрить сильного. Но будь Лис не только хитер, но и умен, он не стал бы и браться за такое дело. Попытаться всучить взятку! Даже удивительно. Неужели он считает себя персоной, способной купить дип-

ломата Терры или хотя бы состряпать на него грамотный компромат? Ну и самомнение.

Ладно, он уже так не считает. Но что придумает теперь? Сдастся ли сразу?

Вряд ли. Скорее, предпочтет побороться.

То, что он связан с «Чистым небом» и космическим проектом, -- понятно. Вопрос: насколько тесно связан? Насколько ему необходим этот запуск?

Пока неясно. А надо, чтобы было ясно. И чем скорее, тем лучше.

Валентин мрачно проковылял к зеркалу. Оттуда на него уставилось чужое лицо, оплывшее книзу как огарок. Болели все суставы, тупо ныл позвоночник. Сорок донных суток, двадцать с хвостиком суток Терры... Надо выдержать. Надо.

Хуже всего, что он еще не решил, как действовать. Проще всего не допустить запуска вообще, осторожно вмешиваясь там и сям. Саботаж — эффективная тактика. Нетрудно учинить бардак со снабжением, подсунуть партию бракованных деталей, и обойдется это недорого... вот только после сезона ураганов туземцы вновь вернуться к своей наглой затее. Вновь отремонтируют катапульту, как уже не раз делали. И через полгода кто-нибудь другой будет решать — и решит! — ту же проблему, которую он, Валентин Прямухин, лишь отложил на будущее, не сумев справиться сам.

Да, это сделает кто-то другой... Валентин не настолько самонадеян, чтобы воображать, будто он сможет продержаться здесь полгода. С усилием подняв руку, он потрогал пугающие мешки под глазами. Он пробыл на Дне всего ничего, а что будет через полгода? Мешки начнут свисать вроде сталактитов и бить по щекам при ходьбе?

Но главное Пегий Удав ценит полный, стопроцентный успех,, а полусуспеха считает халтурой. Удав не умеет заглатывать половину кролика, ему нужен целый. Так уж удав устроен и по-своему прав.

Очень хорошим решением было бы натравить на туземный проект местную оппозицию, подкормив лидеров и убедив не стесняться в средствах. Удав дал бы санкцию, но беда в том, что никаких признаков серьезной оппозиции на Дне не просматривалось, а «несерьезную» как раз поддерживал консорциум «Чистое небо». О том же твердил и Дональбайн. Туземцы, брюзжал он, инертны именно потому, что тупы. Что им политика? А главное, при всей тупости они нутром чувят, что никакая оппозиция, придя к власти, не улучшит и не ухудшит их жизнь. Качество — если здесь уместно это слово — их жизни определяется планетой, а не политикой...

Значит, ставка на оппозицию смехотворна. Так что же может разрушить к чертовой матери катапульту, сборочные цеха и вообще все, что туземцы понастроили у подножия вулкана?

Извержение?

На трехмерной картинке, изображающей Клоаку Сатаны, катапульты не видно, но Валентин знал, где она. Вот здесь, на западном склоне, на древнем лавовом потоке, покрытом нетолстым слоем туфа. Достаточно надежное основание для любой конструкции — по меркам Дна, конечно...

Вулкан не засыпал никогда. Иногда главный кратер по несколько лет лишь слабо курился, но через неравные промежутки времени приходил в буйство, фонтанируя столь усердно, что лавовые потоки не успевали остыть, как на них уже изливались новые порции жидкого базальта. Изливаться в западную сторону им мешал вал — уцелевшая часть обрушившегося в незапамятные времена конуса древнего вулкана. Туннель катапульты кончался как раз на гребне вала.

Все-таки приходилось признать, что не все туземцы ослы, — место было выбрано грамотно.

Впрочем, был ли у них иной выбор?

Больше всего на свете Валентину хотелось, чтобы какой-нибудь катаклизм уничтожил западный вал задолго до появления на Дне первых людей. Если бы это случилось, туземцы не предавались бы дурацким мечтаниям о космических запусках, а специалисту по развитым планетам не пришлось бы страдать здесь под бременем собственного веса. Увы, дипломатия — это искусство возможного. Что толку мечтать о том, чего не случилось?

В принципе, выход был: уронить в кратер бомбу мегатонн этак в десять. Нельзя... То есть можно, но лишь в самом крайнем случае. Такую операцию втайне не провернешь. Пегий Удав прав: Терра должна остаться как бы ни при чем, незачем озлоблять донников. Притом глупо бить дубиной тех, кого можно переиграть.

Нажим — это да. Возможно, Лис испугается и даст команду прекратить все работы.

Но со временем их смогут возобновить. Планета велика, неблагоприятна, на ней можно спрятать что угодно, контроль затруднен. Да и не очень-то похоже, что Лис испугался. Он стар, а не все старики мечтают пожить еще хоть сколько-нибудь. Есть среди них и те, кто готов променять остаток жизни на «великую цель». Такие — самые опасные.

К тому же устранение Лиса не решит проблему. Кто конкретно в «Чистом небе» занимается проектом запуска, оставалось неизвест-

ным. Агентура на этот счет пока не дала сведений. Судя по всему, эта информация хранилась в глубочайшей тайне. Не уничтожать же всю верхушку консорциума...

Искать выход на руководство проекта — вот что требовалось немедленно. И агентура уже получила соответствующее задание. Главное — узнать кто. Припугнуть, купить, шантажировать. Окажется тверд — убрать и иметь дело с его преемником. Преемники в таких случаях обычно ведут себя разумно.

Этот путь выглядел самым эффективным. Хотя и до поры, до времени закрытым. Откроется — замечательно! Но Валентин не собирался ждать.

Оставалась диверсия — тоже вполне разумное решение. Мешало отсутствие технических знаний. Вместе с копиями чертежей Валентин отправил на Терру соответствующий запрос — эксперты пожаловались на неполноту данных, но обещали помочь.

Однако пока молчали.

На пятый день прибыл секретарь Лиса. Сукина сына пришлось принять не в бассейне, а в малой гостиной торгпредства, специально для таких случаев оборудованной мягчайшими креслами. Секретарь долго отказывался сесть, униженно кланялся, бормотал раболопные витеватости и наконец сообщил главное.

Премьер-министр тяжело болен и находится на излечении в правительственном госпитале. Однако и оттуда продолжает управлять делами. В частности, распорядился вновь собрать комиссию по расследованию деятельности консорциума «Чистое небо*». Уже завтра состоится инспекционный полет к Клоаке Сатаны. Если господам с Терры угодно, они могут принять участие...

Господам было угодно. Выпроводив туземца, Валентин тут же вызвал Леонардо Квая.

— Вы полетите со мной, — приказал он, обрисовав ситуацию.

Квай похмыкал. Почесал в рыжей шевелюре.

— Что-нибудь непонятно?

— Нет, отчего же... Все понятно: опять полет. Было уже два полета... Надеюсь, вы не считаете меня трусом. Я, конечно, полечу с вами. Просто у меня нет уверенности, что мы долетим до этой самой Клоаки Сатаны, а если все-таки долетим, то увидим ли что-нибудь, кроме вулканического жерла в не слишком приятный момент падения в него? А если туземцы все-таки покажут то, что нас интересует, где гарантия, что мы вернемся обратно?

— Бойтесь? — спросил Валентин.

— Конечно, боюсь, — не стал отпираться Квай. — Но полечу.

— Я дал знать на Терру, — сказал Валентин. — Я дал понять этому секретаришке премьера, что любой приключившийся с нами несчастный случай будет расценен как коварное и ничем не оправданное убийство лиц, обладающих дипломатической неприкосновенностью, и поведет к открытому вмешательству Терры в дела Дна. Туземцы с нас пылинки сдувать будут. Наконец, с нами летит вся комиссия в полном составе — двенадцать местных лилипутов. Публика влиятельная, вряд ли ею пожертвуют.

Квай чесал затылок.

— Дно — тяжелая планета, во всех смыслах тяжелая, — проговорил он. — На Терре это хорошо известно. Я бы советовал вам не расслабляться. Туземцы способны на любую пакость. Здесь слишком легко списать убийство на несчастный случай, а потом, естественно, выразить бездну сожаления. Полагаю, перед командировкой на Дно вы привели свои дела в порядок?

— Конечно.

— Я тоже. Значит, нам остается одно — не зевать. Возьмите оружие, я тоже возьму. Бластер «Аргумент» — то, что надо. Хотя и он вряд ли поможет... Между прочим, вы не заметили повышенной активности туземцев близ торгпредства?

— Каких туземцев? — спросил Валентин.

— Самых обыкновенных. Горожан. Раньше они шли мимо, мы их не слишком интересовали, а теперь собираются кучками, молчат, смотрят на наше здание... Ведут себя тихо — пока. Ставлю три к одному, что-то готовится. Не сегодня, не завтра, но через несколько дней — все возможно...

— Попытка штурма Врат? — опешил Валентин. — Что это им даст?

— Не штурм — блокады...

Валентин задумался. Захотелось и самому почесать в голове, но лень было шевельнуть неподъемной рукой.

Глава 7. Клоака Сатаны

Дирижабль смахивал не на сигару, а на веретено — острое рыло легче раздвигало кисель воздуха. По меркам Дна воздушное судно было небольшим, по меркам Терры — совсем крошечным, меньше ста шагов в длину.

Тем не менее в пассажирском отсеке узкой и длинной, как подлодка, гондолы уместились не только Валентин, Квай и десяток членов комиссии, но и двое лакеев, грузовой отсек ломился от багажа и при-

пасов, а в состав экипажа помимо пилотов, мотористов и стюарда входили метеоролог и несколько бортстрелков. Передняя часть гондолы плавно переходила в прозрачную вращающуюся башенку, хищно выставившую тонкие стволы скорострельных орудий, сзади было то же самое, и еще несколько дистанционно управляемых огневых точек разместились на спине летающего веретена. Собственное имя воздушного судна пришло из невообразимой древности: «Не тронь меня!».

«Не тронь меня, мне и без того страшно», — мысленно дополнил Валентин, отметив про себя, что ирония выходит мрачноватая. Гм, а какой же ей еще быть?..

Ему предстояло провести в гондole не менее шести суток, считая и обратный путь. Ни бассейна, ни ванны, ни даже кадушки с водой на борту. Лишь мягкие кресла и сомнительные портативные гель-коконы. Туземцам-то что — они все как один жилистые и в весе мухи. Выдержат легко. А человек с нормальной планеты?

Надо выдержать. Валентин настроился на серьезное испытание. Не так уж долго Дно жевало его и плющило, чтобы сейчас, плюнув на все, сломаться. Вот Кваю хуже, торчит на Дне почти год, ему остался месяц, и он считает дни, зато невысокий и худой, легче раза в полтора. Выдержит.

Было приятно, что Квай, заведомо не пришедший в восторг от перспективы провести шесть дней вне бассейна, не стал выдумывать причины, чтобы не лететь. Если и дальше будет держаться молодцом, надо будет потом похвалить его в отчете...

Первые часы дирижабль сопровождали боевые самолеты, но нападения крылатых тварей не последовало, и эскорт отстал. Однако стрелки по-прежнему сидели в прозрачных башенках, прилежно вертя головами во все стороны. Едва различимые, как сквозь мутное стекло, медленно плыли внизу поля, селения, заводы с низкими, дымящими трубами, ниточки дорог, карликовые местные леса. То и дело ландшафт пересекали похожие на рубцы линии старых и новых тектонических разломов. Проявилось из мути и долго-долго, так, что надо было смотреть, маячило зеркало колоссальной реки.

Внезапно большой участок берега задрожал, начал ходить волнами, растрескался и сполз в реку. Квай тыкал пальцем: смотрите, мол, землетрясение.

— Мелкофокусное, локальное, — уточнил он, когда внизу все кончилось.

— А шаткий трон у Аида, — пошутил Валентин. — Этой планете просто нравится трястись.

Он ожидал, что Квай хотя бы прыснет, но тот лишь вздохнул и серьезно и сказал:

— Что да, то да, нравится. Тут недавно на окраине столицы построили стадион, большой такой. Легкая атлетика. Понятно, тяжелая на Дне даже донникам не по силам. Так в прошлом году стадион хоп — и провалился. Совсем. И трясло-то не слишком сильно, баллов на девять всего...

К этому следовало привыкнуть. Девятибалльное землетрясение — не слишком сильное? Ну-ну.

— Неужели для столицы не нашлось менее опасного места? — спросил Валентин.

И не удивился, когда Квай ответил:

— Это лучшее.

Начались горы, и дирижабль поднялся выше. Земля исчезла, а небо осталось таким же — беспросветно серым. Начало потряхивать. Второй пилот спустился к пассажирам и объяснил, что командир ищет попутный поток. Нашел он его или нет, так и осталось неизвестным: никаких надписей на табло не зажглось, поскольку табло вообще отсутствовало. Ламинарная серая муть за иллюминаторами гондолы сменялась турбулентной, клубящейся, потом наоборот — вот и все разнообразие. Однако моторы гудели ровно, а туземцы увлеченно болтали о пустяках, не испытывая никакого страха.

Квай спал. Рыжий живчик вызывал симпатию с ноткой ревности. Валентин дал маху: он сам должен был вычислить возможность нападения туземцев на Врата. В затеянной Лисом или кем-то повыше шахматной партии он, Валентин, не видел всей доски. При всей своей «экономии мышления» Квай видел больше и дальше. Лис или, скорее, некто более влиятельный, предпочитающий держаться в тени, повел рискованную игру, по-туземному подлую, но в принципе разумную. Гостей с Терры под любым предлогом задерживают на космодроме, а тем временем «восставшие» карлики штурмуют торгпредство и выводят из строя аппаратуру Врат. При любом исходе власти ни при чем, малочисленная полиция (а содержать многочисленную донникам не по карману) ничего не смогла поделать, демонстрируются расквашенные носы и подбитые глаза полицейских, выражается сожаление, приносятся извинения и все такое прочее. Терра не сразу пошлет корабль, способный пробиться сквозь атмосферу Дна, туземцы выгадывают время... И успевают запустить ракету.

Могут попытаться. Им очень хочется хотя бы совершить попытку.

Только она провалится с треском. Вчера на Терру ушло донесение. Охрана будет усилена.

Временами Валентин погружался в сон. Ему снилось, что на него наваливают мешки с песком, их тяжесть нестерпима, мышцы бес- сильны расширить грудную клетку, дышать невозможно, сердце стучит, как автоматическая зенитка, вот-вот разорвется... и он просы- пался в липком поту, с разинутым ртом и безумными глазами. Дири- жабль как ни в чем не бывало продолжал полет — если можно назвать полетом протискивание сквозь тягучий воздух. Валентин вновь засы- пал, и на этот раз ему снилось, как его хоронят заживо, без гроба, с каждой секундой все сильнее придавливая сыплющейся с лопат рыхлой землей, и вот уже нет сил вздохнуть...

Один раз он проснулся не от кошмара, а от скрежета по обшивке гондолы. Тотчас оглушительно затявкали пушки, в салоне запахло по- роховыми газами. Но нападение — если это было нападение — тем и кончилось. Крылатая тварь исчезла в серой мгле, целая или подра- ненная — неизвестно.

Полулежать было еще терпимо. Сидеть — мучительно. Стоять — мучительно вдвойне. Посещение уборной требовало самоотвержен- ности. Раздражали туземцы: члены комиссии непрерывно болтали о пустяках, а кто не болтал, тот громко храпел. На вторые сутки поле- та Валентин начал считать оставшиеся часы. Оставшиеся до чего? На третьи сутки он был убежден, что туземцы завезут его подальше от Клоаки Сатаны и там бросят. Мучил лишь тупой, как мигрень, во- прос: высадят в горах на верную смерть или просто выпихнут из гон- долы? Второе милосерднее: несколько секунд ужаса — и блаженный финальный шмяк!

Но миновали третьи сутки, и черная ночная мгла за иллюминато- ром стала серой. Над материком вставало невидимое солнце.

Бубнил в ухо Квай — зачем-то рассказывал о странной фауне Дна. О летающих рыбах и их биологических родственниках — подводных пти- цах. О волосатых рыбах и плавучих симбиотических колониях размером с большой остров. О стремительных тварях, вооруженных отравленными гарпунами. О загадочном племени совсем уже одичавших туземцев, яко- бы обитающих где-то на крайнем юге материка, и об их странной биоло- гии, включающей в себя симбиоз с местной дрянью и чуть ли не почко- вание. В этом племени, плел небылицы Квай, особенно умны беремен- ные самки, поскольку в добавление к своему мозгу пользуются мозгом эмбриона. Как родят — сразу тупеют. Одна баба была вовсе гениальной, пока не родила шестерню. Тогда сразу стала идиоткой...

— Перестань, — попросил Валентин, перейдя на «ты». Квай не за- служивал «выканья». Нашел время травить байки!

Заложило уши. Дирижабль шел вниз, а герметичность пассажирской гондолы оставляла желать лучшего. Внизу медленно проступало что-то, похожее на ландшафт.

— Клоака Сатаны справа по борту! — радостно возвестил какой-то туземец.

Валентина уже мало интересовал вулкан, да и Квая, кажется, тоже. Мучительно хотелось погрузиться в бассейн или хотя бы упасть в мягкие объятия гель-кровати и провести в блаженстве сутки, не меньше. Пусть даже местные, уполовиненные.

Неудобство профессии дипломата в том, что нельзя терять лицо. Никогда. Ни перед сильным противником, ни тем более перед слабым. Пришлось глядеть в иллюминатор, старательно изображая заинтересованность.

Сквозь мутную пелену действительно было кое-что видно. Дирижабль обходил вулкан по большой дуге, держась вровень с гребнем слабо курящегося кратера. На восточном склоне тоже поднимались дымы — то ли из трещин, то ли от недавних лавовых потоков. И конечно же, конус вулкана был серым, как почти все объекты этой паршивейшей из планет, живые или неживые.

Серость и адская усталость, усталость и серость. Еще время от времени смертельные опасности и происки тех, для кого Дно — дом родной. Ну чем не каторга?

Только одним: старательно демонстрируемыми признаками уважения к персоне гостя.

Что выглядело натуральной издевкой.

Дирижабль продолжал снижаться, и туземцы на борту веселились, как дети. Галдели, размахивали ручонками, чуть не бегали по салону вприпрыжку. У них явно не было никакой грыжи, ни межпозвоночной, ни пупочной, ни паховой. А мозговой грыжи, по мнению Валентина, у них не могло быть в принципе, поскольку для нее надо, как минимум, иметь мозг. У этих же черт знает что, орган первобытной хитрости вместо думателя. Продукт эволюции. И черепные коробки у них маленькие...

Туземцы продолжали радоваться окончанию полета. И это — комиссия по расследованию, имеющему чрезвычайное значение для всей планеты?!

Приходилось верить: так оно и есть.

Вот-вот справа должна была открыться катапульта. И она открылась — тонкая, прилипшая к склону вулканического конуса, плавно изогнутая линия. Издалека, да еще сквозь атмосферную муть, она

смахивала на обыкновенный трубопровод. На фоне серой громады горы канал катапульты казался тоненьким и несерьезным. Вулкан доминировал, норovia изобразить маленьким и незначительным любое творение человеческих рук.

И все же человеческие дела были очень заметны.

— Мы поймали их, — тяжело дыша от натуги, зашептал на ухо Квай. — Глядите, сборочный цех, подъездные пути, электростанция, катапульта... даже будки электромагнитов видны. Я и не ожидал такого успеха... Теперь туземцам не отвертеться...

Впрочем, Квай, как немедленно выяснилось, не собирался впадать в беспочвенную эйфорию. Экономя мышление, он помнил о главном:

— Надо полагать, теперь основные события развернутся Вокруг Врат...

— Я принял меры, — сказал Валентин.

Глава 8. Дно — это Дно

Главного конструктора не пришлось долго разыскивать — он явился по первому требованию. Тощий туземец, ростом по грудь Валентину, долговязый по меркам донников, и жилистый, как все обитатели этой нестерпимо тяжелой планеты. Голос у него был противно-писклявый, а совести, похоже, и вовсе не было.

— Вы же видели катапульту! — пищал он. — Все расчеты были вам предоставлены. Нам нечего скрывать. Вы видели ракету. Скажите сами: может ли эта ракета выйти на высокую орбиту при данной мощности электростанции и таких двигателей? Если не знаете, то я вам отвечу: в лучшем случае поднимется на двести — триста километров. Я понимаю гостя с Терры: на его планете триста километров над поверхностью — это уже ближний космос, но я должен напомнить: мы находимся на Дне. Мы живем на этой планете и имеем дело с ее условиями. А условия таковы, что наш проект в принципе не может быть предназначен ни для чего иного, кроме задач метеорологии!..

Нахальный пискун изображал возмущение пополам с горькой обидой. Члены правительственной комиссии кивали и временами бросали на гостей с Терры укоризненные взгляды. Квай молча злился. Валентин же отодвинул злость как непродуктивную эмоцию и наслаждался спектаклем.

А когда прозвучали финальные аккорды насчет «прискорбного недоверия Терры к лояльным донникам» и в зале заседаний воцарилась гробовая тишина, Валентин встал. Он не пользовался экзоскелетом,

зная, что вытерпит какое-то время. Нормальной гелевой кровати для высокого гостя на объекте не нашлось, бассейна для отдохновения тоже. Ночь Валентин провел в ванне, впрочем, достаточно вместительной, снабженной подогревом и специальным захватом для головы, чтобы не утонуть во сне. Это было лучше, чем те тощие гелевые лежанки, которыми пользовались туземцы, и все же Валентин далеко не полностью восстановил силы. Но надо было показать туземным жуликам, кто чего стоит.

Болела шея, тупо ныл крестец, а мышцы ног, казалось, вот-вот сведет мучительной судорогой. Плевать!.. Валентин ощущал веселую злость. Результат стоил того, чтобы потерпеть. Грязных липицупов ожидал полный и неминуемый разгром.

Начав подчеркнуто вежливо, выразив удовлетворение растущим товарооборотом между Террой и Дном и заверив присутствующих, что Терра ни в коем случае не намерена вмешиваться в дела донников, касающиеся только Дна, Валентин нанес удар.

— ...тем не менее правительство Терры, которое я здесь представляю, весьма обеспокоено ракетной программой консорциума «Чистое небо». Только что нам было заявлено, что мы своевременно получили всю информацию о проекте. С глубочайшим сожалением я вынужден констатировать, что это не так. Информацию, причем далеко не полную, а кое в каких весьма существенных деталях не отвечающую действительности, мы получили лишь после того, как схватили вас за руку. Терра готова поверить, что это произошло по недосмотру. Терра также готова поверить, что в сообщенных ей фальсифицированных данных нет прямой вины правительства... — Валентин набрал в грудь воздуха, готовясь продолжать.

— Это возмутительно! — тонкой фистулой возопил главный конструктор. — О какой фальсификации идет речь?

— Охотно отвечу. — Валентин переждал краткий приступ дурноты и перевел дух. — Мощность электростанции, предназначенной для питания электромагнитов катапульты, занижена. У вас в резерве два генератора — один якобы остановлен на ремонт, другой простаивает по непонятной причине. Имеются энергонакопители. В случае необходимости мощность электростанции может быть повышена процентов на пятьдесят, а кратковременно — вдвое. Удивительное совпадение: обмотка электромагнитов катапульты позволяет пропустить по ним вдвое больший ток, чем у вас указано. Кто-то полагает, что на Терре не знают основ электротехники? И наконец, диаметр канала катапульты не соответствует диаметру продемонстрированной нам

ракеты. Я был бы крайне признателен, если бы вы сообщили мне прямо сейчас: где вы прячете первую ступень ракеты-носителя с разгонными ускорителями? Не в том ли цехе, который нам не удалось осмотреть из-за якобы случившейся в нем аварии? Кстати, что у вас там разлилось — топливо, окислитель?

— Окислитель, но...

— Окислитель на сборочном производстве! Гениально! У вас везде дело так поставлено?

— Вот видите! — просиял главный конструктор. — Вы знаете, как надо поставить дело, а мы не знаем. Откуда нам знать? Дело для нас новое, неизученное, бредем ощупью впотьмах... — Подлец заведомо валял дурака.

— А где ваш нуль-передатчик? Точнее, не ваш, а наш, украденный?

Туземец не ответил — начал задыхаться. Дергал щекой и челюстью, судорожно глотал, хватался за сердце, из серого стремительно делался синим. Многие повскакивали, зашумели. Кликнули медиков. Квай глазами показал Валентину: так, мол, их, браво!

Медики, очень похожие на серых ворон, увезли главного конструктора на урчащей механической каталке. Валентин предложил собрать закрытое заседание комиссии через час. Голосование по предложению было чистой проформой: Валентин видел, что одерживает верх. Этот час был нужен ему, чтобы отдохнуть в ванне.

Квай отдыхать не стал — торчал возле ванны в экзоскелете, даже приплясывал немного, ухмылялся и болтал:

— Теперь они попались, и главное, они это знают... Браво, шеф, браво. И не стоит тревожиться о провале агентуры, у здешней контрразведки ни опыта, ни смекалки. Если кого и поймают, нам-то что? Слава богу, мы-то не нелегалы какие-нибудь. Так их, шеф. Давить и давить. Лис сам прикажет остановить все работы...

Валентин внимал. Да, он показал, что знает гораздо больше, чем предполагали туземцы, — откуда, спрашивается? Но так было надо. А насчет агентуры... Валентину не было до нее дела, кроме, пожалуй, Астры. Прочие же продажные человечиски — если только можно назвать донника человеком или хотя бы человечиской — не стоили внимания. Будут они богаты или бедны, свободны или нет, будут и дальше гнить на Дне живьем или станут гнить в местной почве в виде трупов — какая разница?

Давить членов комиссии приходилось, к сожалению, только фактами и логикой. И Валентин не был настроен так уж радужно.

— Второй случай симуляции за последние дни, — лениво сказал он. — Туземцы повторяются. Когда они поймут, что этот метод с нами не работает — а я думаю, что они это уже поняли, — то перейдут к новой тактике. Наверное, хором «включат дурака». У них к этому природные способности. Хочешь пари?

— Не хочу, — засмеялся Квай. — Не люблю проигрывать.

«Кажется, я становлюсь провидцем», — подумал Валентин, когда комиссия вновь собралась и председатель предложил каждому высказаться по сути дела. Члены комиссии по очереди брали слово. Один за другим, простодушно моргая, они сообщили, что плохо понимают, зачем их, собственно говоря, сюда привезли, вырвав из семейного уюта: ведь каждому понятно, что метеорологические ракеты — дело нужное, поскольку в отдаленной перспективе оно, возможно, сулит хоть какое-нибудь управление погодой, а то ведь житья нет от этих ураганов. Избыточность мощности ракеты и катапульты? Возможно. Но что в этом плохого? Страховка от разных случайностей, на которые так щедра планета, и не более. Дно — это Дно. А если никаких случайностей не произойдет, то ракета заберется повыше, только и всего. Наверное, так надо, метеорологам виднее. «Чистому небу» можно доверять...

Расчетам они не верили, согласившись, впрочем, передать их для изучения лучшим специалистам по баллистике. О нуль-передатчике слыхом не слыхивали. Один вообще не понимал, о чем идет речь, спрашивал, что такое орбита, и был потрясен, узнав, что планета, окazyвается, имеет форму шара. Другой бубнил, что государство не должно вмешиваться в частную инициативу, это подрывает основы. Лишь трое высказали осторожное сомнение и предложили продлить работу комиссии вплоть до сезона ураганов.

— Чтобы застрять здесь на полгода? — осведомились несколько возмущенных голосов.

— Нет, но...

— Что значит но? Застрянем ведь! Я тебя знаю, ты от жены готов удрать куда угодно, а остальные тут при чем?

— Кто, я готов удрать от жены? Сам ты кобель! Кобель и дурак!..

Карлики разом вскочили, как подброшенные. Даже не верилось, что Дно — тяжеленная планета. Кто-то кого-то тряс за грудки, кто-то прилаживался направить кому-то в ухо жилистый кулачок. Вопили все. Председатель сломал о столешницу деревянный молоток и запустил обломками в чью-то морду. Еще чуть-чуть, и дело обернулось бы общим побоищем.

— Молчать! — во всю силу легких гаркнул Валентин.

Нет, что за прелесть родиться и провести почти всю жизнь на нормальной планете! Объем легких у посланца Терры был что надо, голосовые связки — в полной исправности, так что в зале, казалось, лопнула акустическая бомба. Точно так же кричал Исиро Томита, командир Молниеносной эскадры, выводя свой потрепанный эсминец на курс сближения с неприятельским флагманом. И потомок не подвел предка.

Тишина не наступила — она просто рухнула. Даже Квай, присев, ковырял в ухе. А туземцы просто окаменели, разинув рты. Жидкие волосенки на черепе председателя комиссии стояли дыбом.

— Теперь послушайте меня, — сказал Валентин. Был только один метод общения с этими увертливыми придурками: решительно брать быка за рога, и к черту всякий политес! — Консорциум «Чистое небо» готовит космический запуск, и вы прекрасно это знаете. Сейчас, не выходя из этой комнаты, вы составите заключение, я вам его продиктую. Оно будет таким, чтобы у правительства не осталось выбора: катапульту разобрать, постройки демонтировать, все изготовленные ракеты уничтожить, электростанцию взорвать. В противном случае Терра примет меры, это я обещаю. Торговое эмбарго — самое меньшее, чего вы можете ожидать. Вероятны и более жесткие действия. Как минимум, у вас не будет наших технологий. У вас не будет гелкоконов, а с мечтой об антигравитаторах и еще о многом вы можете проститься навеки. Вы лишитесь перспективы. Неужели вы всерьез думаете, что Терра не проживет без ваших алмазов?

Нет, они так не думали. Валентин понял, что победил. Теперь осталось лишь подсластить пилюлю, пообещав им толику личных благ, после чего приказать председателю взять лист бумаги — и пусть пишет. Под диктовку.

Глава 9. Второй раунд

— То ли вы знаете что-то такое, чего я не знаю, то ли вы просто везунчик, — разглагольствовал Леонардо Квай, блаженствуя в бассейне торгпредства бок о бок с Валентином. — Нас можно поздравить с успехом, и в первую очередь, конечно, вас. Если вы не против, я бы еще поработал под вашим руководством — в смысле, потом, когда кончится моя командировка... По правде говоря, я не очень понимаю, почему мы все еще живы. Видимо, туземцы все же отказались от своей затеи. Иначе они просто-напросто не выпустили бы нас с космодрома или устроили крушение дирижабля. Честное слово, на обратном пути

я постарел лет на десять — летел и дрожал. Очень даже просто: вынужденная посадка в горах, дирижабль поврежден, связи нет — не знаю, сколько бы мы продержались, но до прибытия спасателей не дожили бы, как пить дать...

— Значит, по-твоему, они отказались от космической программы? — не выходя из блаженной неги, лениво промолвил Валентин.

— Несомненно! "Струхнули. Правительство наверняка вот-вот примет решение. Может, как раз сейчас принимает, проформа. Что такое их правительство? Как и везде: высокооплачиваемые наемники крупных корпораций на временной работе. Думаю, мы сделали свое дело. В смысле, вы сделали.

— Я отмечу в докладе руководству твою роль, — пообещал Валентин. Он был настроен благодушно. Квай прав: дело сделано. Скоро этот факт станет очевиден всем, и тогда — прощай Дно. Всплыть со Дна — и на Терру! Туда, где нормальная тяжесть и воздух не похож на кисель. К привычной жизни и привычному кругу общения. К заслуженной награде за выполненную миссию. К Вивьен. Будь проклято Дно со всеми его пакостями — тут некогда было даже вспомнить о невесте!

Скоро все изменится. Перестанут болеть мышцы и суставы. Исчезнут страшные мешки под глазами, разглядятся ненормальные складки, вновь подтянется оплывшее книзу лицо. И все будет хорошо.

Надо только не давать Лису извернуться, надо продолжать давить на туземцев до самого начала сезона ураганов. Ни в коем случае не ослаблять давление. Что ж, ждать осталось недолго. Если донники не демонтируют свою катапульту, то за них это сделает ветер. Валентин представил себе плотную среду, несущуюся со скоростью пассажирского вагона, и внутренне содрогнулся. Ничто не устоит. В смысле, туземные дома выдержат, они рассчитаны на такие нагрузки, и зданию торгпредства ничего не сделается, а катапульту снесет. В крайнем случае — сильно повредит, что, по сути, одно и то же. Никто не посмеет сказать, что миссия не выполнена, поскольку на сей раз донникам, при всем их первобытном упрямстве, придется забросить дурацкую затею.

Минувшей ночью он сладко спал, уже привыкнув к укороченным вдвое местным суткам. Теперь они казались нормой, и Валентин рассудил, что, по максимуму обеспечив человека всевозможными удобствами, Дно все же расщедрилось на маленькое удобство: чем сильнее выматываешься, тем чаще надо отдыхать. Пусть даже отдых здесь понятие весьма относительное.

Хорошо в бассейне! На Дне во всяком бассейне хорошо, а уж ежели он просторен, ежели заполнен теплой водой с солями и ионами,

а в углу оборудована гидромассажная ниша и на бортике стоят бокалы прекрасного вина с Терры, то желающий чего-то ещё — неисправимый привередник. Валентин блаженствовал, и блаженство усиливалось с каждым выпитым бокалом.

Он слушал Квая, а мысли текли своим чередом. Как все-таки хорошо расслабиться и позволить себе добрый глоток после хорошо сделанной работы! Удивительно. Человек проник черт знает в какие тайны микро- и макромира, освоил треть Галактики, научился получать ответы едва ли не раньше, чем задавать вопросы, а его организм в основе своей все тот же. Как хорошо!..

Но гут пришел охранник и доложил: к господину третьему секретарю просится туземка. Валентин поморгал и кивнул. Астра?

И она явилась, решительная, с упрямо поджатыми губами, вовсе не склонная благоденствовать. Явившись, без слов принялась раздеваться.

— Я ухожу, — объявил Квай. Даже не сослался на неотложные дела. Что он подумал о своем начальнике?

Квай еще с натугой вылезал из бассейна, когда Астра стремительно вонзилась в воду. На этот раз у нее даже вышло что-то вроде полета, хотя и весьма краткого.

— Отдыхаешь? — спросила она, вынырнув у бортика рядом с Валентином. — Пьешь? Мне можно?

— Можно. — Валентин снизошел до того, что сам поднес ей бокал.

Вино ей не понравилось, и она поставила недопитый бокал на бортик. Странные вкусы у донников. А эта ведь не просто донница, еще и водянка...

— Если тебе нравится, когда тебя обманывают, тогда, конечно, отдыхай, — заявила Астра.

— А меня обманывают? — иронически спросил Валентин.

— Это и ребенку понятно. Все бумаги подписаны. Правительство издает суровые указы: кого-то снять с должности, кого-то под суд, работы прекратить, катапульту демонтировать. Только ничего этого не будет сделано.

Хмель сразу выветрился из головы.

— Думаешь, осмелятся?

— Еще как осмелятся. И не думаю — знаю. У тебя нет контроля. Выход в космос развяжет правительству руки. Народ поддержит. Терра ведь не очень-то балует Дно, так? Теперь поздно делать подачки от господских щедрот, раньше надо было. Девять из десяти донников грезят о независимости, как будто независимость равнозначна благо-

действию. Они, конечно, обманутся, но это уже другой разговор. Твоя поездка ничего не изменила. Тебя и дальше будут водить за нос. Терра ведь не вмещается, так? У тебя нет надежных фактов.

— А у тебя они есть? — спросил Валентин.

— И у меня нет. Я не была на объекте, у меня нет допуска. Но я точно знаю: запуск назначен... — Она уставилась в потолок, шевеля губами и загибая пальцы. — Ровно через пятнадцать дней.

— Ты уверена?

— Абсолютно. То есть настолько, насколько вообще можно быть уверенной. Это ведь Дно, тут могут быть любые сюрпризы, так? Но если сюрпризов не будет, то через пятнадцать дней. Ты недооценил донников.

— Правда? — Валентин не пытался скрыть иронию.

— Ты еще сомневаешься? Думаешь, они глупые, так?

— Ладно, не думаю, — покривил душой Валентин.

— Думаешь, — отрезала Астри. — Продолжаешь думать. Поэтому если выиграешь, то не за счет себя, а за счет Дна. Твои агенты — да, не из самых умных. Даже я знаю троих... нет, четверых. По-твоему, их не знают те, кому положено, так?

— Полагаешь, через них Лис скармливает мне дезинформацию?

— Нет, — покачала головой Астри. — Теперь нет. Лично я думаю, что игра уже в другой фазе, так? Информация может быть неполной, фильтрованной, но она, как правило, качественная. Дело не в ней.

— А в чем же?

— Я думала, ты уже догадался, — с досадой сказала Астри. — И потом, я ведь тебе уже сказала, так? Проблема в невозможности контроля с твоей стороны. В недооценке донников. Ты и вправду хотел добиться отмены запуска легальным путем?

— Следовало попытаться, — ухмыльнулся Валентин, пытаясь держать удар.

— Твой предшественник тоже пытался, а завершить попытку ему не дали. Ему помешали даже не донники, хотя могли бы. Ему помешало само Дно, так?

Валентин молчаливо признал ее правоту. Хотелось разозлиться, но он знал, что злости всегда нужна узда. Выходит, Лис со всей его шайкой продолжили игру... Второй раунд, так сказать. И по-видимому, в полной уверенности, что первый остался за ними...

Ну да, они могут начать ленивый демонтаж второстепенных объектов и вывоз второстепенного оборудования, они будут клясться, что ни о какой космической программе уже нет и речи, они могут даже

инсценировать крупную аварию, и агентурные донесения будут в целом успокаивающими, — а в это время толстая сигара ракеты-носителя начнет путь из сборочного цеха к катапульте. И никто на свете уже не успеет вмешаться...

Надо было сразу начинать с диверсии!

Да, но кто бы смог ее осуществить? Агенты, которые известны даже Астре? Или другие, ей не известные, но которых наверняка знает невидимая, никак себя не проявляющая, но вряд ли спящая контрразведка Лиса?

Ну не глупо ли было думать, что контрразведчики донников совсем уж неумны и неумелы?! Что действительность такова, какой кажется?

Валентина охватил ужас. Для второго раунда у него не было ни плана, ни реальной силы. Все это еще предстояло разработать как можно скорее и с учетом новой вводной: противник хитер и неглуп. Счет пошел на дни.

Ох, трудно будет убедить Пегого Удава, что противник не только хитер, но и умен!.. А придется. Валентин поймал себя на том, что уже отшлифовывает убойные фразы для экстренной докладной. Как можно скорее отправить документ и поспешить следом. Доказывать — и доказать, черт побери! — что дешевая, по сути даже найдешевейшая имперская политика по отношению к Трону Аида изжила себя.

Одумаются? Не сразу. Но хотя бы отыщут завалявшуюся за подкладкой толику средств и обеспечат операцию. Не этого ли ждет Пегий Удав? Он получит ожидаемое.

Хотя побрызжит, конечно, что, мол, эмиссар не справился сам. Высокое начальство любит, когда подчиненные творят чудеса. Но чудес не бывает.

— Тебе нужна помощь, — подытожила Астра.

— Возможно, — осторожно ответил Валентин.

— Не возможно, а наверняка. Тебе нужна помощь Терры, так? А еще тебе нужна моя помощь. И это тоже наверняка.

— Возможно...

— У тебя заело, что ли? — полюбопытствовала Астра. — Возможно да возможно... Когда до тебя дойдет, поздно будет, так? Я тебе нужна. И поэтому я хочу поставить условия.

— Да? — Валентин иронически поднял бровь. — Я слушаю.

— Дональбайн обещал мне Терру, так? Как минимум вид на жительство. Не какую-нибудь другую планету, а именно Терру. И еще подъемные. Ты подтверждаешь это?

— Да, но лишь при успехе.

— Ясно, что не при провале. Ну так вот: мне мало твоего подтверждения. Мне нужно слетать на Терру и получить документ о гражданстве. Тогда я твоя, так?

Валентин налил себе еще вина и вразяжку выпил. Однако какой напор! Губа не дура у этой Астры. Впрочем, почему бы и нет? При неуспехе миссии и даже при успехе всегда можно не дать Астре перебраться на Терру. При контроле над Вратами это не проблема.

Приятно работать с наивными туземцами!

— А здесь тебя не хватятся?

— Я решу эту проблему.

— Тогда по рукам. — Валентин поставил бокал на парапет и правильно сделал: вместо делового рукопожатия Астра обвила руками его шею. Поцелуй был горячим и страстным. За поцелуем последовало и остальное. В голове промелькнула мысль о Вивьен и о том, что, пожалуй, ему не следует делать этого без санкции руководства, но в нем уже проснулся мужчина-дикарь.

В объятиях такой водянки кто угодно согласился бы стать водяным.

Глава 10. Посмертный киборг Марек

Отсидка в гравибарокамере оказалась более продолжительной, чем перед перемещением на Дно. Организм не любит, когда от резкого перепада давления в сосудах кипит кровь. Давление надо снижать постепенно, по всей водолазной науке. Одновременно гравитаторы медленно уменьшали силу тяжести. Очень медленно, потому что в барокамере человек должен спокойно сидеть или лежать, а не скакать козлом, ошалев от нахлынувшей вдруг необычайной легкости во всем теле.

Повертев, как и положено новичку, головой и не обнаружив ничего сногшибательного, уснула в соседнем ложементе Астра. Валентин не спал, шепотом ругая конструкторов. Гравитация понемногу уменьшалась, но дышать все еще было трудно. Казалось, что тяжесть Дна навсегда. Подумать только, вырвавшемуся в нормальный мир Дональбайну хотелось тягать штангу! Валентин поклялся себе, что не станет поднимать ничего тяжелее бутерброда и вообще отдохнет как следует. Пусть недолго, зато качественно. Как растение. Да здравствуют ботанические виды отдыха!

Но когда люк наконец открылся, Валентин не вышел — выпорхнул из барокамеры птичкой. Его удивило, что он не может взмахнуть руками, как крыльями, и полететь. А, ладно! Хорошо и так! Ведь с та-

кой упоительной легкостью в теле можно сколько угодно бегать и прыгать!

Оказалось, нельзя. Можно невзначай и шею сломать. У персонала был опыт работы с такими пациентами. Валентина взяли на старте, вкололи какую-то дрянь, отчего мышцы враз обмякли, и препроводили в стационар. С Астрой, тоже страстно желавшей летать или хотя бы прыгать, дюжим санитарам пришлось повозиться дольше, но они справились, хотя кое-кому пришлось обратиться за медпомощью. Валентин мог бы поклясться, что у водянки со Дна и в мыслях не было ничего дурного. Просто моторный рефлекс, а если мускулы что надо — не стой на пути. Или лови особо прочной сетью.

Хотелось бегать, а заставили лечь в кровать. Измерили рост — он оказался на четыре сантиметра меньше, чем был, и этот дефицит лучше всяких слов убедил Валентина лежать спокойно. Ну, хотя бы постараться. Дональбайну пришлось хуже: он прожил на Дне куда дольше. Интересно, на сколько сантиметров его сплющило Дно? Наверное, побольше, чем на четыре...

Это немного утешало. Всегда приятно сознавать, что кто-то несчастнее тебя.

Иногда позволялось встать, но не изображать акробата, а держать себя в руках, тренируя силу воли. Из зеркала на Валентина смотрела жуткая образина, ассоциирующаяся скорее не с лицом, а с оплывшим огарком или подгнившим овощем. Нет, о встрече с Вивьен нечего было и думать. Лучше всего вообще не сообщать ей о возвращении.

Чуть-чуть беспокоила интрижка с Астрой. Гораздо сильнее — судьба пространной докладной, отправленной еще со Дна. Валентин постарался сделать ее как можно более доказательной, но было ясно: Пегий Удав не обрадуется. Как минимум, продемонстрирует разочарование. Кой черт, сам бы попробовал добиться успеха с такими скудными средствами!

И все же душа радовалась. Встреча с родной Террой была как глоток чистого воздуха после долгого прозябания в душном подземелье. Даже вызов на ковер к Пегому Удаву не слишком портит настроение.

У Пегого Удава уже сидела Астра. Прорвалась-таки. Выглядела злой и ошестинившейся, но держала в руках свернутую трубочкой бумагу, причем так держала, что видно было: не отдаст, пока жива. Астра добилась своего. Причина ее воинственного вида тоже не вызывала сомнений: не столько Удав, сколько медики. Накинулись всей сворой на уникальный организм!

Пегий Удав выглядел как обычно — того и гляди набросится и задушит.

— Так-так, — пробурчал он, выслушав приветствие Валентина и выждав значительную паузу. — Не справился, значит?

— Я этого не говорил, — парировал Валентин.

— Но просишь помощи?

— Самой минимальной. Неудобство колониальной политики состоит в том, что нести расходы все-таки надо... особенно в критические моменты.

— Читал я твою докладную, — чуть-чуть смягчился Пегий Удав. — И вон ее слушал. — Кивок в сторону Астры. — А теперь скажи: какой помощи ты хочешь? Денег? Или гражданство еще для кого-нибудь?

— Денег, — сказал Валентин. — И техники. На туземцев надежды мало, и время упущено. Теперь все придется делать самому.

— Какой техники?

— Мне нужен флаер типа «Конкистадор» девятой модели с мимикрирующей обшивкой и плазменной пушкой, — сказал Валентин. — В разобранном виде во Врата он пролезет. Нужен техник для сборки, причем не дохляк, чтобы мог хотя бы день-другой продержаться на Дне. Остальное я перечислил в докладной.

— Хм, перечислил... — скривился Пегий Удав. — Я читал, что ты там перечислил. Порешь горячку, а? Не смог повернуть дело чужими руками, теперь хочешь своими? Знаешь, как это называется?

Валентин ждал такого вопроса.

— Это можно назвать истерикой на базе профессиональной непригодности, — холодно сказал он. — Можно, но не нужно, поскольку это не так. Вынужден повторить: мы крепко недооценили донников. Я это осознал. Не сразу, и жаль, что не сразу, но осознал.

— Ну, хоть в чем-то виноват, — проворчал Пегий Удав, и Валентин понял, что достиг цели. Высокое начальство признало: ни Дональбайн, ни Валентин сами по себе ничего бы не добились, и если бы проклятая ракета донников все же не смогла бы выйти в космос по любой из тысячи возможных причин, то вовсе не благодаря заслугам дипломатов Терры. Пегий Удав проникся: донники ведут игру — у этих убогих хватает наглости вести свою игру! — и на своем поле вполне могут выиграть. Можно поручить хоть десятку агентов совершить диверсию на стартовом комплексе, но как проконтролируешь результат? Никак.

Возможно, семерых из этой условной десятки контролирует контрразведка. А трое слишком глупы, чтобы учинить диверсию даже в прачечной, не то что на стартовом комплексе. Пропорции могут быть иными, но сути это не меняет.

Не уповать же на то, что природные силы Дна вмешаются и сами разрушат электромагнитную кишку, протянутую туземцами по склону Клоаки Сатаны! Известно: силы природы вмешиваются всегда некстати, а когда они нужны позарез, их нипочем не дозовешься. У законов подлости вселенский масштаб.

— Быть может, вы хотите сказать, что для выполнения поставленной задачи нужен диверсант, а не дипломат? — вкрадчиво произнес Пегий Удав, и «вы» вместо ставшего уже привычным «ты» ударило Валентина сильнее, чем ударил бы гнев начальства.

В горле сразу запершило. Валентин откашлялся, прежде чем ответить:

— Я справлюсь.

— Из вашего личного дела следует, что вы не проходили специальную подготовку, — продолжал «выкать» Пегий Удав. — Ту подготовку, какую проходят дипломаты, работающие на сложных планетах. Может быть, и вправду стоит поручить выполнение миссии кому-нибудь другому?

«Да за кого он меня принимает?» — возмутился Валентин и сейчас же показал, что у него есть школа:

— Прошу прощения, речь идет не о выполнении, а о завершении миссии. Практический курс спецподготовки для условий Дна малопригоден, а теоретический можно закачать через ментограф. Повторяю, я справлюсь. Разумеется, если получу ту малость, о которой прошу.

Пегий Удав хмурился. Сидел набычившись, недовольно морщил лоб, и пигментные пятна на лысом блестящем черепе выглядели зловеще. Впрочем, кто и когда видел первого вице-премьера по делам Лиги веселым? Удавы не умеют веселиться, так уж они устроены.

— Ты получишь больше, чем просишь, — сказал он наконец, и у Валентина отлегло с души. — На время операции я подчиню тебе Марека Бема. Слышал о таком? Он посмертный киборг. Его практический курс спецподготовки хоть где малопригодным не покажется...

Кто же не слышал о Мареке Беме! Широкою известность в узких кругах Марек получил еще тогда, когда Валентин просиживал штаны в Академии межзвездных отношений. Ас и виртуоз секретных операций! Но почему посмертный киборг? Он умер?

Хотя чему удивляться? Где опасность, там и трупы. Физическая смерть не падит порой и лучших. Хорошо, что это смерть лишь материальной оболочки. Надо думать, Марек обитает в механическом теле временно, пока ему не подберут или не вырастят новое тело.

— Буду рад оказать помощь, — раздался приятный баритон, и из-за кресла Астры выкатилось нечто. Больше всего оно походило на блестящий металлом бублик: метр в поперечнике, сантиметров сорок в высоту, два соосных воздушных винта внутри и восемь манипуляторов по окружности на манер паучьих ног. Впрочем, для передвижения киборг ими не пользовался. Ничего, хотя бы отдаленно напоминающего голову, у конструкции не наблюдалось.

Астра пронзительно взвизгнула и, подскочив, едва не пробила головой потолок кабинета. Дикарка, что с нее взять. Приземлившись, спряталась за опрокинутым креслом от страшного буки.

— Ну-ну, — проворчал Пегий Удав. — Не надо пугаться. Это человек, то есть информационная система, а носитель не имеет принципиального значения. Для данной операции мы взяли конструкцию, специально разработанную для тяжелых планет с плотными атмосферами.

Зашумели винты. Бублик слегка оторвался от пола и двинулся на воздушной подушке. Затем прибавил оборотов, взмыл и завис между полом и потолком. В кабинете стало ветренно.

— Ну хватит, хватит, опустишь, — велел Пегий Удав, и бублик, он же великий диверсант Марек Бем, мгновенно послушался. — Он уже третий день осваивается в новом теле. Ну как, Марек, освоился?

— Практически да. — Понять, каким местом бублик говорил, было невозможно. — Думаю, в условиях Дна я смогу не только летать, но и нести порядочный груз.

Однако!.. Валентин понял: его докладная сработала как надо, Удав сразу начал действовать. Старик-то еще ого-го! Хотя и досадно, что решил подстраховаться! Выходит, не доверяет...

— Польщен знакомством, — почтительно сказал Валентин в сторону бублика. — Однако я полагаю, что могу справиться и сам, если получу все, что перечислено в докладной...

Бублики не имеют плеч, но у Валентина сложилось впечатление, что Марек Бем молча пожал плечами.

— Дают — бери, — отрезал Пегий Удав. — Если покупаешь Диогена, приходится купить и бочку, иначе будет некомплект.

Валентин даже не сразу понял, что стал свидетелем небывалого явления: Удав сострил.

Глава 11. Второе погружение

Сухопутные твари Дна, выставленные в домашнем музее Лиса в виде чучел и скелетов, удивляли малыми размерами — и неспроста. Крупный зверь на суше не выжил бы. Длинный, как автобус, нелепый

вымерший слон динотерий непременно переломился бы пополам под собственным весом. О динозаврах и иных чудесах из далекого прошлого прародины человечества и говорить нечего. Верховые лошади на Дне невозможны. Верблюдам пришлось бы избавиться от горбов, чтобы облегчить нагрузку на хребет. Если бы на Дне водился тигр, он был бы размером с кошку и мяукал.

Одно лишь утешает при путешествии с Терры на Дно: отсидка в гравибарокамере непродолжительна. Зато наваливающаяся с каждой минутой тяжесть действует угнетающе. Особенно на того, кто уже знаком с Дном не понаслышке.

Хорошо Мареку Бему. Посмертный киборг не нуждался в адаптации к условиям Дна в камере и уже отбыл на Дно, чтобы адаптироваться на месте. У разумных механизмов свои преимущества.

Астра выглядела недовольной, сидела нахохлившись. Казалось бы, с чего? Добилась своего, получила вожделенную бумагу — и не радовалась. Почти не посмотрела Терру? Правильно, некогда было. Зато сполна ощутила, насколько восхитительна нормальная тяжесть, как раз та, на какую рассчитан человеческий организм, и как хорошо двигаться, когда вокруг нормальный воздух вместо невидимого киселя.

— Как тебе Терра? — спросил Валентин излишне громко, у него то и дело закладывало уши.

— Что? — У Астры была та же проблема.

— Я спрашиваю, как тебе понравилась Терра?

— Я видела звезды... Вообще-то ничего особенного. Но красиво.

— Согласен. А сама Терра?

— Ты думаешь, эта бумага действительно чего-то стоит? — В голосе Астры Валентин уловил озабоченность.

— Гражданство? — поинтересовался Валентин.

— Пока всего лишь вид на жительство.

— Безусловно, стоит, если наша миссия увенчается успехом.

— Это понятно. — Астра кивнула. — Кому я буду нужна на Терре, если у нас ничего не получится, так? Но кому я буду нужна на Терре, если у нас получится? Сейчас я нужна, потом — нет, так?

— Не так, — рассмеялся Валентин. — Понимаю твои сомнения, но ты не права. За все надо платить. Может быть, на Дне это не так, а?

— И на Дне так.

— Тогда тем более. Услуга подразумевает оплату. Ты выполняешь — Терра платит. Проще простого. Зачем нанимателю обманывать потерявшего ценность агента — чтобы лишиться доверия всей

агентуры? Чтобы максимально затруднить привлечение новых агентов? Глупо.

— Всегда ли так?

— Не всегда, — признал Валентин. Чувствовал: как ни наивна Астра, не следует рассказывать ей сказки. — Бывает... по-всякому. Но в твоём случае не будет никаких всякостей. Нет смысла. Подумай — поймешь.

— Я подумаю, — пообещала Астра.

— Скажи лучше, чем ты займешься, когда мы переправим тебя на Терру.

— Не знаю. И об этом я тоже подумаю... Возможно, я пригожусь как эксперт по Дну, так?

— Даже наверняка. Но я тебе советую заняться профессиональным спортом. В беге и прыжках тебе не будет равных. Прославишься на всю Терру и разбогатеешь.

— Правда?

— Ты еще сомневаешься? Я видел, как ты сиганула от Марека. На Терре никто так не может. А еще я видел тебя на Дне. Ты ведь не пользуешься экзоскелетом?

— Откуда у меня экзоскелет? Мне за полжизни на него не накопить...

— Теперь и не потребуется,

— Но сплю я все-таки в гель-кровати, — призналась Астра. — Иногда еще в ванне, так? Однажды забыла выключить подогрев, едва не сварилась... А скажи... на Терре я буду считаться красивой?

— На любителя, — не покривил душой Валентин. — Не сомневайся, любители найдутся.

— А ты? — прямо спросила Астра.

— На Терре ты на меня и смотреть не захочешь.

— Захочу.

— Поживем — увидим, — туманно пообещал Валентин. — Если поживем...

Неужели водянка влюбилась в него? Это уж и вовсе лишнее. Не начала бы болтать — там, на Терре... Он намерен жениться на Вивьен Лоусон, ему нужен этот брак, а в ее семье благопристойность — вроде идола. Лоусоны такие аристократы, что по сравнению с ними даже Прямухины выглядят плебеями, и как всякие аристократы они чопорны, в высшей степени респектабельны и категорически благопристойны. По их понятиям, пока молодой человек не стал женихом, он имеет право на многое, но пашни после обручения — более чем достаточная причина для разрыва, причем со скандалом...

Тут было над чем подумать. И когда тяжесть в гравитационной камере сравнялась с тяжестью Дна, то есть стала почти нестерпимой, когда зашипел в клапане воздух, окончательно выравнивая давление, Валентин принял решение ничего не менять. Пока. До времени. Там видно будет. Сначала работа, потом остальное. Если Астра окажется непонятливой, придется оставить ее на Дне. Такова жизнь.

Пройдя Врата, сердечно распрощались. Астра исчезла и растворилась в сером городе, а Валентин первым делом нашел Леонардо Квая.

— Что нового?

— Прибыл «Конкистадор», его собирают, — с готовностью доложил рыжий помощник. — Прибыл Марек Бем, летает по всему торговому предству, адаптируется. Туземцам мы его не показываем.

— Это правильно.

— Он сам на этом настоял.

— Тоже правильно. Туземцы по-прежнему околачиваются у ворот?

— Позавчера еще околачивались, — оживленно сообщил Квай. — С лозунгами: нечестно, мол, что Врата — собственность Терры, даешь свободную миграцию, долой акул межпланетного капитала и прочее единение пролетариев. О чем мы, понятно, сообщили местным властям. Те хоть бы хны. Шумно было. Я даже подумал, что будет штурм. Потом полиция все же вмешалась, когда толпа стала препятствовать проезду по улице...

— Интересно было бы посмотреть на ту полицию, — усмехнулся Валентин.

— А, ничего интересного. Подошли два хмыря с нарукавными повязками, поговорили с туземцами — те и разошлись.

— Мирно?

— Конечно. Это Дно, тут насилия почти не бывает. Полицейские им: чего, мол, стоите почем зря, грыжу наживаете? Вот и все.

— И оружием не пришлось грозить?

— У тех полицейских и дубинок-то не было, — сказал Квай. — Чего лишний груз таскать? А слово, оно ничего не весит. Надо просто знать, как разговаривать.

— Ты знаешь?

— Откуда? Я же не туземец.

Верно. Квай не был туземцем. Он считал дни, оставшиеся до возвращения, и, наверное, зачеркивал клеточки в календаре. Потому-то и был беспечен, по обыкновению экономя мышление. А Валентина информация настрожила.

При каком условии возбужденная орущая толпа безропотно подчинится всего-то двум небооруженным полицейским?

Только при одном: полицейские заодно с толпой, и толпа видит в них главарей.

Валентин пошел доложить торгпреду. Как обычно, тот лениво плавал в личном бассейне и сейчас же пригласил гостя присоединиться. Распространяя запах хорошего алкоголя, участливо спросил о делах. Не вдаваясь в подробности, Валентин ответил, что дела идут как нельзя лучше.

— Да вы залезайте, залезайте сюда, поплавайте. — Торгпред делал рукой приглашающие жесты. — Не хотите? Напрасно. А вы крепыш... Только, знаете ли, Дно любого крепыша ломает. Оно кого угодно ломает.

— И донников? — спросил Валентин.

— Они давно сломлены. Разве вы не видите? Хотите знать, что я думаю по поводу их стартового комплекса?

— Конечно, хочу.

— Бутафория. — Торгпред икнул. — Они очень стараются, но сами не верят в успех. Кому как не им знать, что такое Дно? С вероятностью в девяносто девять процентов у них ничего не выйдет, и они это прекрасно понимают. Вы спросите: а зачем же тогда они тратят на свою катапульту столько времени, сил и средств? Попробуйте-ка ответить сами.

Валентин пожал плечами.

— Если все так, как вы полагаете, то резон может быть лишь один: произвести впечатление на Терру, выторговать субсидии... Но вы в самом деле так думаете?

— Я знаю, что такое Дно, — засмеялся торгпред и, нечаянно перегрузившись, забулькал. Валентин покинул торгпреда в некотором сомнении. Вот и еще одна версия... Маловероятная? Скорее всего, да, но ведь торгпред верно сказал: Дна и донников лучше него никто не знает... Э! Теория теорией, а катапульта катапультной. Лишь после ее уничтожения теория станет практикой.

Уничтожить. Так решено, а значит, так и будет. Перекрыть донникам выход в космос. Изъять эту мечту у всех их потомков до двенадцатого колена. Накрепко заткнуть эту бутылку с джином и залить пробку сургучом.

Сколько там джинов из древней сказки сидел в бутылке — тысячу лет, кажется? Приемлемый срок.

Глава 12. Долететь и вернуться

Ночью здание начало тихонько подвывать. Нетрудно спроектировать и возвести массивный куб торгпредства без всяких окон, заменив их обзорными экранами, но избавиться от вентиляционных шахт го-

раздо сложнее. На столицу обрушился ветер. Навалившись, он стал напоминать водный поток за прорванной дамбой, он нес вырванные с корнем кусты и всякий хлам, перед ним нельзя было устоять, и столичные жители попрятались по своим конусообразным жилищам, лишь мотало туда-сюда чью-то заякоренную черепахоподобную машину перед фасадом торгпредства. Дробясь на бурные ручьи, поток заливал все щели, визжал и выл в автоматических заслонках вентиляционной системы, и стены дрожали мелкой дрожью.

— Это еще не ураган, — разъяснял Квай. — Это лишь предвестник, к утру стихнет. Перед сезоном ураганов бывают такие предвестники, иногда один, а порой и три-четыре. Беды от них нет, вот настоящие ураганы — те да. Куда мощнее.

Утешил называется.

— Значит, катапульту такой предвестник не разрушит? — спросил Марек.

— Вряд ли. Донники знают, как строить.

Мимо обзорного, во всю стену экрана пронесло в свете прожекторов дохлого птеродактиля. За ним, крутясь и хлопая дверью, пролетел какой-то сарай, взмыл в бурлящее небо и рассыпался. Поежившись, Валентин выключил экран.

— Стало быть, вылететь придется утром, — подытожил Марек.

По плану предполагался ночной вылет: меньше шансов, что заметят. Пусть лететь должен был один лишь посмертный киборг, пусть оболочка его бублика поглощала радиоволны и мимикрировала, но лишняя подстраховка не мешала.

Теперь предстояло обойтись без нее.

— Пожалуйста, изложите еще раз план действий, — попросил Валентин.

У него было ощущение, что знаменитый диверсант Марек Бем внутренне потешается над ним и его озабоченностью. Но школа есть школа: голос бублика-киборга был ровен и деловит.

— Я вылетаю, как только позволят погодные условия. Поскольку вылет, вероятно, состоится в светлое время суток, я свечкой набираю высоту и теряюсь в облаках, минимизируя шанс быть обнаруженным визуально. Остаются лишь радары туземцев, но и тут вероятность обнаружения минимальна. Набрав высоту, ложусь на курс. По прибытии провожу воздушную разведку в районе стартового комплекса и стратиграфическую съемку вулкана. И возвращаюсь на базу, проще говоря, сюда. Я должен принять все меры к тому, чтобы не дать противнику обнаружить себя. Это все.

— Вы уверены, что заряда бортовых батарей хватит для полета туда и обратно? — спросил Валентин.

На сей раз ему почудилась легкая ирония в ответе Марека. Или только почудилась?

— Даже с учетом массы подвесной аппаратуры заряда хватит для облета планеты по экватору.

— Что ж, прекрасно, — подытожил Валентин. — Будем ждать.

Если Марек внутри своего бублика и потешался над таким руководством, то никак не давал это понять.

— На вашем месте я бы еще раз протестировал всю аппаратуру, — сказал Валентин.

— Как раз этим я сейчас и занимаюсь, — небрежно ответил знаменитый диверсант. Проверить, врет он или нет, не представлялось возможным. Марек тестировал сам себя плюс навесную аппаратуру, какковую воспринимал как продолжение своего механического тела. Даже не стоило гадать, какие он при этом испытывал ощущения.

Валентин решил, что будет психологически неверно залечь сейчас в гель-кровать или нырнуть в бассейн. Он позволил это сделать Кваю, но тот решил изображать стойка. И они оба дотерпели в креслах до рассвета. Ураган, или точнее предвестник урагана, заметно стих. По улицам уже не летали ни кусты, ни постройки. Черепаховидная машина куда-то делась: то ли с утра пораньше на ней уехал хозяин, то ли ночью ее сорвало с якоря. Марек по очереди распрямил и согнул каждую из восьми паучьих лап.

— Пора.

— Удачи, — искренне пожелал Валентин.

С легким шелестом бублик оторвался от пола и завис.

— Пожелайте мне чего-нибудь другого, — сказал он. — Перед заданием, где меня убили, мне как раз желали удачи. Не надо.

— Тогда просто: долететь и вернуться.

— Годится.

Во внутренний дворик торгпредства ветер нанес всякой дряни. Пропустив вперед Марека, Валентин остался на пороге. Он видел, как зависший над мусором бублик утратил металлический блеск, как его очертания сделались зыбкими, как спустя секунду и вовсе не осталось никаких очертаний, лишь дрожание воздуха, словно над нагретым камнем, и как это дрожание взмыло вверх. Суток через пять-шесть Марек должен вернуться... Валентин почувствовал, что адски устал. Спать, спать... Когда Марек вернется, все станет куда проще. «Конкистадор» девятой модели махнет до цели по суборбитальной траектории и будет на месте через час.

Возможно, надо было и разведку выполнить с флаера, а не посылать тихоходного Марек. Он, конечно, с большей вероятностью останется незамеченным, но время, время... А ну как туземцы успеют запустить свою ракету?

Не должны успеть. По всем прикидкам не должны... Ну а вдруг? Бывают в жизни добрые чудеса, но случаются и злые.

На Терре эта мысль спать не давала бы. Но здесь Валентин уснул сразу, как только рухнул в гель-кровать.

Потянулись дни ожидания. С утра до вечера Валентин отмокал в бассейне — отращивал жабры, как, пьяно гыгыкнув, выразился торгпред. Агентуру не тревожил. Наметил день решающей операции и мысленно зачеркивал клеточки в воображаемом календаре.

Не хватало только делать это въявь!

Марек вернулся на день позже расчетного. Валентин изнервничался. Тем радостнее он встретил летающий бублик и жалел, что не может предложить гению тайных операций бассейн и бокал хорошего вина.

— Как впечатления? — спросил он.

— Скучно, — ответил Марек. — Воздух плотный, полет медленный. Если бы не шторм на обратном пути, то и вспомнить было бы нечего.

— А... задание?

— Выполнено полностью. Можно скачивать.

Информацию скачали. Валентин всмотрелся в трехмерную прозрачную модель Клоаки Сатаны и не подпрыгнул от радости лишь потому, что прыгать на Дне никому не захочется.

— Вот тут... Леонардо, видишь? Что это, по-твоему?

Морща лоб, Квай соображал.

— Э-э... магматический очаг?

— Точно. Подповерхностный и довольно неплохой. Главное, как раз под западным валом. Марек, вам видно?

— Это уже не мое дело, — равнодушно проговорил бублик.

Он был умен — и прав, предполагая, что Валентин предпочтет обойтись без него на завершающем этапе. Он знал людей. Такие, как Валентин Прямухин, ни с кем не делятся успехом — в лучшем случае отщипывают крохи. Что ж, крохами удовлетворится Квай, а Марек Бем отбудет на Терру, где ему без спешки выращивают из ствольных клеток новое тело — настоящее биологическое, а не бублик с пропеллером.

— Что ж, как вам будет угодно. — Неопытный слушатель не уловил бы радости в голосе Валентина. — В любом случае, спасибо. Вас точно не засекали?

— Смотря кто. Местные птеродактили интересовались. Пришлось их разочаровать.

Валентин не стал спрашивать, какое оружие вмонтировали конструкторы в тело посмертного киборга. Возможно, Марек и не ответил бы.

— М-м... а туземцы?

— С вероятностью девяносто девять и девять — нет.

— Вот и хорошо. Главное, теперь можно обойтись без лучевой пушки... Какой роскошный очаг, а? Одну ракету с гравитонной головкой вот сюда... или вот сюда... и кончено дело. Никто не обвинит Терру в диверсии. — Валентин сиял. Сиял и Квай, но не столь ярко: подозревал, что начальство еще втянет его в неприятности. — Смоделируем, подсчитаем, куда лучше ее направить. Флаер потянет нас двоих и ракету, а?

— Не знаю. — Улыбка Квай погасла, как выключенная.

— Боишься? Еще как потянет. На всякий случай мне понадобится второй пилот.

Валентину почудилось, что Квай тихонько вздохнул. Наверное, так и было.

— Вы когда-нибудь видели действие гравитонного оружия? — спросил Марек.

— Лично — нет, — сознался Валентин. — Но имею представление.

Теперь ему показалось, что вздохнул великий диверсант.

— Я был на борту «Отчаянного», когда он всадил гравитонную ракету в крейсер Унии, — негромко сказал Марек. — Неважно, где и когда это случилось. Просто пограничный инцидент. Вы представляете себе, что такое космический крейсер вообще и крейсер Унии в особенности? После попадания эта громадина попросту обрушилась внутрь себя, а «Отчаянный» испытал такое приливное воздействие, что сам едва не развалился на куски. До сих пор помню, как трещала обшивка. Учтите это. У вас боеголовка меньшей мощности, но все же советую пускать ракету с большой дистанции. И немедленно уносить ноги.

— Кто же захочет висеть над действующим вулканом? — рассмеялся Валентин. — Мы ведь не вулканологи.

Глава 13. Игра всерьез

В день вылета Валентину передали записку: «Они знают о флаере».

Подпись отсутствовала, дубина-охранник божился, что получил записку от какого-то мальчишки, но было ясно: писала Астра.

На этот раз она не пришла сама. Что бы это значило? Почуяла опасность и не собирается рисковать? Вероятно. Ставка в игре для нее велика: эмиграция на Терру!

— Судя по всему, Лис догадывается о наших планах, — сказал Валентин, созвав летучее совещание. — Не понимаю только, каким образом туземцы рассчитывают заполучить документированные подтверждения нашего вмешательства. У «Конкистадора» мимикрирующая и радиопоглощающая обшивка, глазом его не увидеть. Радар? Есть небольшая вероятность, хотя мало ли что может возникнуть на экране, особенно на такой планете. Они надеются нам помешать? Тогда мы должны знать — как? Думайте.

— Никак, — сразу сказал Квай.

— А средства ПВО?

— Все равно никак. Если бы мы нацеливались на катапульту, электростанцию или сборочный цех — тогда да. Эти объекты можно попытаться прикрыть. Но мы собираемся бить по вулкану, причем будем, по всей видимости, скрыты от наблюдения его западным валом. У них нет шансов.

Валентин и сам так думал. Но оставался еще Марек Бем, собаку съевший на тайных операциях.

Бублик некоторое время молчал. У Валентина сложилось впечатление, что знаменитый диверсант нарочно придерживает ответ, словно учитель, позволяющий ученикам-несмышленишам додуматься самим.

— На улице перед торгпредством по-прежнему пусто? — спросил он, не дождавшись от несмышленишней ответа.

— Я посмотрю. — Квай вышел и вернулся озабоченный. — Стоят... Плакаты держат: мол, Терра нашу кровь сосет. Толпа не толпа, но народец есть...

— Это первое, — сказал Марек. — А вот второе. На этой планете «Конкистадор» может залезть в субкосмос?

— Ну, только если очень «суб», — ответил Валентин.

— Правильно. Но запущенная с его борта небольшая ракета может выйти на высокую орбиту? Особенно если снять с нее тяжелую боеголовку и заменить ее другой, легкой, с нуль-передатчиком?

Валентин хлопнул себя по лбу.

— Они знали, что мы решим использовать флаер! Они догадались! Для того в прошлый раз и согнали толпу — демонстрировать готовность к штурму торгпредства... Поэтому дело тогда и кончилось пшиком, чтобы мы расслабились! Между прочим, мы это и сделали. Заня-

ты другим, на толпу плюем, охрана скучает, и тут следуют внезапное нападение и захват флаера... Ну, Лис... Но они не успеют!

Теперь все детали головоломки стали на свои места. Замысел противника был рискован, но, учитывая его незавидное положение, блестящ. Он сулил донникам шанс. Валентин понял, что противник просчитал его шаги. Флаер... «Конкистадор» девятой модели... Стартовый комплекс у Клоаки Сатаны, немаленькие и недешевенькие сооружения, бездна денег и труда — все это могло и не понадобиться. Выйдет ли в космос запущенная из катапульты ракета — бабка надвое сказала. Зато малая ракета, запущенная из высшей точки баллистической траектории флаера, легко выйдет за границу радиационных поясов. И если прямо сейчас начнется штурм торгпредства...

Да. Если прямо сейчас. Если будут подтянуты силы — серьезные силы, не демонстранты. Если Лис решится бросить эти силы на бластеры охранников. Если штурм окажется успешным. Если туземцы захватят не только исправный флаер, но и Врата, не допустив прибытия подкрепления с Терры...

Черта с два. Они не получают флаер. Разве что его обломки — уж об этом Валентин позаботится! Хотя и в этом случае Лис выиграет раунд, на время обезопасив катапульту... Как ни крути, он окажется в выигрыше. Нет, надо лететь, и чем скорее, тем лучше. Скорость решает все. Игра пошла ва-банк. Если штурм торгпредства состоится после отлета «Конкистадора», он не даст туземцам ничего. Просто бандитское нападение, не предотвращенное властями. Терра отреагирует. В этом мире слабым не позволено глумиться над сильными. Правительство Лиса падет, уж это Пегий Удав обеспечит. А новое правительство будет всюю демонстрировать лояльность, хотя бы первые годы...

— Флаер готов, — скучным голосом доложил Квай.

— Прекрасно. Вылет через десять минут. Проверь аварийный комплект.

— Я хочу лететь, — внезапно подал голос Марек.

— Зачем? — спросил Валентин.

— Вам может понадобиться помощь.

— Не думаю, что она нам понадобится.

— В самый неподходящий момент вы убедитесь в обратном.

— Неподходящих моментов не должно быть. И не будет.

Всякого другого ему удалось бы отбрызнуть подобным манером. Но не Марек Бема. Посмертный киборг не шевельнулся и не изменил тембр голоса, и все же Валентину почудилось, что Марек пытается учить его, как опытный наставник учит дошколят. Наверное, так оно и было.

— Мне пятьдесят лет. В восемнадцать я получил и выполнил мое первое задание. С тех пор я только и делал, что получал и выполнял задания. За тридцать два года их было выполнено... довольно много. Я завалил лишь одно — то, на котором было убито мое тело. В целом, великолепная статистика. А секрет ее прост: я никогда, вы слышите, никогда не упустил возможности подстраховаться. Начальство любит, когда по его велению подчиненные из кожи лезут и творят чудеса. Но еще больше оно любит стабильность результатов, когда они есть.

Валентин закусил губу. Этот чертов бублик видел его насквозь!

— Но кабина двухместная...

— Есть еще грузовой отсек. Я могу подключиться оттуда к обзорным экранам.

— А перегруз?

— Допустимый. Я подсчитал.

— А если все же возникнут проблемы?

— Тогда вы меня катапультируете, и я возвращаюсь самостоятельно. — У Марека на все имелся ответ.

И в его словах был резон. В конце концов, главное — успех. Ради него можно отщипнуть другим несколько листиков из лаврового венка. Все равно львиная доля достанется руководителю операции, а кто руководитель? Ведь не Марека же.

И даже если тот действует по инструкциям, полученным от Пегого Удава, если Пегий Удав считает Марека истинным руководителем, а Валентина лишь номинальным, это не сильно меняет дело. Номинальных награждают — вынуждены награждать! А щелчок по самолюбию можно и стерпеть, если он не замечен посторонним.

— Хорошо, — распорядился Валентин. — Вылетаем через пять минут.

Оставшись один, он покинул экзоскелет и, стиснув зубы, проковылял к зеркалу. Ну и рожа... Но скоро этому конец. Будет нормальное лицо, будет выполненное задание, будут благословенная Терра, заслуженное повышение, карьера, положение в высшем обществе, Вивьен... И не будет больше никогда этого поганого Дна! Во веки веков! Аминь.

Мимикрирующая обшивка флаера справлялась со своим делом — если бы не включенные огни, Валентин не сразу обнаружил бы воздушное судно во внутреннем двореке. На душе сразу стало легче. Вот глупость, подумал он, занимая место пилота. Засекут старт туземцы, не засекут — разницы нет. У них не будет неопровержимых доказательств, а главное, они никогда не посмеют их предъявить.

Дрожишь? — спросил он Квая, распластавшегося во втором кресле.

— На тот свет не рвусь...

— Вид у тебя мученический.

— Это пройдет, — вздохнул Квай. — А вы хорошо управляете флаером?

— Студентом в гонках участвовал, иногда побеждал. Аты?

— Умею.

— И то ладно. Запускаю тестинг...

— В порядке, — донесся голос Марека. — Тесты я уже прогнал.

— Тогда взлетаем.

Вертикальный подъем на антиграве не доставил хлопот, лишь, как всегда, мешала тяжесть. Стандартные «Конкистадоры» предназначались для порядочных планет и не оснащались кабинными гравитаторами. Адаптивные кресла были удобны, а все-таки не то... Валентин знал, что после включения маршевых двигателей придется куда как хуже. Надо вытерпеть... Он переключился на cerebroуправление, и «Конкистадор» стал продолжением его тела. Вверх, вверх... Когда включатся маршевые, вряд ли удастся шевельнуть хотя бы пальцем, а лицо, наверное, стечет на загривок... Еще выше... Поглубже уйти в облака и уже тогда начать баллистический прыжок... Пора?.. Пора.

Теперь мозг флаера, впитав память Валентина, знал о Дне все, что ему следовало знать. Валентин дал команду на прыжок — и началась пытка.

Что по сравнению с ней мучительное прямохождение без экзоскелета? Легкая неприятность, о которой на людях и упомянуть-то стыдно, как о порезанном пальце. Со всей мощью флаер рвался вверх, и Валентин, задыхаясь, считал мгновения, долгие, как часы, а минуты казались неделями. «Я выдержу», — твердил он про себя, а в багровых кругах перед глазами возникали то лицо Вивьен, казавшееся теперь несколько не привлекательным, то торжествующая водянка Астра с видом на жительство, то лысина Пегого Удава, а то Лис с его невероятными скелетами невиданных зверей и еще более невероятными алмазами. Потом остались только алмазы. Они были разных цветов, как краски на палитре, и нестерпимо блестели — глаза ломило от блеска. И Валентин, пытаясь зажмуриться еще крепче, уже не понимал, что блеск и ломота происходят оттого, что перегрузка все глубже вдавливает в череп глазные яблоки...

Он даже не сразу обрадовался, когда все кончилось. Потребовалось время, чтобы понять, где он находится и зачем. И откуда вдруг взялась такая легкость. И что жизнь все-таки прекрасна.

Самое главное было не думать, что впереди еще торможение с неизбежными перегрузками. И что предстоит еще и обратный путь. Выполнить задание — вот главное. Разнести к чертям конус Клоаки Сатаны вместе с проклятой туземной катапультой и надолго обеспечить лояльность туземцев, а вынужденная она или не вынужденная — неважно...

— Марек, — слабым голосом позвал Валентин, опасаясь худшего. Пусть посмертный киборг скорее конструкция, чем живое существо, но за потерю такой конструкции на Терре по головке не погладят. — Марек, вы целы?

— В порядке. — Донесся смешок. — Дно создано не для людей, но ведь я-то не человек. Хотите возьму управление?

— Спасибо, справлюсь. — Валентин повернул голову к Кваю. Тот сидел истуканом, глядя прямо перед собой, и лишь тихо шипел сквозь зубы да страдальчески морщился.

— Что с тобой?

— Есть такая болезнь, остеохондроз называется, — не повернув головы, голосом умирающего доложил Квай.

— Шейный?

— Все, какие есть.

— Терпи.

Квай вздохнул: мол, что еще остается. Флаер пробил последний облачный слой и летел в субкосмосе. Сквозь легкую дымку ионосферы сияли звезды, и косматое солнце освещало разбросанные по небу там и сям разнокалиберные серпики лун. Кривым ятаганом зависло над головой ближайшее кольцо. Все это поражало, но нисколько не радовало.

Хотелось на Терру. Очень.

Летели молча. Лишь Квай иногда пытался шевелиться и тихонько стонал.

— Сегодня же отправишься домой, — пообещал ему Валентин. — Выполним задание — и на Терру.

«Если доживу», — послышалось ему, но Квай молчал. Наверное, это был случай телепатии.

Глава 14. Не всплыть

Торможение сопровождалось меньшими перегрузками, чем разгон, но продолжалось дольше. В ответ на повторную просьбу Марека Валентин разрешил ему взять на себя управление. Так было надо: выжатые лимоны, как правило, плохо управляют техникой, даже умной. Выжатые лимоны вообще мало на что пригодны.

Кваю было легче — он отрубился.

И лишь когда флаер снизился до двадцати тысяч метров, погасил скорость и завис, чтобы мимикрирующая оболочка восстановила свои свойства, когда привычная тяжесть Дна показалась облегчением, Квай начал мычать и даже пробовать шевелиться. Автоматика заботливо сунула ему трубочку с тонизирующим напитком в разинутый рот. Квай начал булькать и ожил.

— Что?.. Уже?..

— Зря я тебя взял, — признался Валентин.

— Не, я что... Я ничего... Отключился, да?

— Держись. Может, понадобится. Конечно, вряд ли, но ведь это Дно...

— Понял, — высипел Квай. — Я ничего. Я держусь...

— Передать управление? — деловито спросил из грузового отсека Марек.

Теплая волна благодарности растеклась где-то в области живота. Валентин с удивлением понял, что впервые в жизни по-настоящему растроган. У него была настоящая команда, искренне готовые помочь ему люди... пусть даже один из них бублик. Ведь даже не попытался присвоить себе честь лично завершить операцию, а мог бы! Хотя, конечно, что такое еще одна операция для Марека Бема? Одной больше, одной меньше...

Все равно было чертовски приятно.

— Беру управление, — сказал он. И, помедлив, добавил: — Спасибо, Марек.

— Не за что.

Без cerebroуправления Валентин вряд ли бы справился. Двигаться не было ни охоты, ни, пожалуй, возможности. На экранах ничего, кроме белесой мути. Зато прямо в мозг флаер транслировал картинку с радара — рельеф с условными горизонталями. В правом верхнем углу линии свернулись в округлый бутон. Клоака Сатаны? Посмотрим...

Рамки картинки раздвинулись.

Да, она.

Проклятый вулкан, из-за которого начались все эти мучения... Если бы эта вершина торчала не близ экватора, а где-нибудь на полюсе, донники не стали бы строить катапульту на ее склоне. С их допотопной техникой у них все на пределе, они стараются выгадать каждую мелочь, чтобы запустить свой спутник с нуль-передатчиком, им позарез нужно приплюсовать к скорости ракеты-носителя скорость вращения планеты. И Дно, вырастив в подходя-

щем месте самый крупный на планете вулканический конус, идет им навстречу...

Им, а не всяким пришлым!

Это вопрос привычки. Планета уже начала привыкать к донникам. Как им от нее ни достается, но иногда каменный шар способен оказать маленькую любезность букашкам, копошащимся на его поверхности. Но только своим, привычным букашкам!

Вот ведь лезет в голову всякая ерунда! Надо кончать скорее — и домой.

Сначала в торгпредство. В бассейн, и не вылезать сутки.

Потом на Терру.

И впоследствии вспоминать Дно лишь изредка и только в разговорах с подчиненными, когда те вздумают жаловаться на трудности.

Он приказал флаеру снизиться до границы облачности и задал курс. Это просто работа, твердил он себе, зная, что на cerebroуправлении взвинченность пилота передается аппарату. Спокойно... Просто работа. Пусть не рутинная, но и не экстраординарная, не какой-нибудь отчаянный подвиг. Оставим подвиги туземцам. Напрасные подвиги, потому что ничего у них не выйдет... Терра не даст. Я не дам.

Над восточным склоном он вышел из облаков, завис и осмотрелся. Клоака Сатаны лежала перед ним — безобразный серый конус с безобразно раззявленным хайлом кратера под безобразно серым небом. Кратер лениво курился, дым сносило на юг. Вулканических бомб не наблюдалось, и ничто не могло помешать ракете достичь цели. Вулкан демонстрировал слабую активность.

Ничего, сейчас она перестанет быть слабой...

Дальше было просто: наметить взглядом точку на стенке кратера, куда должна пойти ракета, и она пойдет именно туда. Пустить — и уносить ноги. Вулкан сделает остальное.

Западный вал рухнет, и вместе с ним изогнется агонизирующим червем и провалится в тартарары проклятая катапульта туземцев. На месте вала откроется новый кратер, и лава пойдет вниз, сметая постройки стартового комплекса. По результатам моделирования это будет именно лавовый, а не пирокластический поток. Тем лучше: многие успеют убежать. Терре не нужны лишние жертвы. Терра хочет лишь прочистить донникам мозги, чтобы впредь туда не забирались ненужные мысли.

Несомненно, кто-то погибнет. Это неизбежно. Но ведь не силой же загоняли сюда донников местные власти! Любокой рабочий, техник, инженер, управленец, соглашаясь работать на дурацкую мечту о неза-

висимости, знал, на что шел. Знал — значит, должен был подумать о возможных издержках. А если не знал, то дурак, а дураков не жаль...

— Приготовились, — скомандовал Валентин. — Пускаю ракету, разворачиваюсь и даю полную тягу. Сразу идем на обратный прыжок. Потершим?

— Я постараюсь, — прохрипел Квай. Ему было худо.

— Марек, а вы?

— Мне-то что. Сами не отключитесь.

— Уж как-нибудь, — хохотнул Валентин. Его охватила веселая злость. — Даю отсчет: три, два, один... Пуск!

Флаер дернулся, выпустив ракету, и сейчас же крутанулся на месте, как кошка, ловящая себя за хвост. И пропал мир — потемнел и сгинул, остался лишь соленый вкус во рту. Непомерная тяжесть вдавила и расплющила. Из легких вышел воздух. Сердце дало сбой, затрепыхалось и то ли запустилось, то ли нет.

А потом флаер настигла гравитационная волна.

Когда Валентин очнулся, первой его эмоцией была радость: жив! Но сколь ни светла была эта радость, сквозь нее стремительно росла тревога. Что-то шло не так, а что именно не так, он понять не мог, и чем сильнее росло беспокойство, тем сильнее оно бесило, как зубная боль. Валентин поворочал головой туда-сюда. Квай был на месте — в отключке. Судя по всему, флаер вел по-смертный киборг.

— Марек... — позвал Валентин и не узнал своего голоса. Не бодрый баритон — стон безнадежного больного.

— Очнулись? — подал голос Марек Бем. — Долго же вы... Как там Леонардо?

— Отдыхает, — ответил Валентин, покосившись на Квая. Вот кому хорошо! — А где... где мы?

Ответ озадачил:

— Не знаю.

— То есть?

Идем на семи тысячах, кажется, в нужном направлении, а где находимся — вопрос.

— Не понял!

— Ты на меня голос не повышай, парень, — ласково сказал Марек. — Сперва сопли утри, а потом будешь изображать большого человека. Знаешь, кто ты сейчас? Кандидат в покойники. Хочешь взять управление? Не советую. Пока веду я, у нас еще есть крошечный шанс. Уяснил?

Флаер как-то странно рыскал.

— Что случилось? — Кажется, дела шли худо, и Валентин решил не обращать внимания на грубость подчиненного. — Боеголовка?

— Нет, боеголовка сработала как надо. И тряхнуло нас как надо, но в общем ничего смертельного. Вы двое отключились, а я начал разгон по баллистике. На восьмидесяти тысячах нас и долбануло. Молния. Случайность. Обыкновенная молния длиной километров в пятьсот. Это Дно. — Марек хохотнул. — Смешно: говорю как старожил. Но это действительно Дно, самая тяжелая и самая дурацкая из всех планет, что я видел... Словом, разгон пришлось прервать, баллистика побокую, идем в тропосфере. Флаер пока жив.

— Пока?

— Пока. Теряет энергию. Если нам повезет, дотянем до столицы, прежде чем он издохнет. Я нашел попутный поток. То есть, по-моему, он попутный. С навигацией дело дрянь. Связи нет.

Некоторое время Валентин молчал. Флаер покачивался, как пьяный. Мимо неслась клубящаяся муть. Что-то проскрежетало по обшивке и сгнуло. Высоко над головой сверкнуло — там в тучах били титанические молнии, там копилась дурная сила, чтобы обрушиться на материк очередным сезоном ураганов. Уже скоро...

— Но дело мы сделали? — спросил Валентин о главном.

— А как же! — Марек хмыкнул. — Вулкан раскопегарился что надо. Я видел на радаре. Никакого стартового комплекса с катапультной у туземцев больше нет. Забудь.

Перейдя на «ты», он больше не собирался обращаться к руководителю операции как положено. Валентин решил закрыть на это глаза. К тому же операция уже выполнена...

Да, победа. Но цена победы еще не ясна.

Валентин прочитал про себя короткую молитву. Господи, не оставь! Дай еще чуть-чуть удачи! Если ты сейчас дашь нам погибнуть, я оценю твою иронию, но все же будь милосерден!

Марек молчал. Бог тоже. Флаер рыскал.

На несколько секунд облака под флаером разошлись, потом снова сомкнулись. Валентин успел увидеть внизу горные цепи и оценить скорость полета — прискорбно малую, смешную, на уровне туземных самолетов, медленно продирающихся сквозь воздушный кисель. Лететь придется долго.

Флаер вдруг провалился вниз, да так, что Валентин на миг испытал невесомость — и чуть ли не впервые на Дне обрадовался, вновь ощутив свои привычные двести двадцать донных килограммов.

— Марек, что это было?

— Его трудно держать на курсе. — Голос посмертного киборга был нарочито безразличен, и лишь эта нарочитость давала понять: он не лжет.

— Ты справишься?

— Я-то справлюсь. Не уверен, что справится флаер.

— Мы дотянем?

Марек оставил вопрос без ответа. Флаер накренился, задрожал, но выправился и минут пять летел как ни в чем не бывало. Валентин приободрился.

И зря: флаер сначала клюнул носом, затем вздыбился, как будто намеревался боднуть небо, вновь выпрямился, сотрясся короткой крупной дрожью и сделал попытку опрокинуться на спину. Марек похабно выругался.

Сквернословие как будто подействовало: еще несколько минут флаер как ни в чем не бывало держал курс и скорость. Но стало ясно: аппарат медленно умирает, как это бывает с очень хорошими механизмами. Они не дохнут сразу, они включают все резервы и перед смертью отдают людям последние силы.

Значит, финиш?..

Плоха победа, когда она Пиррова. Но и Пиррова победа лучше, чем посмертная. А здесь, похоже, будет именно такая. Дело сделано — но надо еще выбраться, всплыть со Дна...

К свету. К жизни.

Но никто не спросил у Дна, отпустит ли оно. А теперь и спрашивать нечего, ответ ясен.

Не всплыть.

Заняли стенки кабины. Флаер мелко задрожал.

— Надо садиться, пока не поздно, — подал голос посмертный киборг.

— Садиться? — Валентин истерически расхохотался. — В горах?!

— Где угодно. Иначе мы просто рухнем. Возьми на себя радар, ищи площадку.

Судя по всему, все силы Марека уходили на борьбу с умирающим флаером. Пытаясь гальванизировать труп, он не мог отвлекаться на радар.

— Какая тут площадка? — завопил Валентин. — Где тут может быть площадка? Горы! Нет никакой площадки!

— Или площадка есть, или ты труп, — с безжалостной невозмутимостью ответил Марек. — Мне-то что, я летать умею.

Действительно, он мог приказать грузовому отсеку раскрыться и заведомо спастись бы. Он сам говорил, что энергии в нем хватит, чтобы облететь всю планету.

Валентина колотило. Первым делом он возненавидел Марека за то, что тот может спастись. Он ненавидел его даже за то, что тот остался. Он ненавидел всех и жалел себя.

— Радар, — с ноткой раздражения напомнил Марек.

И вновь захотелось сделать что-то такое, чтобы выжить. Посмертный киборг Марек Бем правильно выбрал тембр голоса. Было бы еще лучше, если бы рявкнул. И совсем хорошо, если бы отхлестал по лицу всеми своими восемью лапами. «Да, я в порядке», — мог бы теперь сказать Валентин, но, конечно, не сказал.

Просто стал искать площадку.

Глава 15. Отсрочка

Флаер был мертв. Нелепо изогнувшись, он лежал брюхом на острой глыбе, как будто намеревался переползти через нее. От удара обшивка лопнула — Валентин даже не предполагал, что такое возможно. Будь удар немного сильнее, он перерубил бы флаер пополам.

И все-таки это была площадка, которую выбрал Валентин и насчет которой Марек согласился, что лучшей, пожалуй, не найти. И все были живы: Валентин отделался ссадинами и ушибами, а Квай дышал, по-прежнему не приходя в сознание. Умная машина сделала все, чтобы их спасти. Она не взорвалась при ударе, хотя могла бы. Она просто умерла, до конца выполнив свой долг, и дальнейшая судьба людей от нее уже не зависела.

Марек пилотировал до конца. Сломал три из восьми своих лап-манипуляторов, но уцелел и сохранил способность к полету. И только это еще оставляло какую-то надежду.

Плача от боли и бессилия, Валентин выполз на каменистый грунт и кое-как вытащил Квая. Зачем — он и сам не вполне понимал. Песенка рыжего помощника, похоже, была спета. Но только ли его одного? Марек должен лететь за помощью, и чем скорее, тем лучше. Пока на горы не опустилась ночь. Завтра, а если совсем не повезет, то послезавтра он вернется со спасателями. Надо продержаться этот срок, только и всего.

Легко сказать... Валентин обессиленно лег на спину, и острые камни больно вонзились в тело. Каждый вдох стоил усилий. Продержаться — а как? Аварийный комплект не пострадал, в нем аптечка, сухпайки и вода, да только смерть, скорее всего, придет не от голода или

жажды. Черт знает, что тут творится ночью... Но даже если ночь пройдет спокойно, у Дна есть безотказный способ медленного убийства: тяготение. Так что шансы невелики. А у Квая их и вовсе нет.

Марек пробовал наладить связь. Не преуспев, чертыхнулся, за» жужжал, легко взмыл и скрылся за невысокой скальной грядой. «Куда он?» — вяло подумал Валентин и сейчас же понял. Его бросили. Оставили умирать на чужой планете. Сначала его бросил Квай, преступно отключившись, а теперь и Марек. Посмертный киборг оказался подонком и трусом: бросил эмиссара Терры, будто какого-нибудь никчемного туземца! Та-ак...

Он злился недолго: накатила жалость к себе. Теперь ему точно не всплыть со Дна. Он останется здесь навсегда, и его кости растащит местное зверье. Какие-нибудь туземные шакалы будут вгрызаться в его мясо, рыча и повизгивая от удовольствия. Пегий Удав — хладнокровный убийца. Его, Валентина, руками он решил проблему с Дном, а человеческие жизни — лишь издержки в несложной в общем-то партии. При случае он скажет несколько прочувствованных слов, уверенный, что сделал для своих посланцев все возможное. И о мертвых забудут — какое дело живым до покойников?

Удав — убийца, а Дно — орудие преступления. Законного, ненаказуемого преступления! Разве Валентин не добровольно отправился на Дно? Согласился, глупец, выполнить миссию, и не без энтузиазма согласился! Думал: справлюсь, покажу себя... Ну и что ты теперь покажешь, человеческая букашка, съеденная Дном? И кому? Внутренности свои покажешь местным хищникам, когда их тебе вырвут? А не будет зверья — Дно убьет тебя в любом случае, это вопрос недолгого времени...

Квай пошевелился и застонал. Он приходил в себя — зачем? Чтобы осознать неизбежное, до костей пропитаться ужасом смерти, прежде чем она придет? Темнеет, скоро на горы упадет ночь, и вряд ли удастся вновь увидеть мутный здешний рассвет. Теперь он казался прекрасным, и само Дно с его тяжестью, воздухом-киселем, ураганами и землетрясениями мнилось вполне подходящим местом для жизни. Только бы жить! Быть кем угодно, хоть последним из донников, хоть местным птеродактилем, хоть травинкой. Червяком тоже нешлохо. Только бы жить, существовать в реальности, а не в чьей-то непрочной памяти...

Валентин осознал, что плачет. Его забудут, для Вивьен найдется новый жених из высшего общества, и кто-нибудь другой сделает вместо Валентина шаг вверх по карьерной лестнице, а Галактика продол-

жит вращаться по-прежнему, и макрокосму не будет дела до гибели одного микрокосма. Плевать Вселенной на человека. Она ведь даже не враг, она не злонамеренна — просто равнодушна. Погиб как дурак — значит, дурак и есть.

Квай застонал громче, открыл глаза и начал озираться — сперва мутно, потом дико. Наверное, приходя в сознание, он вообразил себе, что флаер доставил его, бесчувственного, в столицу и что бассейн торгпредства сейчас окажется под боком, не говоря уже о медицинской помощи! Сейчас ныть начнет, подумал Валентин, отворачиваясь, чтобы Квай не заметил его слез.

И тотчас уловил слухом жужжание. Над грядой показался бублик с паучьими ножками, снизился и сел между Валентином и Кваем.

Не бросил...

— С той стороны гряды ущелье, а в нем река, — доложил Марек. — Мелкая, порожистая, но есть бочаг, вроде большой ванны. Вода довольно теплая...

— Я думал, ты уже на пути в столицу, — признался Валентин.

— Во-первых, не в столицу, а в любой населенный пункт, какой попадет. Пусть туземцы подключат свою службу спасения... Знаю, знаю, что ты скажешь. А я скажу так: пусть только посмеют... Доказательств нашей причастности к взрыву вулкана нет. Не окажут помощи — будут иметь дело с Террой. Перепугаются и в лепешку расшибутся, чтобы вас вытащить. Теперь второе: в самом лучшем случае я вернусь утром, а в худшем... как получится. Здесь плохое место. Мало шансов. Нужна вода. Я ее нашел.

Валентин встал и со стоном опустился на камни. Взглянул на скальную гряду — нет, не перебраться. Даже при нормальной тяжести это было бы непросто, а когда приходится таскать на себе лишних сто тридцать килограммов собственного веса — дохлый номер. Нет таких сил в человеческом организме.

— Аварийный комплект. — Марек словно мысли читал. — В нем трос.

— Повеситься? — Валентин нашел в себе силы окрыситься.

— Нет, привязать один конец ко мне, а другой к себе. Попробую перенести вас по очереди.

— Справишься? — Так приговоренный к смерти, видя с эшафота пробирающегося сквозь толпу судейского чиновника, надеется, что тот несет помилование.

— Попробуем, — с ноткой сомнения сказал Марек. — Попробовать-™ стоит, не так ли?

Валентин чуть не надорвался, вытаскивая из багажного отделения пластиковый ящик с аварийным комплектом. Да, в нем был моток тонкого троса. Была и стальная кошка, неприятно напомнившая о бытовавшем у далеких пращуров обычае подвешивать человека за ребро. Но Марек тут же зацепил кошку за какую-то скобу на своем корпусе, а Валентину велел сделать петлю на другом конце троса.

— Только не скользящим узлом...

С третьей попытки получилась вполне приличная петля.

— Сначала его. — Одной из уцелевших суставчатых лап Марек указал на Квая. — Он полегче.

— А удержится?

— Если не удержится, придется смастерить нормальную обвязку.

— Удержусь, — простонал Квай.

Постанывая и ругаясь сквозь зубы, Валентин помог ему усесться в петлю. Полуобморочный Квай вцепился в веревку так, что стало ясно: не отцепится, даже если вновь потеряет сознание. «Подъем», — скомандовал Марек, и бублик, оторвавшись от грунта, натянул веревку. Теперь он не жужжал, а натужно гудел.

Есть отрыв! Квай пошел вверх, над головой Валентина зависли его подошвы. Медленно поворачиваясь в воздухе, он поднимался все выше и выше. Вот пошел в сторону и скрылся за грядой...

Через пять минут Марек вернулся, и место в петле занял Валентин. Сверху на него обрушился ветер от пропеллера. Марек молчал, а если бы и сказал что-нибудь, никто его не услышал бы. Он гудел все натужнее, и все мысли Валентина свелись к одной: «Потянет?.. Не потянет?..»

Ура! Ноги оторвались от проклятой планеты, и начался медленный-медленный подъем. Разбитый флаер уплывал вниз так неторопливо, что казалось, будто Валентина движет вверх домкрат, причем неисправный. Порыв ветра — и Марек потерял метр высоты. Поднатужился, вновь пошел вверх... Сумеет перевалить через гребень или нет?

Сумел. Полет со снижением получился лучше. Не прошло и нескольких минут, как Валентин оказался по горло в воде и ощутил все преимущества земноводной жизни. Рядом стонал Квай, но, похоже, от блаженства. Терять сознание вроде не собирался.

Быстро темнело. В ущелье гулял, завывая, ветер. Марек сделал еще один рейс, доставил ящик с аварийным комплектом. Сказал «ждите» и резко пошел вверх, боясь, как видно, что шальной поток подхватит его и хряпнет о скальную стену. Без груза он летал вроде перышка. Несколько секунд — и пропал из виду.

Шумела река. Марек поскромничал, обозвав вместилище воды просто бочагом, — тут было настоящее озерко, подпруженное нагромождением валунов. Прорвав посередине запруду, вода неслась под уклон мощным потоком, билась в устьях, плевалась пеной, и бесновалось эхо, отраженное от скальных стен, туго бил в лицо ветер, а в черной кипени над головой сверкали далекие молнии. Даже самому тупому из неаборигенов стало бы ясно, что сезон ураганов на подходе.

И если настоящий ураган или хотя бы тот жуткий шторм, что именуется на Дне предвестником, разразится ночью, наутро вряд ли будет возможна спасательная операция. Даже страх донников перед Террой не поможет. Забьются туземцы в свои дома-конусы и будут в них сидеть, как мыши в норах. Гнев Дна ближе гнева Терры, нагляднее и страшнее.

Валентин и Квай лежали у самого берега. Они не разговаривали — не о чем было разговаривать. Мелкими волнами накатывала вода, не то чтобы очень теплая, но за час ни один, ни другой не начали стучать зубами. Отчасти помогала сохранять тепло и одежда. Временами Валентин поворачивал голову в сторону Квая и при вспышках молний видел: жив.

Единственное, что могло радовать: ночь на Дне коротка. Пройдет пять или шесть часов, забрезжит серый и противный, но такой желанный местный рассвет, а там, глядишь, появится и Марек. Очень хотелось, чтобы он появился на рассвете, но рассудок говорил иное: Дно обширно и слабо заселено, на рассвете Марьк только-только доберется хоть до каких-нибудь людей, и ждать помощи можно не раньше полудня, а скорее всего, ближе к вечеру. И это еще очень неплохой вариант. Не хотелось и думать о том, что Марек может не вернуться со спасателями в течение суток.

Не хотелось, а думалось.

Посмертный киборг всего лишь механизм, а механизмам свойственно ломаться. Никто не удивляется, если они гибнут под ударами стихии. И наконец, как поведут себя туземцы? Слова Марека были логичны и убедительны, но лишь для того, кто не знал, что такое Дно и донники.

И как еще воспримут внешний вид Марека туземные провинциалы? Не подбили бы из зенитки... Наверное, максимум, что он сможет сам, — это убедить донников связать его с торгпредом, а тот уже надавит на местные власти, заставит выслать спасателей. Н-да... Заставить-то можно. В смысле, можно заставить искать. Можно даже про-

контролировать, хорошо ли ищут. Гораздо труднее заставить найти... своевременно.

— А-а-а! — завопил Квай.

На узком берегу над каменным нагромождением качалась бесформенная фосфоресцирующая фигура, карикатурно напоминающая человека. Откуда она взялась, Валентин не понял и не заинтересовался. Страх мало совместим с интересом естествоиспытателя. Лязгнув зубами, Валентин отполз поглубже в воду. Фигура выросла, как уличный фонарь, наклонилась над водой и потянулась к людям ложноножками. Квай нырнул и забулькал.

Нырнул в панике и Валентин. Лишь почувствовав, что его вот-вот подхватит течение, он выскочил на поверхность и, в свою очередь, зарорал благим матом, попав под щупальце. Ничего страшного, однако, не случилось, лишь чуть-чуть защищало кожу, но и только.

Все равно было жутко.

— Это привидения! — булькая, доложил Квай. — Они вроде безопасны.

«Вспучилось и полезло», вспомнил Валентин. Дональбайн рассказывал. «Коллоидные квазибиологические структуры», «любопытны и глупы, как пень», «сильно опасными их не считают».

Пусть так. Но лучше держаться от них подальше.

Просто на всякий случай.

Не пожалеть бы о том, что эти коллоидные структуры — не единственные представители фауны Дна...

Валентин вспомнил чучела и скелеты в домашнем музее Лиса и ощутил мгновенный озноб.

Глава 16. Все будет хорошо

Мелкие твари появились перед рассветом — и откуда только взялись в таком количестве? Камни на берегу, казалось, задвигались, а валуны обросли толстой шевелящейся корой. На всякий случай Валентин поглубже отполз в озерко, обеспечив между собой и берегом полосу воды в метр шириной. Оглянувшись на Квая — тот сделал то же самое.

Вспомнилось: в ящике с аварийным комплектом должно быть оружие. Но ящик стоял на берегу...

Вот так и помирают на Дне, не учтя какой-нибудь мелочи!

В проблесках молний Валентин сумел кое-как разглядеть тварей. Телом они напоминали крыс, но их длинные челюсти были густо усажены мелкими коническими зубами — зубами хищников. Их крики

больше напоминали кваканье, чем крысиный писк. Несколько животных подобралась к самой воде. Плеснула волна — отпрыгнули.

— А-а, боитесь воды! — закричал Валентин. — Вот я вас! Пшли!..

Зверьки вновь приблизились. Один из них влез передними лапами в воду и принялся локать, посверкивая на Валентина черным глазом-бусинкой. Не очень-то они боялись воды, просто не хотели в нее лезть без веской причины.

И, глядя на странных двуногих существ, в достаточной мере беспомощных, зверьки, похоже, приходили к мысли, что веская причина существует.

Один из них сжался в комок и прыгнул. Валентин успел лишь заслониться рукой. В запястье вонзились острые зубы. Вскрикнув от боли, Валентин стряхнул мелкого людоеда вместе с клоком кожи. И сейчас же зверьки полезли в воду толпой. Волнообразные движения сплюснутых хвостов быстро продвигали их к цели.

Вскрикнул Квай: гоже понял, что местные крысы умеют плавать. Топиться они вовсе не собирались. Они намеревались плотно пообедать.

Первого зверька Валентин поймал за хвост и зашвырнул подальше. Второго схватил поперек туловища и попытался утопить. Хищник извернулся, ладонь обожгло укусом. Валентин заорал и забил по воде руками. Судя по крикам и беспорядочному плеску, Квай был занят тем же самым. Но там, где люди не баламутили поверхность озера, воды не было видно от плывущих зверьков. И на берегу их меньше не стало: живая квакающая кора на камнях по-прежнему отвратительно шевелилась. Все новые твари дюжинами бросались в воду. Плевать им было на то, что пища попалась инопланетная — была бы белковая!

Еще укус... Отступив в озеро до пояса, Валентин взбивал перед собой уже не воду, а кровавую пену. Внезапно «крысы» на берегу подняли вой и заметались: меж валунов появилось новое животное. Длинное и гибкое, как выдра, оно схватило ближайшего зверька и сразу перекусило его пополам. Скача друг по другу, «крысы» толпами бросались в воду. «Выдра» выплюнула добычу и заинтересованно посмотрела на людей. Валентин отступил еще глубже. Трудно стало удерживаться на месте: здесь уже очень чувствовалось течение. Поскользнешься — вода подхватит, утянет в проран, закрутит, разгонит, шмякнет о первый же валун и сделает отбивную. Валентин затравленно озирался. Может, попытаться пересечь озеро и выбраться на другой берег, пока еще есть силы?..

Только он успел это подумать, как по ущелью пронесся могучий порыв ветра, там и тут загрохотали падающие камни. И немедленно

с неба обрушилась такая стена воды, что самый сильный тропический ливень Терры показался бы по сравнению с ней лишь мелким дождиком. В несколько мгновений вода в реке вышла из берегов. Задыхаясь и отплывываясь, Валентин попытался плыть, но куда там! Течение поволокло его к естественной плотине, стукнуло о валун, стукнуло о другой и всосало в проран.

И больше уже ничего не было, кроме напряженного, какого-то мазохистского ожидания: какое мгновение самосплава будет последним?

Исчезли мысли. Улетучилось сожаление о том, что приходится умирать не там, где умирают люди его круга, и не так, как они умирают. Пропала лютая злость на Пегого Удава. Испарилась ненависть к Дну — мерзейшему из обитаемых миров. Все это уже не занимало Валентина. Его било о камни — он ощущал удары, но не боль. Его беспорядочно кувырало — что ж, оставалось лишь смириться с этой неприятностью. Он задыхался и глотал пену — и это тоже было всего лишь еще одной неприятностью. Валентин знал, что сейчас умрет. Он не желал смерти, но больше не ужасался ее.

И все же, несмотря на напряженное ожидание, он так и не засек момент, когда сознание оставило его.

Очнулся он на галечной отмели и не сразу понял, что каким-то чудом остался жив, а когда понял, нисколько не обрадовался: ведь мертвому дозволяется лежать неподвижно, а живому приходится двигаться и вообще совершать какие-то поступки. Мертвому на Дне хорошо, живому — не очень. Саднила кожа, а внутри, по ощущениям Валентина, не осталось ни одной целой кости. Болели раны, горели садины, саднили ушибы, язык во рту — и тот был прикушен, распух и болезненно отзывался на попытки пошевелить им.

Валентин оставил эти попытки. Он не двинется с места. Так и будет лежать ничком. Пусть его топят, пусть колошматят, пусть даже едят живьем — на здоровье! С него хватит. Он боролся и выиграл партию, но проиграл жизнь. Печальный факт, но с фактами надо считаться.

— Сейчас он придет в себя, — неожиданно раздался прямо над ухом знакомый голос, и пронзительно-тошнотворная струя ударила в нос. — Кладите его в люльку, да осторожнее!

Несколько маленьких, но крепких рук вцепились в обрывки его одежды и, не обращая внимания на стоны, перевалили его в то, что показалось неким кульком из грубой ткани стойкой гель-подстилкой. Открылось небо. Стоял день, обычный серый день Трона Аида. Ливня как не бывало. Вода в реке быстро спадала. Ущелье было широким,

а стены его невысокими. На краю обрыва застыл, чуть покачивая лопастями, помятый и обшарпанный туземный вертолет.

А рядом с Валентином стояла водянка Астра, на голову возвышаясь над самым рослым туземцем-спасателем, и смотрела на спасенного с нелогичной смесью торжества и сочувствия. В другое время это озадачило бы, но сейчас Валентин не был склонен разгадывать головоломки. «Жив, — все увереннее прорастала и укоренялась в голове мысль. — Буду жить».

И Марек тоже был здесь — лежал, поджав лапки, и скромно помалкивал.

— Крепи трос, — грубым голосом приказал кто-то из спасателей, и Валентин понял их замысел. Вертолет не мог сесть в ущелье, а туземцам не втащить люльку на скалы. Вертолет взлетит, зависнет, и люльку втянут в него. Логично.

— Тебе повезло, так? — заговорила Астра. — Это был лишь предвестник, да и то он зацепил эти места самым краем. Первый настоящий ураган придет вечером. Мы уже будем в безопасности, так? Ты жив. Тебя не съели, ты не утонул. Это к лучшему, так? Твой друг тоже жив, его уже отравили в столицу. Он плох, но выкарабкается.

Валентин не сразу понял, что речь идет о Квае. Друг? Какой он друг — так, подчиненный. Дружба — ловушка для дураков, сильный и умный пользуется ею, а слабый и глупый в нее попадает. Архаичная жизнь диктует туземцам архаичные понятия, и Астра — все еще донница до мозга костей. Попадет на Терру — там ей быстро поставят мозги на место. Валентин и не собирался интересоваться Кваем. Друг, хм...

Трос зацепили. Туземцы муравьями полезли на кручу. Марек зажужжал, взлетел и молча канул в небо — похоже, намеревался добраться сам. Он так ничего и не сказал, и это озадачивало. Возле люльки осталась только Астра. Кто-то из туземцев крикнул ей, она небрежно махнула в ответ: сейчас иду, мол.

— Мы сделали это, — кое-как ворочая распухшим языком, прошепелявил Валентин, когда она вновь повернулась к нему, и попытался выдавить из себя улыбку. — Катапульты больше не существует, стартовый комплекс разрушен... — Помолчав, он неуверенно добавил: — Надеюсь, жертвы были минимальны.

— И все же они были, — сказала Астра. Глаза ее стали жесткими.

— Сожалею, — соврал Валентин.

Помолчали. Сверху еще раз крикнули. Астра досадливо обернулась:

— Да иду я, иду!

Но с места не двинулась.

— Теперь ты можешь отправиться на Терру. — Валентин почувствовал, что надо это сказать. Если туземке жаль погибших туземцев, если она запоздало сожалеет о своей роли, то пусть радость убьет всякие сожаления. — Мы выиграли.

Мимолетная усмешка искривила губы Астры. Или это лишь показалось?

Нет, не показалось...

— Да, мы выиграли, — сказала она. — Мы, донники, выиграли. А Терра проиграла. — И поскольку Валентин ошарашенно молчал, добавила: — На орбите крейсер Земли и крейсер Унии. Согласно дополнительному протоколу к Фомальгаутскому договору Дно отныне независимая планета, так? Ваше торгпредство в столице будет эвакуировано завтра же. И ты тоже. Если Терра хочет впредь торговать с нами, она должна признать нашу независимость и прислать делегацию для переговоров, но только равноправных переговоров. В качестве жеста доброй воли мы отпускаем без наказания тебя и двух твоих сообщников, живого и железного, так? Если Терра не оценит значения жеста — это ее проблемы. А если Терра захочет вести себя у нас по-прежнему, ей отныне придется иметь дело с Землей и Унией.

Валентин беззвучно открывал и закрывал рот.

— Ты, наверное, хочешь спросить, как мы смогли запустить спутник? — догадалась Астра. — Я расскажу. В южных Тропических широтах нашей планеты внутри первого, самого мощного в сезоне урагана обычно формируется могучий восходящий поток. Мы направили туда дирижабль особой конструкции, предназначенный для подъема ракеты-носителя на должную высоту, так? На пятидесяти тысячах метров четыре члена экипажа выпрыгнули с парашютами — из них только один остался в живых, — после чего ракета стартовала в космос прямо сквозь оболочку дирижабля. Космодром с катапульты на склоне Клоаки Сатаны с самого начала рассматривался как резервный вариант, так? Когда правительству стало ясно, что Терра не остановится ни перед чем, чтобы сорвать запуск, было решено пожертвовать резервным вариантом, выдав его за единственный... То есть за один из двух: вторым был намек на возможность захвата вашего флаера. Твоими руками Терра сумела отсечь эти два варианта, так? А сработал третий.

Всего десять минут назад Валентин был равнодушен к вопросам жизни и смерти. Теперь он хотел умереть.

— Я скажу тебе, в чем была твоя ошибка, — заговорила после паузы Астра. — Ты поверил в то, что рассказывали тебе о донниках твои

коллеги, так? Беглый взгляд на Дно убедил тебя в справедливости постулата: донники поголовно тупы, хитры примитивно, по-крестьянски, лишены высоких устремлений и по большому счету не являются полноценными людьми. Ты сделал ту же ошибку: принял кажущееся за действительное. Так было проще, так было удобнее, так было комфортнее психологически. Что с ними мудрить, с выродившимся народцем, недочеловеками? Они ведь не способны вести мало-мальски сложную игру. Им даже не придет в голову вбухать уйму средств в то, что почти наверняка обречено на уничтожение, в обманку для слишком умных и неоправданно высокомерных, так?

«Так», — показал глазами Валентин. Он не мог говорить.

Быстрее молнии Астра выхватила пистолет. Два выстрела — и невесть откуда налетевшая крылатая тварь пронзительно вякнула, хлопала крыльями и унеслась прочь, отказавшись от нападения. Астра даже не посмотрела в ее сторону.

Сверху снова крикнули — поторапливали.

— Иду!

— Подожди... — Язык вновь обрел способность шевелиться, и вопрос рвался наружу: — Ну да... понимаю... ты была внедрена... как и большинство моих агентов, наверное... Но почему... почему ты выбрала эту мерзость... эту планету?.. Ты же была на Терре, ты видела ее!

Астра улыбнулась.

— Хорошая планета Терра. Совсем легкая. Приятно жить на ней, так? А только я донница, ею и останусь. И еще я водянка, так что будут у меня и положение в обществе, и интересная, очень нужная работа. И счастье, надеюсь, будет. Не так уж мало водян уцелело после бедствия, я солгала тебе тогда. У меня есть жених, тоже водянин. Наш архипелаг вовсе не ушел под воду, а кроме него, на Дне есть и другие острова, даже более удобные. Есть, наконец, обширная береговая линия материка, так? Всем места хватит, и жить в воде удобнее. Правительством принята долгосрочная программа постепенного переселения донников в воду. Когда-нибудь, через столетия, раса карликов на Дне исчезнет, будут только водяне. Конечно, придется решить массу проблем, так? Я слыхала, ты видел домашний музей нашего премьера. Те ужасные животные — лишь малая часть наших забот. Но мы справимся.

— Но почему... — вымучил Валентин.

— Почему мы не выпрашивали помощь у Терры? — Астра засмеялась. — Зачем запустили спутник, для чего нам независимость? А ты как думаешь? Для чего вообще нужна свобода?

— Для чего? — спросил Валентин.

— Для того чтобы верить в свои силы. Для того чтобы нас не одергивали всевозможные корыстные шишки с Терры. Им нет и не будет дела до наших проблем. А нам не обойтись без помощи, это верно, и потому мы по-прежнему будем экспортировать алмазы, металлы и биоматериалы. Но теперь мы сами решим, с кем иметь дело. Может, присоединимся к землянам, может, вступим в Унию, может, даже и в Лигу, но на наших условиях. А может, останемся HefttpанbHиMН, так? Это теперь решать нам, а не Терре...

Сверху закричали уже в несколько голосов, раздраженно. Астра кивнула Валентину и полезла на кручу.

За весь долгий полет Валентин не произнес ни слова. Он проиграл. Горечь поражения особенно нестерпима, когда она приходит на смену чувству победы. Туземцы оживленно болтали между собой, стараясь перекричать надсадный рев двигателя и рокот воздушного винта, и не обращали на Валентина никакого внимания. То ли деликатничали, то ли брезговали. Все равно.

Он проиграл, проиграл, проиграл! За всю свою дипломатическую карьеру Валентин впервые получил такую плюху. Он провалил задание и подвел Терру. Он хотел всплыть со Дна — и всплыл так, как всплывает... то, что не тонет. По-настоящему всплыли донники. Хотя... стоп! «Вы должны сделать так, чтобы никакой спутник никогда не был запущен с той катапульты», — сказал Пегий Удав. Эти слова были заданием. Оно не провалено, оно выполнено. Весь разговор с Удавом записан Валентином в долговременную память. При неизбежном разбирательстве достаточно будет просьбы о ментоскопировании — и Удав скиснет. Старая задница! Он неверно сформулировал поставленную задачу. Он и никто другой! Валентин Ферфакс Эрик Исиро Прямухин ни в чем не виноват. При желании ему можно будет вменить в вину избыток дубоватости при недостатке компетентности, но не более того. И даже эти обвинения можно оспорить. Само собой, о новой служебной ступени придется на год-другой забыть, но придет время — и будут еще победы и на Терре, и в других мирах. Он навсегда покинет проклятое Дно, подлечится, ликвидирует отечность и остеохондроз и, конечно, женится на Вивьен. Он постарается забыть кошмар, именуемый Дном. Несомненно, процесс будет долгим и болезненным, но со временем завершится — должен завершиться! — полным успехом.

И все будет хорошо.

□

О Л Ь Г А М О И С Е Е В А

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

Иллюстрация Николая ПАНЧИНА

Черт меня дернул увязаться за чужой посудиной! Хотя нет, вообще-то, черт дернул меня несколько раньше, когда я решил, что вылазки в аут — верный и нескудный способ подзаработать.

В этот раз я погнался за информацией. Корабль пришельца вывалился из гиперпространства почти мне на голову: грех упускать такой случай! Видеозапись инопланетного борта и результаты его сканирования — материал стоящий. Чужие редко появлялись перед людьми и никогда не шли на контакт, игнорируя любые попытки установить связь. Их корабли быстрее наших и легко уходят от погони.

Но на этот раз пришельцу не повезло.

Пузырь возник, как всегда, внезапно. Никто не знает, откуда берется это вредное, но, к великому счастью, редкое порождение космоса. Некоторые считают, что во всем виноваты наши гиперпространственные прыжки. Типа, сами натыкали дыр в пространстве, не изучив до конца природу Вселенной, и теперь из них вылезает такая вот дрянь и атакует корабли, а у пилота в голове возникает хлопок, похожий на звук лопающегося пузыря. Физику этого явления понять не удастся — пузырь корежит любую технику. Меня чуть задело самым краем, но этого хватило, чтобы экраны потемнели, приборы стали показывать какую-то белиберду и заглох маршевый двигатель. Хорошо хоть маневровые не отказали — на них и ушел, пока чужой борт отдувался по полной.

Когда приборы пришли в норму, я сел на подвернувшийся астероид. Сюда же ухнулся и Чужой, как только сумел вырваться из пузыря.

О поломках мой киберпом докладывал как заправский психолог. Сперва хорошая новость: после небольшого ремонта «Олсо» сможет покинуть астероид и за восемь часов дойти до конечного маяка; и только потом, все тем же бодрым голосом, новость плохая: «Система регенерации воздуха выведена из строя без возможности восстановления».

Разумеется, он был прав: с первого взгляда на поврежденные блоки стало ясно, что их место на кладбище хлама. А на что, собственно, я надеялся, когда полез проверять? Эти блоки оказались ближе всего к пузырю, но, не желая верить в такой жестокий расклад, я распотрошил их и возился, наверное, целый час, пока не заставил себя признать очевидное: починить систему здесь, на астероиде, не удастся.

Сочно обматерив пузырь, а заодно и Чужого за то, что у него тоже нет эффективной защиты от этой пакости, я вытер пот и без сил плюхнулся в кресло. Болела голова и подташнивало — чувствовалось отравление углекислым газом.

По ушам резанул неприятный сигнал, означавший, что если я не хочу потерять сознание, то самое время перебраться в скафандр. Воздуха там после долгого скитания по астероидам и планетоидам осталось всего часа на четыре, только на полпути и хватит, а идти и ловить позывные концевого маяка будет уже труп...

Интересно, подумал я, надевая шлем, а как там у брата по разуму обстоят дела с воздухом? Что бы ни случилось с кораблем, скафандр-то у астронавта должен быть!

Пузырь потрудился на славу: на чужом борту не работало вообще ничего. Мне даже не понадобился лазерный резак, входной затвор открылся от удара ногой. С бластером на изготовку я осторожно заглянул внутрь и на всякий случай тут же отпрянул назад и в сторону. Ничего не произошло, видно, инопланетянин был без сознания или вообще умер. Прижавшись к наружной обшивке корабля, я подождал секунд тридцать, затем нырнул в темную дыру неизвестности. Воздух на борту отсутствовал, искусственная гравитация (если таковая предусматривалась) тоже не действовала. Нашлемный фонарь выхватывал из мрака серебристые, неправильной формы выступы на стенах и серые толстые жгуты на потолке — местами они отвалились и свисали до самого пола. Я осторожно прыгал-плыл по коридору, гадая, где разыскать запасы воздуха и как понять, что это они и есть.

Чужого я обнаружил в центральном отсеке. Он лежал под широким, резко скошенным выступом, покрытым замысловатыми знаками: наверное, то была панель управления.

Ростом метра полтора, затаенный во что-то прозрачное, формой пришелец напоминал луковицу. Нижний край ее толстого цилиндрического донца обрамляла прямая светло-коричневая в черных разводах юбка с неровными длинными лоскутами. Вверху (а верх ли это?) зеленовато-розовая «луковица» заканчивалась образованием, похожим на туго скрученный моток лохматой белой веревки. Прозрачный костюм Чужого пронизывали тонкие серебристые нити. Они сходились к темной, размером с половину бильярдного шара выпуклости, расположенной над центром тела пришельца. Еще одна такая же полусфера лежала рядом на полу.

Интересно, где у него голова?

Я нагнулся, разглядывая белый моток, и вдруг заметил, что лохмушки «веревки» слегка подрагивают. Дыхание? Я пригляделся: тяжелые волокна чуть вытягивались и сокращались в одном слаженном ритме. Живой! Значит, его прозрачное одеяние — это скафандр! Повернув бедолагу на бок, я осмотрел другую сторону «луковицы». Там оказалась все та же прозрачная гладкая пленка, без каких-либо выпуклостей или утолщений.

Я поднял лежавшую рядом с инопланетянином полусферу и стал быстро осматривать отсек в поисках таких же.

Спасибо малой силе тяжести на астероиде: нести пришельца было легко. Он по-прежнему оставался без сознания, только пару раз шевельнулись лоскуты юбки, когда я аккуратно положил его на пол в рубке своего «Олсо».

Взятая с чужого борта полусфера никак не хотела активироваться. Я поместил ее в герметичную исследовательскую камеру, и, повинувшись моим командам, внутренние манипуляторы долго крутили загадочное устройство так и эдак, нажимая на разные места, но приборы камеры не зафиксировали выделение газа. Полусфера была всего одна, больше найти не удалось, оставалось лишь уповать на ее долгосрочный ресурс, ведь Чужой в своем скафандре продолжал жить, а у меня оставалось чуть больше двух часов.

Время шло, киберштурман вел «Олсо», точно повторяя в обратном направлении маршрут от конечного репера; инопланетянин мерно «посапывал» в своем прозрачном коконе, а я громко ругался, давя гадкую мыслишку, шустрым червячком пробравшуюся в голову. Вскрыть чужой скафандр, чтобы сунуть туда карманный анализатор — это было уже слишком, даже для меня, человека далеко не идеального! «Да и что мне это даст? — наступал я «червячку» на хвост. — Ну, узнаю я, что там кислород, а дальше? Как это поможет мне активировать вторую полусферу?» — «Так ведь можно взять первую, — упрямо извивался «червячок», — ту, которая на чужом скафандре, она уже работает, и ее ресурс неизвестен! Возможно, она способна производить воздух еще очень долго...» — «Хватит! Убийство не мой профиль!» — «Убийство, это когда лишают жизни человека, а перед тобой луковица с мотком веревки вместо головы». — «Разумная луковица, черт побери, и живая веревка!»

Пока голова моя была занята борьбой с «червячком», руки продолжали управлять манипуляторами. Я машинально тискал инопланетное устройство, едва ли следя за своими движениями, так что, когда

гладкая сторона полусферы вдруг плеснула зеленым светом, моя челюсть не отвисла до пола только благодаря гермошлему. Я не знал, что, когда и как нажал, ковырнул или тряхнул, и поэтому замер, боясь шевельнуться. Дисплей встроенного в камеру анализатора мигнул и выдал сообщение.

Сердце бухнуло, а потом в груди стал медленно расползаться смертельный холод. Я сидел, не в силах отвести взгляд от дисплея, где сухими казенными словами и цифрами был написан мой приговор.

Зеленый свет полусферы сменился на желтый, а через некоторое время и вовсе погас, но это уже не имело значения. Инопланетный прибор снова не работал, но одного короткого выброса газа хватило, чтобы определить его состав. И этот состав не оставлял мне никаких шансов: помимо азотного балласта, незначительных примесей других газов и, что удивительно, водяного пара, в воздушной смеси было обнаружено всего семь процентов кислорода, зато углекислого газа — целых тринадцать.

Я схватил выплунутую камерой полусферу и вскочил, готовый разорвать прозрачный скафандр и со всей силы приложить Чужого чем-нибудь увесистым.

Как глупо! Я устало опустился на пол рядом с инопланетянином. У меня осталось полтора часа жизни, а я трачу их на ярость из-за того, что этот юбочник дышит углекислым газом.

Подумать бы о душе, но в голову вдруг полезла какая-то муть про Вальку Курта (теперь он может не отдавать мне пятьсот галактов), про Ленку (как долго она будет плакать, а будет ли вообще?) и что я так и не успел слетать на знаменитые пляжи Туроскана...

Отмахнувшись от всей этой ерунды, я поднялся и прошел к панели управления. «Олсо» на максимальной скорости шел все тем же правильным курсом, автоматика исправно посылала SOS, да что толку! Сигнал примут только через несколько часов, когда мой борт свяжется с концевым маяком.

Вернувшись к Чужому, я сел подле него на пол и стал рассматривать переплетение веревок. Не знаю зачем. Наверное, старался отвлечься от отчаяния, а может, просто хотелось последние двадцать минут провести рядом с живым существом, а не среди приборов.

Интересно, ждет ли тебя кто-нибудь дома? подумал я, глядя на пришельца. Жена? Дети? Такие, знаешь, маленькие луковички в коротких юбочках... Или у вас нет понятия семьи? У нас-то вот есть... Я, правда, своей пока не завел, хоть и перевалило за тридцать. Почему? Да хотел сперва встать на ноги, заработать на безбедную жизнь. Мама

все старалась меня женить... Теперь уж нет ее, умерла год назад. Возможно, я скоро с ней встречусь. Ну, а что? Многие верят... Вот ты, Чужой, веришь в загробную жизнь?

Белые ворсинки продолжали мерно пульсировать. Только я заметил, что сам моток слегка изменился. Вроде как растрепался немного, распух и округлился. Да и тело пришельца приобрело более яркую окраску. «Найди десять отличий». Толстое донце сильно порозовело...

Внезапно «луковицу» озарил желтый свет — польхнул и погас, а спустя секунду зажегся снова. Полусфера на костюме Чужого! Свет шел от ее гладкой стороны и был мне знаком: я видел его в исследовательской камере. Правда, тогда он не мигал.

Чужой вяло шевельнулся и снова замер, но теперь его поза показалась мне не расслабленной, как раньше, а напряженной. Что значат эти вспышки? Предупреждение, что ресурс на исходе? Я схватил валявшуюся неподалеку вторую полусферу. Если она снова включится, можно будет заменить одно устройство другим. Минут пять я мял, тряс полусферу и даже стучал ею об пол, но она по-прежнему оставалась темной.

Желтый свет от устройства на костюме пришельца перестал мигать и теперь горел ровно. Всё, сейчас выключится, понял я, и тут же в подтверждение свет погас. Чужой дернулся, веревки прижались друг к другу, потом распушились и снова стянулись в узел. Юбка тоже заковылялась.

Он задыхается!

Я вскочил, полусфера выпала из рук, все такая же темная. Она пустая! — с интуитивной, но твердой уверенностью подумал я, ее ресурс тоже иссяк, манипуляторы камеры выдавили последнюю сохранившуюся каплю воздуха... И тут вдруг осенило: здесь, на корабле, углекислого газа, конечно, гораздо меньше тринадцати процентов, но он есть! Азот тоже имеется, а кислородом он вряд ли отравится, раз в его смеси этот газ присутствует в довольно большом количестве! Может, концентрация углекислого газа и не достаточна, но это шанс! Хуже-то уже все равно не будет — ведь он умирает!

Скафандр инопланетянина был прочным, но перед лазерным лучом, сфокусированном точно на одной из серебристых нитей, не устоял. К этому моменту Чужой уже почти перестал дергаться, и мне нетрудно было зафиксировать верхнюю часть тела, чтобы конвульсии не мешали работе.

Прозрачный кокон распался прямо над лицом Чужого (почему-то я уже не сомневался, что белый моток — голова). Я замер, напряженно глядя на ворсинки. Они неподвижно висели, прижатые к веревкам, стянутым в тугий узел.

Я толкнул моток вправо, потом влево, приподнял его, оторвав от пола, и сильно встряхнул, так что ворсинки подпрыгнули. Ну, давай же, давай! Несколько ворсинок всколыхнулись, чуть сократились и опали. Я снова сильно встряхнул моток, потом еще раз и еще. Не знаю, почему и откуда взялось у меня такое острое желание оживить Чужого, но оно овладело мной полностью и заставило кричать, тратя последний кислород: «Дыши! Да дыши же ты, черт тебя раздери!».

Веревки вдруг резко ослабли, раздаваясь в стороны, и я отпустил голову Чужого, испугавшись, что нечаянно навредил ему своей бешеной тряской.

В шлеме раздался издевательски приятный переливчатый сигнал, и на внутренней стороне забрала появился красный кружок с восклицательным знаком, а рядом таймер обратного отсчета. На секунду в ушах зашумело, уши опалил жар, а горло перехватило, словно воздух уже кончился, но этот всплеск паники быстро ушел, и я вдруг почувствовал странное спокойствие, словно эти пять минут жизни остались не мне, а кому-то другому.

Я посмотрел на Чужого. Ворсинки на растрепанном белом мотке мерно колыхались — он дышал.

Таймер и сообщение исчезли — я отключил их вывод на забрало, а заодно отменил и все звуковые сигналы скафандра.

На панели управления бесстрастно и размеренно перемигивались индикаторы, обзорные экраны демонстрировали глубокую ночь космоса.

Может, надо написать предсмертную записку? — подумал я, глядя в звездную пустоту. А зачем? Ведь и так будет все понятно... Да и кому адресовать записку? Ленке? Вальке? И чего писать-то: «Простите, друзья, я задохнулся»? Чепуха какая-то!

Я отвернулся от экранов и оторопел.

Чужой сидел!

Видно, моя тряска привела его в чувство, и теперь белый моток склонился вниз, изучая разрез на скафандре! «Луковица» малость похудела, зато из самой толстой ее части торчала пара длинных трубок с массой тонких отростков на концах. Что интересно, трубки и отростки тоже охватывала прозрачная пленка: возможно, скафандр спосо-

бен был вытягиваться в тех местах, где у пришельца из тела выдвигались руки. Точно руки, потому что одна из них держала в отростках ту полусферу, что я оставил на полу.

Я шагнул к Чужому. Белый моток вскинулся, пришелец выронил полусферу, вскочил на юбку, но пошатнулся, упал и стал отползать к стене, толкаясь лоскутами подола и трубками.

Привет, приятель! Я остановился, инопланетянин тоже замер.

И что ж это вы все время от нас бегаєте? Смотри: я нестрашный совсем... жизнь тебе спас.

Лоскуты юбки и тонкие отростки трубок Чужого чуть подрагивали, выдавая внутреннее напряжение. Белые ворсинки веревок быстро сокращались, тут же распрямляясь вновь.

Я медленно опустился на пол. Уже чувствовалась нехватка воздуха.

Жаль, что ты так поздно очнулся... поболтать не получится.

Я неспешно открыл затворы и снял гермошлем. Не хотел умирать закупоренным.

Лицо щекотали легкие прикосновения, словно сверху сыпались теплые пушинки. Они падали и, проникая сквозь кожу, сливались в тонкие ручейки, бегущие прямо по нервам. В голове возникали смазанные, наслаивавшиеся друг на друга картины и слышались неясные звуки — то ли голоса, то ли шум какого-то экзотического, незнакомого леса, и еще еле уловимо, но очень приятно пахло чем-то теплым и огромным, похожим на живую, ласковую сеть, соединявшую всех разумных в единое целое...

Неожиданно сквозь пелену странных образов проступили знакомые очертания рубки. Я резко сел, голова на миг закружилась, и все вокруг расплылось пятнами неправильной формы. В носу шевельнулось что-то мягкое, руки метнулись к лицу, но тут же вернулись назад, потому что хаос витавших в голове непонятных видений сменился упорядоченной информацией: я понял, что мягкий ворс в ноздрях делает воздух пригодным для моего дыхания.

Информация не была ни прозвучавшим в голове голосом, ни возникшим в сознании текстом; это, скорее, походило на быстрое воспоминание того, что я уже знал когда-то раньше.

Окружающее наконец обрело четкость, и я увидел сидевшего передо мной инопланетянина. От его белого мотка к моим ноздрям тянулись две пушистые веревки. Я знал, что они выделяют кислород, но, несмотря на это, с трудом подавлял желание немедленно выдернуть их из носа. Неприятен был не столько их вид (хотя, конечно, выгляде-

ло все это жутковато), сколько чувство полной зависимости от этого странного существа в разрезанном лазером костюме.

В руках оно держало полусферу: ее гладкая сторона мигала синим.

Я «вспомнил», что сейчас она запасает углекислый газ из воздуха и поглощает его гораздо быстрее, чем пришелец, поэтому, когда я дам знать, что атмосфера мне подходит, мой нос будет освобожден.

Прикрыв глаза, я стал просто ждать. Думать ни о чем не хотелось — сказывалось дикое напряжение последних часов. В голове кружилась каша обрывочных мыслей обо всем сразу и ни о чем конкретном... Кажется, я даже задремал на минутку, и мне вновь пригрезилась огромная ласковая сеть, соединявшая всех живущих...

А потом я увидел поток чистой прозрачной воды и очнулся. Чужой просил у меня пить. Первым делом я взглянул на датчик скафандра: состав воздуха на борту уже пришел в норму. Я показал пальцем на датчик, после чего выдернул веревки из носа. Инопланетянин тут же закрутил их обратно в моток, потом вытянул руку и коснулся моего лица. Я почувствовал дикую жажду.

— Понял, понял, сейчас. — Я вылез из скафандра и побрел в грузовой отсек. Чужой вскочил, тоже сбросил свой прозрачный костюм и двинулся за мной.

Он выпил три литра за пять минут. Себе я взял банку кваса и, прихлебывая его, смотрел, как вытянувшийся в длинную тонкую полосу лоскут юбки втягивает воду из канистры.

— Как ты дышишь, если углекислого газа на борту меньше процента? — спросил я Чужого.

Вообще-то я и не Ждал, что он отреагирует на произнесенные вслух слова: просто попробовал, на всякий случай. Ответа, разумеется, не последовало — возможно, у инопланетянина и слуха-то не было.

Вытянув руку, я коснулся его гладких и немного прохладных пальцев-отростков и, закрыв глаза, постарался вспомнить, как полусфера выбросила воздух в исследовательской камере. Потом вообразил круг, поделенный на неравные сектора, каждый из которых соответствовал тому или иному газу в воздухе, и заставил пульсировать тот сектор, что отнимал у круга тринадцать процентов и обозначал углекислый газ.

Уверенный, что совершенно его запутал, я ждал сумбурного ответа, но Чужой на удивление точно понял вопрос. Он кивнул белым

мотком, совсем как человек головой, и у меня возникла картинка: поле, плотно заставленное тарелками с едой — похоже, овсяной кашей. Эти тарелки символизировали углекислый газ. Сначала порций каши было столько, что ступить некуда, потом половина из них исчезла, затем пропала еще часть и еще. Оставшиеся тарелки теперь стояли метрах в пяти друг от друга, но, если их собрать, каши все равно хватало для пропитания...

Получалось, что Чужой не дышал углекислым газом, а ел его!

И тут до меня наконец дошло то, что я должен был сообразить уже давно. Три литра воды, поглощение углекислого газа и выделение кислорода!

— Растение?! — воскликнул я и неожиданно осознал, что наше общение перешло с образов и картинок на другой уровень. Мой мозг и его мыслительный аппарат наконец-то сумели преодолеть какой-то барьер и приспособились друг к другу, позволяя просто и быстро обмениваться мыслями.

«Почему же ты задыхался, когда у полусферы кончился ресурс? Если ты не дышишь, а ешь углекислый газ, то разве не можешь какое-то время жить без еды?»

«Вопрос, КАК жить... Я сильно пострадал во время аварии: много внутренних разрывов. Мы можем регенерировать, но для этого требуется большое количество постоянно поступающей энергии. Если процесс прервать, часть тканей навсегда отмирает. Труднее и дольше всего восстанавливаются самые сложные и тонко организованные, которые отвечают за мышление, полноценное единение с другими... а способность двигаться — это вообще наше самое уязвимое место... Можно мне побольше света?»

«Да ради Бога!»

Я включил дополнительную лампу. Чужой встал под нее и снова коснулся моей руки. На этот раз ко мне потекли не мысли, а удовольствие. Это было очень приятно: будто только пришел с мороза и грешься в доме, уплетая горячий наваристый борщ.

«Почему вы никогда не пытались вступить с нами в контакт?»

«Слишком разные принципы жизни. Вы хищники, убивающие, чтобы питаться».

«Есть и вегетарианцы!» — я прикусил язык, словно это могло внезапно вылетевшую мысль затолкать обратно в извилины.

«Вот-вот, — спокойно качнул головой инопланетянин. — Поэтому мы и держимся от вас подальше. Считается, что между нашими расами понимание невозможно».

Имен у Чужих не было: их роль играла «манера» мыслить. Разум каждого имел свои неповторимые черты — такие же индивидуальные, как отпечатки пальцев у людей, но мне эта разница была недоступна, ведь я не имел возможности сравнивать! А если бы даже имел, то как использовать это отличие в качестве обращения? Поэтому я сам придумал ей имя — Лилия.

Почему ей? А что, я разве не сказал?

Когда мы уже прибыли к освоенной зоне, выяснилось, что у них тоже есть мужские и женские особи.

«Но ты же все время говорила от мужского лица!» — поразился я.

«Я не говорила, я просто передавала информацию, а в слова ее переводил ты сам», — верх «луковицы» Лилии порозовел, и я понял, что это означает удивление.

Она подошла к центральному обзорному экрану и неподвижно застыла, глядя на приближающийся катер санитарно-карантинной службы.

Я вспомнил, как всего несколько часов назад так же стоял здесь. Вероятность того, что кто-то вдруг окажется там, вне освоенной зоны, безжалостно стремилась к нулю, но я все равно до боли в глазах всматривался в экраны, словно мог одной только силой своего взгляда отменить бесстрастные показания локаторов и вызвать из пустоты аута спасательный корабль... А потом я боролся за жизнь Лилии, еще не зная, что этим продлеваю свою и что мы оба словно второе дыхание получаем.

Маленькая фигурка с мягким ореолом белых ворсинок на голове и тонкими, чуть разведенными в стороны зеленоватыми руками... Одинокий росток иной жизни под пристальным взглядом занятого людьми пространства...

Не скоро же теперь она попадет домой! Да и меня тоже вряд ли быстро отпустят. Ну ничего, будем утешаться тем, что навсегда войдем в историю!

Я подошел и взял ее за тонкие пальцы, ожидая волны страха, но вместо этого почувствовал интерес и обращенную ко мне ярко-зеленую улыбку — в том, что Лилия не боялась, была и моя заслуга.

— «Олсо», бортовой номер 1236-5с, приготовиться к стыковке.

— К стыковке готов, — ответил я и подумал, что как бы ни сложились отношения между людьми и разумными растениями, одно уже известно наверняка.

Понимание возможно!

Видеодром

НЕ В БОГА, ТАК ХОТЯ БЫ В ДАРВИНА...

Красивым женщинам очень часто прощают глупость. Особенно их поклонники. Однако истинные киномены обычно не столь покладисты...

Фильма «Прометей» ждали. Было известно, что Ридли Скотт снимает приквел «Чужого», причем изначально в 3D-варианте, в отличие от многих фильмов, снятых по старинке, а потом переведенных в модный стандарт. То есть предполагалось, что на экраны выйдет нечто незаурядное. Тем сильнее оказалась разочарование...

Открывается фильм красивой, очень фактурной и стильно снятой сценой-прологом, понять содержание которого можно, только досмотрев картину до конца, да и то методом исключения. Но это понимание, кажется, способно в равной мере оскорбить чувства истинно верующего человека и покоробить просвещенного атеиста ..

Все пафосно и эпично. Белесый гигант выходит на край обрыва, выпивает из баночки столь же красивую и фактурную муть, после чего начинает распадаться на молекулы. Он падает в воду и продолжает разлагаться там — вплоть до

ДНК. Судя по всему, это и есть акт творения.

Когда нет веры ни в Бога, ни в науку, буйным цветом расцветает мракобесие — красивое, фактурное и стильное. А с ним бок о бок идет заурядная бытовая глупость...

Умиравший от старости магнат снаряжает экспедицию на планету, с которой, как предполагается, прилетели создатели рода человеческого, чтобы те подарили магнату бессмертие (а почему, собственно, они обязаны это делать?).

Участники экспедиции на незнакомой планете ведут себя как дома. На базе инопланетян исследователи, убедившись, что кислорода достаточно, смело снимают шлемы. Их не смущает, что инопланетяне здесь от чего-то погибли. Ученые со степенями в заведомо агрессивной среде ведут себя, как школьники на пикнике. Да что там, сам доктор антропологии выглядит, словно рэпер. Дисциплина отсутствует напрочь. Большинство участ-

ников экспедиции — полные социопаты и хамы, каждой своей репликой демонстрирующие пренебрежение к ближним.

Участники вылазки на планету расходятся: трое остаются, а двое уходят на корабль. И не доходят. Причем один из них — геолог, который как раз и выпустил механических «щенков», нарисовавших 3D-карту базы. Уж кто-кто мог заблудиться, но не он. Ночью путники обнаруживают странную форму жизни — не то змею, не то червя. И радостно тянут к существу руки. В том числе биолог, который вроде бы должен создавать опасность контакта с неизвестной формой жизни!

Не менее нелепо поведение героя-андроида. Это личный слуга старого олигарха — улыбается всем, но подчиняется только ему. За время полета он изучает все древние языки, что позволяет довольно быстро разобраться во всей инопланетной технике и технологии. Языки-то он знает, да только вряд ли создатели рода человеческого учили всем своим премудростям кроманьонцев, которые жили на Земле 35 тысяч лет назад. А именно так был датирован последний визит инопланетян. Андроид подбирает сосуд с черной жидкостью и хладнокровно добавляет каплю в вино (спрашивается, зачем?) упомянутому выше доктору антропологии, который до этого момента казался главным героем картины. Не тут-то было: на следующий день он умирает в корчах.

Правда, успевает оплодотворить свою подружку. У нее стремительно растет плод. И смелая женщина сама себе делает кесарево сечение! Медицинский робот, рассчитанный на лечение мужчин, взрезает ей брюшину, вынимает маленького монстра и сшивает разрез скрепками. Авторы не предполагают наличие у женщины под брюшиной каких-то внутренних органов, в первую очередь детородных.

В какой-то момент герои понимают, что столкнулись с оружием, с помощью которого инопланетяне хотели погубить землян, но не успели. Как поняли? Не ясно. Зачем сначала создавать, а потом уничтожать? Выяснить причину подобной нелепицы улетает последняя выжившая землянка (которую в эти моменты гримеры особенно старались сделать похожей на Сигурни Уивер), прихватив оторванную голову андроида...

Странно, что одно и то же биологическое оружие в разных случаях действует по-разному. Одних ест, в других вселяется, третьих заставляет мутировать...

В течение финальных минут фильма последний выживший инопланетянин сражается с монстром — и в результате этой схватки появляется... знакомый нам чужой. Так новое существо родилось в результате не акта любви, но акта войны...

Сколько же нелепостей можно наворотить, если не верить ни в Бога, ни в Дарвина!.. А так фильм красивый, особенно в 3D.

Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ

БЕЛЫЙ ТИГР

Производство компаний «Мосфильм» и «Курьер» при поддержке Министерства культуры РФ (Россия), 2012.

Режиссер Карен Шахназаров.

В ролях: Виталий Кищенко, Алексей Вертков, Владимир Ильин, Александр Вахов и др. 1 ч. 44 мин.

Мистика в фильмах о Великой Отечественной войне встречается редко, тем более на современном экране. Неудачная поделка «Прошедший через огонь» украинских кинематографистов, провалившаяся не только в прокате, но и на артхаусных фестивалях-тусовках, казалось, могла поставить крест на этом жанре — как минимум, на территории бывшего СССР. Но ведь не могло такое великое трагическое событие эпохального уровня не породить своей иррациональной культуры, своей мистико-конспирологической тайны.

До сих пор все подобные попытки или погибали под пропагандистским давлением, как у нас, в СССР, или превращались в лукавые хохмочки, вроде трилогии о замке Шпессарт в ФРГ. Но вот на экраны выходит лента Карена Шахназарова «Белый тигр», Неожиданно, ярко и корректно режиссер окунает нас в реалии войны, которые кажутся документальными кадрами, С первых секунд становится понятно, что не будет набивших оскомину гиперболизированных придумок о кровавом НКВД или, наоборот, суперменах Смерша. Это фильм о психологии войны. О том, как она меняет человека не только физически, но и ментально. И еще о легендах войны. Наверное, в те времена похожие истории рассказывали в окопах. Легенды о мертвом фашистском танке и бессмертном русском солдате.

Не хочется раскрывать ни одного сюжетного поворота фильма: он построен по той логической схеме, которая не терпит спойлеров и подсказок типа «убийца — дворецкий». Надо просто посмотреть эту картину, чтобы в итоге понять, о чем она. О нашем сегодняшнем дне. О том, что нас всех ждет за углом «Белый тигр» и уйти с линии огня этого танка нельзя. Невозможно, если только русский солдат Иван не выйдет на вечное единоробство. И пока он не сожжет этого «Белого тифа», до тех пор война не кончится. До тех пор будут кричать на наших улицах «убей русско-го» и «зиг хайль». Поединок Тигра Т-VI и нашего Т-34 продолжается.

Сергей Слюсаренко

(NAZIS AT THE CENTER OF THE EARTH)

Производство компании Global Asylum (США), 2012.

Режиссер Джозеф Дж. Лоусон.

В ролях: Джош Аллен, Джейк Бьюзи, Доминик Сүэйн и др.

1 ч. 29 мин.

Студия Asylum, славящаяся своими низкобюджетными «клонами» раскрученных франшиз, на этот раз решила оседлать модную нацистскую тему. Столь откровенный бред, пожалуй, не демонстрировали со времен Эда Вуда. Ведь съемки заняли всего пару недель. И, как водится, никакого смысла и логики в фильме не предполагалось. Сценаристом и на этот раз выступил Пол Бейтс — один из наиболее перспективных деятелей киностудии. Он и теперь не подкачал: угарный трэш про подземных фашистов дополнил список идиотических альтернативок про Третий рейх.

Один замысел чего стоит! Несколько ученых в Антарктиде были похищены нацистскими штурмовиками и перенесены ими в скрытый континент в недрах Земли. Оказывается, после Второй мировой войны сюда перебрались выжившие гитлеровцы во главе с доктором Менгеле, прихватившим с собой из гитлеровской Германии баллон с секретным содержимым, За прошедшие с момента капитуляции почти семьдесят лет плоть выживших фашистов начала распадаться. Доктору Менгеле нужны новые тела, чтобы заштопать своих воинов и, разумеется, завоевать Землю, устроив Четвертый рейх. Перед зрителем экспонируется уже даже не трэшевый стеб, а откровенный горячечный бред. Что, впрочем, не помешало за десять копеек сделать довольно «смотрибельное» полотно с фрагментами стимпанковского антуража — к примеру, латунный зомби-андроид с башкой воскресшего фюрера выглядит весьма впечатляюще.

Конечно, подходить к продукции Asylum с позиции здравого смысла не стоит. Для любителей трэша подобные фильмы как глоток бензинового выхлопа. Чем серьезнее отношение к конечному результату этого редкостного бреда — тем беспомощнее и бестолковее ощущение от просмотра. Но вот если подходить несерьезно... С этой точки зрения, киностудия Global Asylum создает настоящие шедевры. Для поклонников жанра.

Вячеслав Яшин

МРАЧНЫЕ ТЕНИ

(DARK SHADOWS)

Производство компаний Warner Bros., Village Roadshow Pictures и др. (США), 2012.

Режиссер Тим Бартон.

В ролях: Джонни Депп, Мишель Пфайффер, Хелена Бонэм Картер, Элис Купер и др.

1 ч. 53 мин.

Странные готические истории больше всего удаются таким, как Тим Бартон, — тем, кто способен по-детски взглянуть на привычные обыденные вещи незамутненным, незамыленным взглядом. Он и сам говорит, что снимает то, о чем мечтал и что любил в детстве. Так было с фантиками и вкладышами от жвачек, подвигнувшими его на фильм «Марс атакует», так случилось и с фильмом «Мрачные тени», снятым по мотивам культового одноименного сериала конца 1960-х.

Впрочем, Джонни Депп, по слухам, с детства являющийся безумным поклонником главного героя, уговорил своего друга и коллегу снять адаптацию сериала для большого экрана. А уж если к двум профессионалам присоединяется третий (соавтором сценария стал известный литературный пародист, автор нашумевших мэшапов Сет Грэм-Смит), то в итоге можно ждать шедевра. К сожалению, до шедевра тут далеко.

Заточенный в гробу на два века бывший ловелас, отпрыск известного рода Барнабас Коллинз, проклятый соблазненной и брошенной им ведьмой, выходит на свет. Возвратившись в родовой замок, он встречает своих неблагополучных и обедневших потомков..,

Чудесные диалоги, смешной и легкий сценарий гипнотически воздействуют на зрителя, и даже если вы не видели оригинального сериала (а большинство отечественных зрителей даже не слышали о таковом), история наверняка придется по вкусу. И в первую очередь благодаря игре несравненной Мишель Пфайффер, супруге Бартона Хелен Бонэм Картер и воплотившей образ бессмертной ведьмы Еве Грин Ну, а в вампире есть что-то от Суини Тодда, Именно неизменность образов Джонни Деппа вызывает противоречивые чувства. Вроде бы все на своем месте, а искорки нет.

Вячеслав Яшин

Мечте навстречу

Очередная «серия» многосерийного кинообзора, посвященная экранизациям отечественной литературной фантастики 1950—1970 годов, представляет самый яркий и плодотворный ее период. «Золотой век» советской фантастики, увы, оказался до обидного кратким. Он продлился меньше двух десятилетий, если вести отсчет с выхода ефремовской «Туманности Андромеды» до середины 1970-х.

В это время недолговечная хрущевская «оттепель» успела безвозвратно кануть в Лету. Что касается фантастики, то отныне перед каждой новой книгой Стругацких, как и перед их героями, открывались лишь «глухие кривые окольные тропы». А бал правили оккупанты, засевшие в приснопамятной «Молодой гвардии». Они яростно уничтожали идейно вредную, по их мнению, фантастику «космополитов Натановичей», прикрываясь, как знаменем, именем «истинного славянина» Ивана Антоновича. Как относился к это-

му шашу сам автор «Туманности Андромеды», неведомо, ибо к тому времени он уже оказался бесконечно далеко от баталий, бушевавших на грешной земле.

Может быть, главной ошибкой режиссера Евгения Шерстобитова, взявшегося экранизировать «Туманность Андромеды», был выбор времени для экранизации. Фильм вышел в 1967-м, а за прошедшее десятилетие в нашей фантастике произошла подлинная «смена вех». Сними Шерстобитов свой фильм по горячим следам, когда роман Ефремова оста-

** До этого вышли обзоры Вл. Гакова экранизаций отечественной дореволюционной (№4, 2007) и ранней советской фантастики (№12, 2011). А также отдельные обзоры экранизаций классиков за подписью иных киноведев: Алексея Толстого, Беляева, Грина, Булгакова, Шварца, Стругацких и Булычёва. (Прим. ред.)*

вался практически единственным и безальтернативным образцом желанного будущего для многочисленных советских читателей фантастики, — и, глядишь, судьба картины оказалась бы иной. Но к середине 1960-х вектор советской утопии значительно сместился: на фоне «Полдня» Стругацких роман Ефремова с его декларативной патетикой и отсутствием живых людей (наличия смелых и оригинальных идей никто не отрицал ни тогда, ни после) смотрелся явным анахронизмом. А уж когда все было перенесено на экран, и актерам пришлось выговаривать это вслух... Короче, в результате вышел не просто провальный фильм, в те времена это выглядело дурной пародией!

Кажется, это в полной мере осознали и создатели картины. Первоначально она задумывалась как первая часть кинодилогии (оригинальное название звучало почти по Лукасу: «Туманность Андромеды. Часть 1. Пленники железной звезды»), И отказ режиссера от работы над вторым фильмом — официально из-за кончины исполнителя одной из главных ролей Сергея Столярова — все восприняли как должное.

Картонные декорации — это еще полбеды, хотя более убогие картины далекого земного будущего (пионерского лагеря «Ар-

тек») и дальних космических миров, казалось, трудно вообразить. Читатели романа Ефремова еще могли включить собственную фантазию, представляя себе гигантских инопланетных «медуз», поражающих энергетическими разрядами, или пламенный эротический танец Веды Конг — своего рода «культурное послание» землян Великому Кольцу. На экране же в качестве инопланетных монстров зрители увидели бесформенные тени-кляксы, а вместо танца — анимацию, примитивную даже по меркам шестидесятых. И самое главное, по советски ханжескую: раздеть народную артистку Вию Артмане и заставить ее в таком виде плясать для гипотетических зрителей с далеких планет постановщики не решились.

Главным же фактором, обеспечившим провал картины, стали картонные образы. В книге они не вызывали такого раздражения, но в кино, стоило героям открыть рот, как текла трибунная речь — либо научпоп, либо поток банальностей. Не спасли фильм даже единичные находки, вроде замеченного уже современными зрителями некоего прообраза ноутбука на столе Дара Ветра в исполнении Столярова.

Напротив, двухсерийный фильм «Бегство мистера Мак-Кинли» (1975) в целом можно считать уда-

чей, что нашло отражение и в официальном признании: создатели картины были награждены Государственной премией.

Правда, и режиссер, и сценарист на сей раз были другой «весовой категории» — Михаил Швейцер и Леонид Леонов. Видный советский прозаик переделал собственную одноименную киноповесть, опубликованную еще в 1961 году, убрав из нее явные пропагандистские клише. Помог фильму и звездный актерский состав: Донатас Банионис, Борис Бабочкин (последняя роль в кино), Алла Демидова, Игорь Кваша, Леонид Куравлев. Не говоря уже о Владимире Высоцком, сыгравшем как бы самого себя — уличного барда, для чего он специально написал девять баллад, из которых в фильм вошли не все.

Что до собственно фантастики, то она пронизывает картину сюжетно и идейно, но сведена к минимуму в антураже*. Но финальные сцены пробуждения героя после трех столетий, проведенных в анабиозе, впечатляют и сегодня. Взору мистера Мак-Кинли, решившего сбежать из своего кошмарного настоящего в обещанное благоустроенное будущее, предстают не цветущие сады, а вы-

жженная ядерными взрывами бесплодная пустыня. Это первая отечественная картина, в которой показан мир после глобальной катастрофы.

Правда, в нашем прокате фильм вышел с относительно благополучной концовкой: оказалось, что апокалиптический кошмар герою фильма просто приснился. Однако на Московском кинофестивале был показан другой вариант. На сей раз обывателю-беглецу из прошлого не дают выйти на поверхность планеты из помещения «хранилища замороженных», сальватория, позволив лишь взглянуть одним глазком на то, что сотворили с планетой его современники. После чего учиняют своего рода моральный суд над человеком XX века, когда и случился ядерный апокалипсис. Эти же кадры каким-то чудесным способом перебрались и на рекламный постер — отчего многие зрители специально пересматривали картину в поисках «апокалиптических кадров», но безуспешно...

* * *

Если говорить о лидерах научно-фантастического поколения шестидесятых (исключая, разумеется, Стругацких и Булычёва: эк-

* Так, Мак-Кинли довольствуется советской электромеханической счетной машинкой "Быстрица-2". А «мир Запада» смотрится как виды Будапешта, где и снимались многие сцены. (Здесь и далее прим, авт.)

ЭКРАНИЗАЦИЯ

ранизациям их произведений посвящены отдельные обзоры), то сравнительно повезло в кино Северу Гансовскому. Четыре обращения кинематографистов и телевизионщиков к творчеству этого писателя — ив итоге две беспорные удачи и две относительные. Неплохой счет!

Телеспектакль «Голос» (1968), поставленный по сценарию самого автора одноименного рассказа, стал моноспектаклем Владимира Этуша. Пожилой итальянец-портной в результате уникальной хирургической операции становится обладателем дивного голоса — лучше, чем у самого великого Карузо! — но затем теряет свой дар. Тут работает сюжет, а не декорации и антураж. То же можно сказать о гэдээровском фильме «Визит к Ван-Гогу» (1985) режиссера Хорста Земана по повести Гансовского «Ван-Гог» (ее автор стал и соавтором сценария). В этой картине сюжет держат многочисленные логические парадоксы, связанные с путешествием во времени, а также попытки их разрешения. Так что если перед создателями фильма и стояли задачи достоверного антуража, то касались они воссоздания не будущего, а прошлого — эпохи, в которую жил и творил великий художник. С чем немецкие кинематографисты в общем и целом справились.

Событием в советской мультипликации стал «Полигон» (1977) режиссера Анатолия Петрова. В мультфильме сознательно усилен сатирический мотив одноименного рассказа Гансовского — произведения жесткого (что неудивительно: автор — ветеран и инвалид войны). А главная идея рассказа — любое оружие со временем начинает стрелять само, без учета желаний своего хозяина — думающему советскому зрителю могла показаться вполне пацифистской.

И наконец, еще одна удачная экранизация знаменитого рассказа Гансовского — фильм «День гнева» (1985). Наверное, это была одна из первых советских кинокартин, где научная фантастика ощутимо разбавлена элементами другого киножанра, коему на наши экраны пробиться было еще труднее, — фильма ужасов. С чем постановщики успешно справились, умело нагнетая атмосферу саспенса, для тогдашнего отечественного кино непривычную.

* * *

Вообще, советской приключенческой фантастике указанного периода в кинематографе повезло в том плане, что такие произведения экранизировали много и охотно. Благо в большинстве случаев никакой особенной изобретательности режиссерам, худож-

никам, декораторам и создателям спецэффектов демонстрировать не было нужды — вся «фантастика» заключена в сюжете. А снимать приключенческие и детективные истории про «их нравы» у нас к тому времени научились.

Экранизации «Полной переделки» Зиновия Юрьева (фильм «Идеальное преступление» по сценарию самого Юрьева) и «Фирмы приключений» Павла Багряка так и остались в истории нашего кинематографа добротными приключенческими боевиками. В истории отечественной кинофантастики следа они практически не оставили — за почти полным отсутствием в них какой-либо фантастики (оба фильма предьявил зрителям режиссер Игорь Вознесенский, причем один за другим, в 1989 и 1991 годах, соответственно).

Более талантливый фильм «Отступник», поставленный в 1987 году Валерием Рубинчиком по мотивам повестей того же Павла Багряка, вышел куда более фантастичным, в основном за счет общей атмосферы и настроения. Сюжет, казалось бы, тот же — «детективно-приключенческая НФ», а атмосфера в картине, созданной белорусскими кинематографистами в содружестве с западно-германскими, была сконструирована почти мистическая, как в хорошем «ужастике». Впрочем, от

режиссера завораживавшей «Дикой охоты короля Стаха» зритель иного и не ждал.

Никакой фантастики не разглядеть в фильме «Под созвездием Близнецов» (1979). Это до предела приземленная экранизация романа Юрия Росоховатского «Гость». От его цикла о «синтетических людях» (сигмомах) студия имени Довженко оставила лишь научпоп (академики читают лекции для не столь продвинутой киноаудитории), милицейский детектив с элементами комедии плюс образ «советского Терминатора». Который, в отличие от героя Шварценеггера, ничего не крушит и никогда не «мочит», тем более не спасает мир. А напротив, маятся метафизическими вопросами бытия, являет необычный для исторического существа абстрактный гуманизм.

Единственной «фантастикой» — причем этически сомнительной — остались сделанные под кинохронику кадры подъема на борт американского военного судна штатовской же космической капсулы, потерпевшей аварию при возвращении на Землю. И скорбный взгляд обычно улыбающегося Георгия Гречко (главного консультанта фильма, кстати)! оказавшегося на том же корабле во время извлечения мертвых тел из капсулы.

В реальности, как известно, американцы мертвыми из космических полетов не возвращались. В отличие от наших космонавтов... Конечно, подобную вроде бы незначительную подмену можно оправдать временем: холодная война, идеологический диктат...

Зато настоящей удачей приключенческой кинофантастики, на сей раз самой что ни на есть science fiction, стала экранизация повести Александра Мирера «Главный полдень». Трехсерийный фильм «Посредник» по сценарию писателя, основательно переработавшего свою повесть для детей. А в картину «для взрослых» ее окончательно превратил режиссер Владимир Потапов. Впервые ленту показали по центральному телевидению в 1990 году.

На внешне предельно реалистическом фоне режиссер вместе с художником-постановщиком «замутили» такой саспенс, такую фантастику, которая удовлетворила бы самого придирчивого современного фэна. Чего стоит одна проводимая рефреном мысль о том, что операции подсаживания чужого инопланетного разума в тела земных носителей (иначе говоря, зомбирование) почти не поддаются выбивающиеся из общей массы личности — «дети, гении и сумасшедшие»! А то, что изображенная в подчеркнуто

мрачной коричнево-серой гамме провинциальная советская действительность на экране выглядела уже как бы и не совсем советской, делало честь пророческому дару постановщиков.

* * *

Увы, по поводу двух других экранизаций советской приключенческой фантастики добрые слова никак не находятся...

Оба фильма представляют собой экранизацию романов Сергея Павлова. Но если роман «Акванавты» был добротной литературной научной фантастикой, а одноименная экранизация 1979 года добротной же science fiction (с неплохими для своего времени подводными съемками и весьма умеренной «пропагандистской» линией), то с «Лунной Радугой» — литературной и кинематографической — все куда сложнее.

Фильм вышел в 1983 году, К тому времени Павлов из талантливых начинающих превратился не только в мэтра, но и в одно из «знамен», которыми размахивали те самые «молодогвардейцы» в своей неустанной идейной борьбе с «Натановичами». Естественно, для экранизации столь правильного в идейном отношении романа средств не пожалели.

Тем более что вознамерился экранизировать космическую эпо-

пею 27-летний Андрей Ермаш. Не лауреат, а всего лишь вчерашний студент ВГИКа. Но зато сын тогдашнего главы Госкино. Ему помогал не только папа, но и целая отечественная киноиндустрия. Сценарий Павлова и Ермаша «доводил до ума» настоящий мастер Валентин Ежов, снимал фильм такой же мастер Наум Ардашников, музыку написал Эдуард Артемьев, а комбинированные съемки ставил непревзойденный Борис Травкин. Да и актерский состав говорил сам за себя: Гостюхин, Ливанов, Соломин, Старыгин, Тараторкин... А «земное будущее» группе позволили снимать в Токио.

В итоге всех этих совместных усилий (в титрах значится еще и «режиссер В.Карпичев»: очевидно, речь идет о заслуженном водлазе и постановщике подводных съемок в десятках фильмов Владимире Карпичеве) вышла фантастическая невнятица. Во всех отношениях: эстетически, содержательно, идейно, научно. Местами эффектная (все-таки деньги в картину были вложены немалые, да и к созданию ее приложили руку по большей мере люди талантливые), но абсолютно невразумительная — особенно для зрителя, романа не читавшего.

Сам Павлов потом заявлял, что сценарий погубили Ермаш и Ежов. Критика, потупив взор, отмечала

молодую дерзость режиссера-дебютанта. Снимавшиеся в фильме актеры в частных беседах (в одной из них участвовал и автор этих строк) признавались, что на съемках сами советовали режиссеру, как лучше снять ту или иную сцену... при этом почти не понимая, что им самим предстоит играть. Наверное, единственным, кого картина удовлетворила полностью, было киноначальство во главе с Ермашом-старшим. Именно такой они видели в идеале «научную фантастику». Чтоб с огоньком! С «навороченной» космической техникой, российскими богатырями-космонавтами, готовыми оставить на пыльных тропинках далеких планет не только следы, но и красные флаги. С летящими на тебя, как фонарные столбы, звездами. И даже с модными идеями по поводу экстрасенсорных сверхспособностей...

Наверное, фильм еще смогли бы «докрутить», но на горизонте уже маячило пришествие горбачевской перестройки, и очень скоро об этом киноказусе все благополучно забыли. Печальнее всего, что на долгое время забыли и обо всем отечественном кинематографе. И в значительной степени навсегда предана забвению тогдашняя советская фантастика. В которой, стоит напомнить, были не только Павлов с компанией...

* * *

И напоследок для полноты картины — о фильмах по оригинальным сценариям, а также об экранизациях детской фантастики.

Сценарий фильма «Мечте навстречу» (1963) написала личность колоритная и по причинам, о которых ниже, забвению преданная принудительно. Хотя поначалу украинскому писателю Олесю Берднику если что и мешало, так это претензии критиков, причем по большей части не идеологические, а художественные. Если бы не увлечение «космического мыслителя» правозащитной деятельностью.

Поначалу драматический актер и сценарист, затем писатель, мистик и теософ прославился и как один из лидеров правозащитного движения на тогда еще Советской Украине. Он успел отсидеть и при Сталине, сел и во времена Брежневца, после того как организовал «Украинскую Хельсинскую группу». После публичного покаяния был выпущен, поколесил по свету и уже в нынешней незалежной создал «Украинскую Духовную Республику», назначив себя ее президентом. В каковом статусе незадолго до смерти в 2003 году выдвигал свою кандидатуру в президенты уже всей «бездуховной» Украины.

Но в 1963-м обо всем этом трудно было и помыслить. И известный на

Украине фантаст написал оригинальный сценарий к фильму, который поставили режиссер Михаил Карюков и актер Отар Коберидзе, сыгравший в картине одну из главных ролей. Получился гламурно-патриотический китч. С прекрасной инопланетянкой, летевшей вместе с соплеменниками на Землю (земная песня, перехваченная ими в космосе, вдохновила!), но потерпевшую аварию на Марсе и спасенную там отважными землянами. Естественно, нашими, хотя и с помощью иностранных астронавтов, но не американцев, а почему-то французов.

Об этом фильме можно было бы и не вспоминать, если бы не вполне приличные для своего времени космические декорации. И еще надолго вошли в наш тогдашний быт песни из фильма, ставшие шлягерами: «И на Марсе будут яблони цвести», «Я — Земля» Ванно Мурадели на слова Евгения Долматовского, а также «Четырнадцать минут до старта» Оскара Фельцмана на слова Владимира Войновича, Ну да, та самая, про «пыльные тропинки далеких планет». Мало было киностудии приглашать автором сценария будущего «украинского националиста», так в титрах значился еще один будущий диссидент! В итоге встречу с мечтой на десятилетия положили «на полку»...

К политической кинофантастике можно отнести фильм признанного мастера Саввы Кулиша «Комитет 19-и» (1971) по оригинальному сценарию другой колоритнейшей личности — Михалкова. Того самого — отца! Во всяком случае это была одна из первых картин в нашем кинематографе, где говорилось об экологической катастрофе в результате разработок новейшего бактериологического и химического оружия. Несмотря на положенные идеологические клише, фильм стал одним из рекордсменов проката: каждую серию посмотрело более 17 миллионов зрителей.

А фантастическая пьеса Михалкова-старшего для детей «Первая тройка, или Год 2001-й...» стала основой фильма «Большое космическое путешествие» (1974). Он также запомнился песнями, на сей раз Алексея Рыбникова «Ты мне веришь или нет?», «Млечный Путь». Как и актерским дебютом и единственной ролью в кино будущей известной пианистки Людмилы Бер-

линской. А вот что касается космического антуража, то фильму просто не повезло — в том же году вышла еще одна картина, посвященная приключениям детей в космосе. И полностью его затмила. Это была первая часть кинодилогии мастера отечественной кинофантастики Ричарда Викторовича «Отроки во Вселенной»...

И коли речь зашла о детской кинофантастике*, то остается хотя бы кратко упомянуть две экранизации фантастических повестей Евгения Велтистова — фильм «Гум-Гам» (1985) и поистине культовый телесериал «Приключения Электроника» Константина Бромберга, вышедший на три года раньше. О них на страницах журнала много писали, и добавить, по сути, нечего. Разве что напомнить, что проживающий ныне в Штатах режиссер Бромберг недавно вроде бы грозился снять аж 30-серийный сиквел к своей популярнейшей картине.

Вл. ГАКОВ

** Для полноты картины следует упомянуть две экранизации сказочно го цикла Александра Волкова "Волшебник Изумрудного города". В 1974 году был выпущен 10-серийный мультипликационный фильм «Волшебник Изумрудного города, а спустя 20 лет вышел фильм режиссера Павла Арсенова. Удалась экранизация автобиографической повести Вадима Шефнера "Счастливый неудачник". Одноименный фильм 1993 года остался верен литературному первоисточнику, в котором единственным фантастическим элементом является сама жизнь.*

ФИЛЬМОГРАФИЯ

1. «Мечте навстречу» (1963). Реж. М.Карюков и О.Коберидзе.
2. «Туманность Андромеды» (1967). Реж. Е. Шерстобитов.
3. «Голос» (1968). Телевизионный фильм-спектакль.
Реж. А.Ремизова.
4. «Комитет 19-и» (1971) (2 серии). Реж. С.Кулиш.
5. «Большое космическое путешествие» (1974) (2 серии).
Реж. В.Селиванов.
6. «Волшебник Изумрудного города» (1974) (10 серий —
мультфильм). Реж. Л.Аристов. А.Боголюбов, Ю.Калишер.
Ю.Клепатский, К.Малянтович. К.Сулакаури, Ю.Трофимов.
7. «Бегство мистера Мак-Кинли» (1975) (2 серии).
Реж. М.Швейцер.
8. «Полигон» (1977). Мультфильм. Реж. А.Петров.
9. «Под созвездием Близнецов» (1979). Реж. Б. Ивченко.
10. «Акванавты» (1979). Реж. И.Вознесенский.
11. «Приключения Электроника» (1980). (3 серии —
телевизионный фильм). Реж. К. Бромберг.
12. «Лунная Радуга» (1983). Реж. А.Карпичев, А.Ермаш.
13. «Визит к Ван-Гогу» (1985) (ГДР). Реж. Х.Земан.
14. «День гнева» (1985). Реж. С.Мамилов.
15. «Гум-Гам» (1985). Реж. О.Ерышев.
16. «Отступник» (1987). Реж. В.Рубинчик.
17. «Идеальное преступление» (1989). Реж. И.Вознесенский.
18. «Посредник» (1990) (3 серии). Реж. В. Потапов.
19. «Откровение Ивана Ефремова» (1990). Документально
исторический фильм. Реж. Н.Гульчук.
20. «Фирма приключений» (1991). Реж. И.Вознесенский.
21. «Счастливый неудачник» (1993). Реж. В.Быченков.
22. «Волшебник Изумрудного города» (1994). Реж. П.Арсенов.
23. «Человек Эры Кольца. Иван Ефремов» (2007)
(документальный телефильм). Реж. Д. Чуваев.

К Е Н Л Ю

ИСЧИСЛЯЕМЫЙ

Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

Большинство людей сочли бы этот момент рациональным, подумал Дэвид. Комната для допросов выглядела совсем как в телесериалах: все выкрашено серой краской, из мебели только стол и складные стулья, залитые резким светом ярких люминесцентных ламп. Но в сериалах никогда не упоминался запах антисептика для мытья полов, безуспешно пытающийся замаскировать пропитавший все запах отчаявшихся, потных тел, прошедших через эту комнату.

Сидящая за столом напротив женщина-адвокат разговаривала с его матерью, которая рядом с ним тихонько плакала. Она, наверное, думала, что они обсуждают нечто очень важное и адвокат дает здравые советы, но Дэвида ее слова мало интересовали. Время от времени его сознания достигали обрывки их разговора, и он позволял им проплывать мимо, как листьям в пруду.

...психологическая оценка... он останется в системе для несовершеннолетних...

Дэвид не смотрел на лицо адвоката. Он редко находил что-либо полезное в лицах людей. Его больше заинтересовали пуговицы на ее синем пиджаке. Там были три большие пуговицы, все черные. Верхняя и нижняя — круглые, а средняя — квадратная.

...немного странный... тихий, робкий, застенчивый...

Он не тревожился. Он не испугался, когда сирены зазвучали все громче, и мать открыла дверь, и вспышки полицейских мигалок хлынули в гостиную, где он сидел на кушетке и ждал. Мать была в ужасе и смятении, а малышка, ощутив ее тревогу, снова заплакала. Он стал ее баюкать и попытался объяснить, что плакать нет причины. Большинство моментов не рационально, шептал он ей, и этот не исключение.

...недиагностицированный... высокофункциональный... на фоне жестокого обращения...

Наверное, дизайнер намеревался сделать квадратную пуговицу такого же размера, что и круглые. Это старая проблема: квадратура круга. Может быть, такой дизайн подразумевал шутку? Но вряд ли. Чужой юмор его всегда смущал. Возможно, дизайнера эта проблема интересовала так же, как и его, — как заявление о красоте математики, подсмотренной сквозь вуаль.

...прощение... досудебное слушание... необходимая оборона... показания экспертов...

Разумеется, возвести круг в квадрат невозможно. Для этого нужен квадратный корень из «пи». Но «пи» — число не рациональное. Оно даже не просто иррациональное. Оно не конструктивное. Оно не ал-

гебраическое, поэтому неспособно стать корнем какого-нибудь полинома, змеящегося по декартовой плоскости. Это число трансцендентное. И все же тысячи лет люди бились над бессмысленным делом, пытаясь достигнуть невозможного.

Он устал стремиться к невозможному — сделать мир рациональным.

Почти все числа в мире трансцендентные, как «пи», но большинство людей не обращают на это внимания. Они озабочены рациональными числами, хотя те всего лишь рассеяны бесконечно малыми островками в трансцендентном море.

Его разум дрейфовал куда-то из точки настоящего, и он не стал его удерживать. Эти предположительно рациональные моменты его не интересовали. Они составляли такую малую часть жизни...

* * *

Сколько он себя помнил, у него всегда были проблемы с людьми. Он думал, будто понимал то, что они ему говорили, но часто оказывалось: это не так. Слова иногда имели смысл, противоположный толкованию в словаре. Люди злились на него — как ему казалось, без причины, — хотя он слушал очень внимательно и отвечал как можно осторожнее. Он никак не мог вписаться в этот мир. Его злили и приводили в отчаяние кажущаяся иррациональность мира и тот факт, что для него мир не имел смысла столь же значительного, как для других. И тогда он ввязывался в драки, в которых не мог победить, потому что не понимал, зачем дерется.

— И что это значит? — спросила Бетти. — С Дэвидом что-то не в порядке?

Дэвид почувствовал, как мать сжала его руку. Он был рад, что и для матери слова директора школы тоже не имеют смысла.

— Ну, я бы так не сказал. Не совсем так. Дэвид продемонстрировал трудность к установлению контакта со сверстниками. Он воспринимает все настолько буквально, что... Мы лишь считаем: его следует правильно оценивать.

— С ним все в порядке, — заявила Бетти. — Он робкий. Вот и все. Его отец умер. Такое на кого угодно хоть немного, но повлияет.

Постепенно до него дошло, что люди ведут два разговора одновременно: один словами, а другой сигналами, выглядящими нелогично, — интонациями, углом наклона головы, направлением взгляда, скрепчиванием ног, переплетением пальцев...

Он оказался глух к этому языку внутри языка, не имея понятия о правилах, которые все воспринимали как должное.

После долгих мучений он все же сформулировал точные аксиомы и вывел сложные теоремы насчет другого, бессловесного языка. У него

ушли годы проб и ошибок, чтобы создать систему более-менее работающих правил. Следуя им, он не привлекал к себе внимания. Он научился создавать видимость того, что пытается, но не очень упорно. И это сделало среднюю школу безопасным местом — по большей части.

В идеале, он хотел бы получать четверки по всем предметам, чтобы раствориться в анонимности толпы, но с математикой это было очень трудно. Ему всегда нравилась математика за ее конкретность, рациональность, четкое ощущение правильного и неправильного. Сделать сознательную ошибку в контрольной работе было выше его сил. Это выглядело предательством. Лучшее, что он смог придумать, — стирать ответы на несколько задач в каждой контрольной, уже решив их все.

— Дэвид, задержись, пожалуйста, после уроков, — попросила мисс Ву, когда прозвенел звонок. Несколько учеников бросили на него милые взгляды, гадая, в какую неприятность он вляпался. Но класс быстро опустел, а Дэвид остался в одиночестве за партой.

Мисс Ву, студентка-практикантка, оказалась в школе всего на семестр. Молодая и красивая, она школьникам понравилась. Мисс Ву еще не успела набраться циничности, и ученики пока были ей интересны.

Она подошла к парте и положила перед ним листки с контрольной.

— У тебя на последней странице правильные ответы, но ты их стер. Почему?

Дэвид осмотрел страницу. Она была пуста. Как же мисс Ву узнала? Он всегда соблюдал осторожность: легко нажимал на карандаш и тщательно стирал, оставляя как можно меньше следов — так он поступал со всем в жизни.

— Обходя класс во время контрольной, я увидела, что ты написал правильные ответы. И ты закончил решать задачи намного раньше остальных в классе. Потом ты просто сидел, глядя перед собой, пока половина учеников не сдала контрольные. И я увидела, как ты стираешь ответы, прежде чем сдать свою работу.

Дэвид промолчал. Ему нравилось, как его омывает голос мисс Ву. Он представил его в виде графика полинома, плавно поднимающегося, а потом опускающегося. Паузы в ее речи были корнями — в тех местах, где график пересекал ось «х».

— Знаешь, нет ничего плохого в том, чтобы чем-то интересоваться. — Она опустила руку ему на плечо. От нее пахло свежестыраным бельем, летними цветами. — Уметь что-то делать хорошо.

Уже очень давно никто не обращал на него внимания просто так, а не после того, как случалось что-то плохое. Он даже не сознавал, насколько ему этого не хватало.

* * *

У Дэвида была единственная фотография отца, снятая в день окончания средней школы. На его худом теле шапочка и мантия казались велики на несколько размеров. Лицо с мелкими чертами было еще мальчишеским, переносица тонкая и хрупкая. Он не улыбался в объектив. Глаза казались испуганными, устремленными на что-то бесконечно далекое. Возможно, он думал о Дэвиде, тогда еще почти незаметном под одеждой Бетти. А может быть, он увидел тот грузовик с отказавшими тормозами, который собьет его вечером по дороге домой, когда он будет возвращаться с работы.

Глаза у него были голубые, с длинными ресницами, совсем как у Дэвида.

Когда Джек видел эти глаза, он всегда впадал в ярость — и трезвый, и пьяный:

— Ты чертов слабак и размазня, совсем как твой папаша.

Поэтому Дэвид научился не смотреть Джеку в глаза и всегда старался отворачиваться, когда тот был рядом. В некоторые вечера это сбавывало. Но не сегодня.

— Смотри на меня, — приказал Джек.

Они ужинали. Бетти кормила малышку на кушетке. За столом сидели только они двое. В углу громыхал телевизор, выдавая вечерние новости.

— Я тебя кормлю, одеваю и даю крышу над головой. И самое малое, что я могу просить за это, — немного уважения. Сиди прямо и смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!

Дэвид повиновался. Он попытался убрать с лица всякое выражение, а взгляд сосредоточить на чем-то за спиной отчима. И считал, через сколько секунд Джек взорвется. В каком-то смысле он даже испытывал облегчение. Тяжелее всего каждый вечер было ожидание. Неопределенность из-за незнания, в каком настроении Джек вернется домой и что станет делать. Но теперь ожидание кончилось. И ему осталось только терпеть.

— И не смей насмехаться надо мной, дерьмо мелкое! Ты напрашиваешься на трепку.

Бетти ушла с малышкой в спальню. Она всегда уходила, когда в голосе Джека появлялась эта характерная интонация.

А Дэвиду захотелось, чтобы он был ростом с отчима, с такими же толстыми бицепсами, мозолистыми костяшками пальцев и плоским носом, которому и удары нипочем. И чтобы у него были когти и острые зубы.

* * *

— Георг Кантор стал первым, кто всерьез задумался над понятием бесконечности, — сказала мисс Ву.

«Клуб математиков» был секретом Дэвида. Приходя сюда, он рисковал. Вступая в любой клуб, ты раскрываешь что-то о себе, делаешь себя уязвимым, если твоя задача — раствориться, не оставляя следов. Он мог представить, как стал бы насмехаться Джек, если бы узнал.

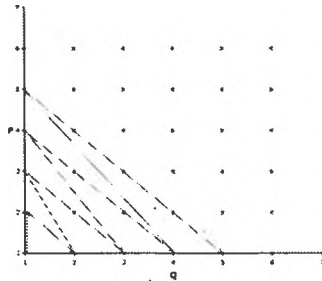
«Решил, что ты умный, да? — Он представил злобный взгляд Джека, его желтые зубы и запах перегара изо рта. — Совсем как твой папаша. Только посмотри, куда довел его умишко, когда он не сумел удержать член в штанах».

— Он задумался о размере бесконечности, — продолжила мисс Ву. — Человеку трудно представить бесконечность, но Кантор дал нам возможность быстро взглянуть на нее и удержать в сознании, пусть даже на секунду.

Как по-вашему, что больше: бесконечный набор всех положительных рациональных чисел или бесконечный набор всех натуральных чисел?

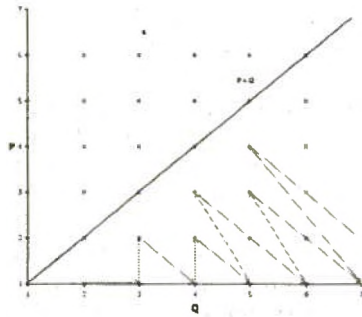
Вполне естественной кажется мысль, что положительных рациональных чисел гораздо больше, чем натуральных. В конце концов, только между нулем и единицей имеется бесконечное количество рациональных чисел. И между каждой последовательной парой натуральных тоже бесконечно много интервалов. Бесконечность, умноженная на бесконечность, должна быть больше, чем просто бесконечность.

Великим озарением Кантора стало то, что всё не так. Есть способ отобразить каждое натуральное число относительно положительного рационального числа таким образом, что будет видно — оба набора одинакового размера.

Положительное рациональное число имеет форму p/q , где p и q — натуральные числа. Следуя вдоль стрелок на графике, мы можем быть уверены, что каждое положительное рациональное число будет рано или поздно пронумеровано на зигзагообразном пути через плоскость (пропуская любые повторения): первое $1/1$, второе $2/1$, третье $1/2$, четвертое $3/1$, пятое $1/3$, шестое $4/1$, седьмое $3/2$, восьмое $2/3$, и так до бесконечности. Подсчитывая их, мы отображаем каждое натуральное число относительно положительного рационального. И хотя кажется, что вселенная рациональных чисел будет намного больше вселенной натуральных чисел, оказывается, что они одного размера.

Но Кантор приводит еще более странный аргумент. Используя тот же метод, можно показать, что в интервале от 0 до 1 существует столько же рациональных чисел, сколько и всех рациональных чисел.

Алеф-ноль заводит нашу интуицию в тупик. На графике сверху видно, что все рациональные числа между 0 и 1 занимают половину плоскости всех рациональных чисел, а остальные рациональные числа находятся на второй половине, и при этом одна половина не больше другой или всей плоскости. Разделите бесконечность пополам, и у вас все равно останется бесконечность. Превратите числовую прямую в плоскость, умножьте бесконечность на бесконечность, и все равно у вас получится бесконечность одного и того же размера.

Значит, можно утверждать, что часть способна быть такой же большой, как и целое. И что можно отобразить всю бесконечную последовательность рациональных чисел в пределах кажущегося конечным сегмента между 0 и 1. В каждой песчинке заключена Вселенная.

* * *

Одним из немногих воспоминаний Дэвида об отце стала поездка всей семьей на море. Дэвид даже не был уверен, что та поездка состоялась на самом деле, потому что был еще совсем маленьким.

Он помнил, как копал песок пластиковой лопаточкой... красной? Желтой? Ну, сейчас, когда он это вспоминал, лопатка была синей, как пиджак у женщины-адвоката. Бетти загорала, а отец помогал ему пересыпать выкопанный песок в пластиковое ведро.

Солнце было жарким, но не горячим. Голоса людей на пляже слились в далекое бормотание. Одна лопатка песка.

Его очаровала та гипнотизирующая плавность, с какой сыпался песок: твердые частички, текущие, как жидкость, падающие и соскальзывающие с лопатки в ведро. Две лопатки песка.

Песчинки были мелкими, как мука, как соль. А вот интересно, сколько песчинок упало с лопатки с момента, когда он начал эту мысль, и до этого момента? Три лопатки песка. Сможет ли он разглядеть отдельные песчинки, если будет смотреть очень внимательно? Четыре лопатки песка. Он затаил дыхание.

— Считаешь? — спросил отец.

Он кивнул. Звуки и образы мира снова полились в его сознание. Он ахнул подобно пловцу, хватающему ртом воздух.

— Нужно много времени, чтобы пересчитать песчинки на этом пляже.

— Сколько?

— Больше, чем когда ты считал треугольники на моем полотенце, — сказала Бетти. Он ощутил, как рука матери, прохладная и гладкая, легонько поглаживает ему спину. Спина расслабилась. Это было приятное ощущение.

Отец посмотрел на него, и он глянул в ответ. Это был напряженный взгляд, который другие сочли бы сбивающим с толку, но отец улыбнулся:

— На это уйдет бесконечность, Дэвид.

— Что такое бесконечность?

— Это то, что лежит за пределами времени, отведенного тебе и мне. Вот послушай, что сказал однажды китайский философ Цзын Цзы: если человек может прожить сто лет, это очень долгая жизнь. Но жизнь полна болезней, смертей, горестей и потерь, поэтому за месяц жизни может набраться лишь четыре или пять дней, когда человек смеялся. Пространство и время бесконечны, но наши жизни конечны. Чтобы почувствовать бесконечное в конечном, нам нужно лишь подсчитать эти трансцендентные моменты, эти моменты радости.

Рука Бетти все еще поглаживала его спину, и он заметил, что отец смотрит уже не на него, а на мать.

«Это один из таких моментов», — решил он.

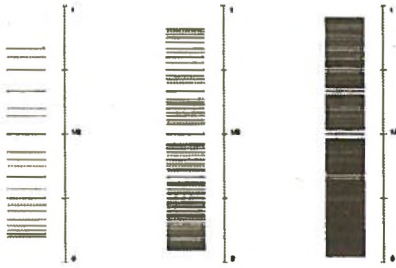
* * *

— Будешь и дальше дурью маяться со своим цифрами да книжками — кончишь, как те престушники с Уолл-стрит, — заявил Джек. — В этой стране уже никто не хочет честно работать руками. Поэтому китайцы и жрут наш обед.

Дэвид взял книги и записи и ушел в спальню, которую делил с малышкой. Она сейчас спала, и Дэвид посмотрел на ее лицо, такое мирное и безразличное к реву телевизора в гостиной.

Возможно, этот мир бессмысленный из-за того, что он считает неправильно. А может, у него нет синхронизации с миром.

Дэвид сел за стол. Он провел на листе бумаги вертикальную линию, пометил ее низ нулем, а верх — единицей. Затем попытался отобразить последовательность рациональных чисел в интервале от 0 до 1 вдоль зигзагообразного пути парной функции Кантора, проложенного по декартовой плоскости, повторяя то, что рисовала на доске в школе мисс Ву. Для каждого рационального числа в последовательности он рисовал короткую горизонтальную линию. Постепенно он заполнил всю страницу.

Линии накапливались одна за другой, поднимаясь с каждым "зиггом» вдоль вертикальной оси, затем методично опускаясь и заполняя оставшееся пустое пространство с каждым падающим к горизонтальной оси «загом».

В конечной жизни существует бесконечное количество моментов. И кто сказал, что ты должен оставаться в настоящем и проживать их по порядку, один за другим?

Прошлое не было прошлым. Одни и те же моменты можно переживать снова и снова, и каждый раз добавится нечто новое. Если времени будет достаточно, то пробелы окажутся заполнены чем-то рациональным. Линии составят картину. Мир обретет смысл. Нужно лишь подождать.

Часть нашего мозга, состоящая из областей в передней, теменной и срединной височных долях, активна только тогда, когда мозг не решает познавательную задачу. Когда мы вычисляем сумму 12391424 и 38234231, прикидываем, как добраться из дома до места очередного собеседования по поводу приема на работу, или читаем новейший проспект взаимного фонда, эти области мозга при МРТ-сканировании становятся темными. Но когда мы не думаем активно о чем угодно, эта темная нейронная сеть мозга вспыхивает.

Гораздо более юный Дэвид перевернул страницу. Бетти ушла на свидание с Джеком, а он был заперт один в доме. Мать предупредила, чтобы он не отвечал на звонки по телефону или в дверь и вообще вел себя так, чтобы никто не знал, что он дома. Он не считал эти предупреждения странными. Насколько ему было известно, именно так все восьмилетние мальчики проводили вечера, когда их матери уходили на свидания. А общество ящиков с книгами, оставшимися после отца, ему нравилось гораздо больше, чем компания других людей или Джека.

Романы ему были не очень интересны, но он заставлял себя медленно сквозь них продираться, читая их как учебники по общественным и эмоциональным правилам, смысла которых он постичь не умел. А предпочитал он книги о математике, с их чудесными уравнениями, фантастическими графиками и странными символами, которые он не мог произнести.

И еще были научные книги, которые он поглощал столь же азартно, как другие дети читают сказки. Вроде этой: «Получается, что темная нейронная сеть — это то место, где наш вид осуществляет на практике свою самую поразительную способность. Способность, более уникально человеческую, чем язык, чем математика, чем наши умения воевать и писать стихи. Эта темная сеть есть мерто, где мы осуществляем путешествия во времени».

Джек начал заходить все чаще и иногда оставался на ночь. А Дэвид тщательно каталогизировал и подсчитывал изменения, происходящие с матерью, анализируя их как подсказки к тому, чего он не мог понять интуитивно: как мать хихикает наподобие девушек в фильмах, как одевается совершенно по-новому. И то, как в их квартире накапливается все больше вещей Джека. •

«То, как мозг воспринимает время, предлагает нам одну загадку за другой. Нет легкого ответа на вопрос, как мозг воспринимает течение времени, равномерное превращение будущего в настоящее, а настоящего в прошлое. Существует ли скопление нейронов с равномерной пульсацией, подобной метроному или сигналу часов в современной микросхеме? Или же о течении времени нам говорит аналоговая задержка потенциалов возбуждения, проносящихся по нейронам? Или, возможно, время измеряется химической диффузией нейромедиаторов, передающих импульсы между нервными клетками, и это, может быть, объясняет, почему время замедляется, когда мы находимся под воздействием наркотиков вроде кокаина, который подхлестывает выброс дофамина».

В двери поворачивается ключ, вваливаются Бетти и Джек. Дэвид отрывается от чтения и поднимает взгляд. Короткий прохладный ветерок сменяется запахами сигарет, пота и алкоголя, наполняющими душный, стоячий воздух квартиры. Джек плюхается на кушетку и включает телевизор. Бетти выходит из кухни с наполовину полным стаканом. Подходя к Джеку, она смеется, теряет равновесие и падает Джеку на колени. Ей каким-то чудом удается не расплескать напиток. Она стряхивает туфли на высоких каблуках и обнимает Джека за шею.

— Пацан разбрасывает повсюду книги, — говорит Джек, обводя взглядом стопки книг по всему полу. — Уже и пройти никуда нельзя,

не споткнувшись... Зачем тебе вообще эти книги? Ни разу не видал, чтобы ты хоть что-то читала.

«В любом случае, исследования склоняются к предположению, что мы живем не столько в настоящем, сколько в иллюзии настоящего. Хотя глаза и могут воспринять, как вы стучите ногой о землю, на долю секунды быстрее, чем нервный импульс, переносящий это ощущение, промчится от ноги к мозгу, вы не замечаете этой задержки. Мозг находится внутри черепа в полной темноте, и сигналы из внешнего мира интегрируются в ощущение «сейчас» только после прибытия самого медленного сигнала, а это означает, что наше сознательное восприятие настоящего слегка задерживается — примерно как во время «прямой» телетрансляции. Возможно, мы подобны пассажирам поезда, сидящим спиной к направлению движения и всегда воспринимающим «настоящее», лишь когда оно стало недавним прошлым».

— Его отец любил читать, — говорит Бетти. — И в школе отлично учился. Поступил в университет.

Поняв, что портит ему настроение, Бетти замолкает и пытается поцеловать Джека.

— А потом вляпался в тебя, — буркает Джек, отворачиваясь от губ Бетти. В его голосе пробивается злоба. Он тискает ее груди через одежду. Бетти краснеет и пытается его остановить, но Джек отбрасывает ее руки в стороны и смеется. — Не дергайся. Я показываю парню то, чему ты его научить не можешь.

Дэвид отводит глаза. Он плохо разбирается в выражениях и не может объяснить, что видит в этот момент на лице матери. Но чувствует, что это вроде как смотреть на нее, когда она раздевается.

«Не только наше ощущение настоящего иллюзорно, но мы даже не проводим в нем большую часть времени. Темная сеть — это то место, где мозг совершает путешествия по тропе памяти и симулирует будущее. Мы заново переживаем события прошлого, чтобы извлечь из них уроки, проиграть до конца вероятности и спланировать грядущее. Мы воображаем себя в другие времена, и в этом процессе мы проживаем множество жизней в одной».

— Надо расчистить этот свинарник, — говорит Джек. — Тут слишком много брахла, которое тебе больше не нужно.

«В отличие от компьютера, который может вызывать данные из долговременной памяти в неизменном виде и обрабатывать их в кратковременной памяти, воспоминания мозга, то есть структуры потенциалов активации, обрабатываются на месте и поэтому изменяются всякий раз, когда мы что-либо вспоминаем. Мы не можем вступить дважды в одну и ту же реку Гераклита не только потому, что не

можем физически вернуться во времени, но и потому, что даже наши воспоминания о каждом моменте постоянно меняются».

— Пацан целыми днями сидит и читает. Это неестественно. Посмотри на него. С тех пор как мы вернулись, он даже голоса не подал. Он на меня жуть наводит... Эй, я с тобой разговариваю!

Он бросает в Дэвида пульт от телевизора. Тот ударяется о грудь и со стуком падает на пол. Дэвид вздрагивает и смотрит на Джека. Их взгляды встречаются. Через секунду Джек изрыгает ругательство и начинает спихивать с себя Бетти.

Джек для него оказался самым непостижимым. Он никак не мог вычислить правила, необходимые для предсказания вспышек его гнева.

В конце концов Бетти уговаривает Джека пойти с ней в спальню. Дэвид остается один в гостиной. Он медленно распрямляется, не обращая внимания на боль, и поглаживает книгу на коленях.

«Темная сеть — это режим нашего мозга «по умолчанию». Это состояние, в которое он переходит всякий раз, когда мы не заняты чем-то важным в настоящий момент. Каждый раз, когда мы не думаем о чем-то конкретном, мы дрейфуем во времени, отчаливая от якорной стоянки настоящего, чтобы бродить по бесконечным путям наших жизней — пройденным, непройденным и тем, которые еще предстоит нанести на карту».

Способность мозга манипулировать временем остается почти неисследованной. Если одновременность ощущений в большей степени является иллюзией, то не может ли наше ощущение линейности пережитого тоже оказаться сконструированным? Мы как будто мельком просматриваем реку времени, осознавая настоящее лишь время от времени, когда у нас появляется такое желание. Если травма или болезнь повреждают соответствующие области мозга, можем ли мы нарезать переживания на все более тонкие ломтики, переживать их в искаженном виде или навсегда останемся вдали от настоящего, затерянные во времени?»

На следующий день Джек и Бетти собрали все книги и отвезли их на свалку.

— Ты все равно не можешь читать эти книги, — сказала Бетти, пытаясь утешить Дэвида. — Я сама в них ничего не понимаю. Нам нужно двигаться по жизни дальше.

* * *

— Вы можете подумать, — сказала мисс Ву, — вспомнив то, что мы изучали в прошлый раз, будто все бесконечности есть алеф-ноль,

но это не так. Счетно бесконечное есть лишь самое маленькое из бесконечно больших величин.

Например, набор всех вещественных чисел несчетно бесконечен. Он намного больше. Кантор нашел способ это доказать.

Предположим, что вещественные числа счетно бесконечны. В таком случае должна существовать биекция (то есть взаимно однозначное отображение одного множества в другое) от натуральных чисел к вещественным. Вещественные числа должны быть такими, что их можно подсчитывать. Поскольку каждое вещественное число может быть записано как бесконечная последовательность десятичных знаков — а если она не бесконечная, то достаточно добавлять к концу числа сколько угодно нулей, — то можно представить, что их перечень будет выглядеть примерно так:

.
.
.
... 1 2 3 . 0 1 2 3 4 5 ...
... 1 2 4 . 0 2 3 4 5 6 ...
... 1 2 5 . 0 3 4 5 6 7 ...
... 1 2 6 . 0 4 5 6 7 8 ...
... 1 2 7 . 0 5 6 7 8 9 ...
... 1 2 8 . 0 6 7 8 9 0 ...
.
.
.

Запомните, предполагается, что это будет перечень всех вещественных чисел. Но мы легко создадим новое вещественное число, которое не может быть в этом списке. Просто возьмите первую цифру первого числа в списке и замените его другим. Потом возьмите вторую цифру второго числа в списке и замените его другим. Продолжайте это диагональное движение вниз по списку.

Когда вы соедините эти новые цифры, вы получите новое вещественное число. Но это вещественное число, которое не существует нигде в списке. Оно отличается от первого числа в списке первой цифрой, от второго числа в списке второй цифрой, от третьего числа в списке третьей цифрой и так далее.

$$|\mathbb{R}| = |\mathbb{Q}| + |\bar{\mathbb{Q}}|$$

$$\beth_1 = \aleph_0 + ???$$

Следовательно, набор иррациональных чисел должен иметь кардинальность большую, чем алеф-ноль, поскольку мы знаем, что удвоение алеф-ноль даст в результате тот же алеф-ноль, а не бет-один. По сути, мы доказали, что должно существовать несчетно много, или бет-один, иррациональных чисел.

Другими словами, существует намного больше иррациональных чисел, чем рациональных. Почти все вещественные числа иррациональны. И, приводя тот же аргумент, можно доказать, что почти все иррациональные числа трансцендентны и не алгебраичны, их нельзя вычислить как корень полинома с целыми коэффициентами. И даже если кажется, что в нашей повседневной жизни встречается очень немного трансцендентных чисел, таких как «пи» или «е», они составляют большую часть числовой прямой. Та часть математики, которую вы изучали в школе все эти годы, была сосредоточена лишь на тоненьких ломтиках континуума.

* * *

В учебнике от мисс Ву в начале каждой главы имелся поэтический эпиграф. Обычно Дэвиду стихи не нравились, потому что поэзия использовала тот же «язык под языком», на который он не был «настроен», со всяческими метафорами и сравнениями, которые его смущали. Но эти цитаты были иными, потому что отражали его чувства и мысли.

Ah, awful weight! Infinity
 Pressed down upon the finite Me!
 (Ах, ужасная тяжесть! Бесконечность
 Давит на бесконечную меня!)

Edna St. Vincent Millay, Renascence

I am large, I contain multitudes.
 (Я большой, внутри меня множество других.)

Walt Whitman, Song of Myself

Линии, которые он проводил, никогда не заполняют числовую прямую. Теперь он это понял. Иррациональное пространство между ними

было бесконечным. Рисунок никогда не станет сплошным и не обретет смысл. Жизнь не может быть сведена к ее рациональным моментам.

Но даже рациональные моменты не было смысла подсчитывать. А с ним действительно все в порядке. Он наконец-то это понял. Разве не замечательно по-настоящему знать, что иррациональное — это правило, а не исключение? И даже больше — почти все иррациональное трансцендентно, хотя мы это почти не осознаем. Жизнь не имеет смысла. Ей он не нужен. И почему тогда теологи боялись Кантора? Ведь он открыл истину, достойную прославления. Лишь трансцендентно счастливые моменты следует подсчитывать.

Его мысли прервал вопль Бетти за дверью спальни; тут же закричала и малышка. Дэвида поразило, как это тельце может быть источником таких громких криков, оглушительных требований справедливости и здравого смысла, таких бесстрашных и одновременно печальных. Когда ребенок смолк, чтобы перевести дыхание, он расслышал приглушенный голос о чем-то умоляющей Бетти. Потом загремели брошенные на пол тарелки.

Он открыл дверь.

Было заметно, что Джек лишь немного пьян. Он твердо стоял на ногах. Длинные и гладкие волосы Бетти, которыми она так гордилась, были обмотаны вокруг руки Джека и зажаты в кулаке. Она стояла на коленях, вцепившись в его руку, держащую ее за волосы. Малышка лежала на кушетке, дрыгая руками и ногами, ее личико покраснело от плача и нехватки воздуха.

Может быть, Джека снова уволили с работы. Может быть, он поругался с вьетнамцем-бакалейщиком из соседнего магазинчика. Или ему не понравилось платье Бетти, когда он пришел домой. А может, малышка заплакала тогда, когда он не хотел ее слышать.

— Ты грязная шлюха, — сказал он негромко и спокойно. — Я преподам тебе урок. Кто он?

Бетти лишь всхлипывала, бессловесно отрицая его обвинения. Не выпуская волос, Джек стал бить ее в живот и по почкам.

«Он не бьет ее по лицу, — подумал Дэвид. — Это рационально. Иначе у соседей появятся вопросы».

Бетти все извинялась, пытаясь объяснить и понять смысл этого мира для себя и для Джека.

Дэвид словно онемел. Ему показалось, как будто внутри него поднимается сплошная горячая волна, проталкиваясь в горло и перехватывая дыхание. Он схватил Джека за руку, но тот швырнул его на пол.

Малышка заплакала громче. В голове Дэвида запульсировала белая горячая боль. Никогда еще он не ощущал такой ярости и беспомощности. Он ничего не мог сделать, чтобы остановить боль и ужас.

Он умел лишь манипулировать символами в уме. Он бесполезен. Он продемонстрировал трудность в установлении контактов. Он все воспринимает буквально.

Мольбы Бетти и плач ребенка стала заглушать пульсирующая и молотящая боль в голове. Время словно замедлилось. Сознание начало дрейфовать, покидать настоящее.

Раз, пляж у моря.

Он посмотрел на дверь в кухню. Встал.

Два, рука мисс Ву на его плече.

Он посмотрел на руку и с удивлением увидел, что держит разделочный нож. Как пассажиры поезда, сидящие спиной к движению. От его холодного лезвия отражался свет флуоресцентных ламп.

Три. «С ним все в порядке. Он робкий. Вот и все».

Бетти сжалась на полу. Свет в квартире тускнел. Силуэт Джека со спины был неумолим — темная нависающая масса, медленно поднимающаяся кулак. Малышка снова заплакала.

Четыре. Диагональная линия цифр, уходящая в бесконечность.

Он снова лежал на полу. Опустив взгляд, он увидел на руке кровь. Рядом лежал нож. Джек неподвижно сидел на полу, прислонившись к кушетке. Вокруг него расплывалась лужа крови. Бетти ползла к Дэвиду.

Пять, этот момент. Прямо сейчас.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Изложение диагонального аргумента Кантора, сделанное мисс Ву, обходит то обстоятельство, что десятичная репрезентация любого вещественного числа в виде бесконечной последовательности цифр является неоднозначной. То есть любое число, например 2, может быть записано или как 1,99999..., или как 2,00000..., а это увеличивает вероятность того, что новое число, созданное посредством диагонального аргумента, может попросту оказаться альтернативной формой другого числа, которое уже имеется в списке. Это противоречие можно устранить, введя требование, чтобы вещественные числа в этом списке придерживались формы ...99999... и чтобы в создаваемом числе не использовался ноль.

Вставки о работе мозга и восприятии времени основаны на результатах исследований, проведенных Дэвидом Иглменом и Дэниелом Гилбертом.

Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ

ЙОСС

СИНДРОМ

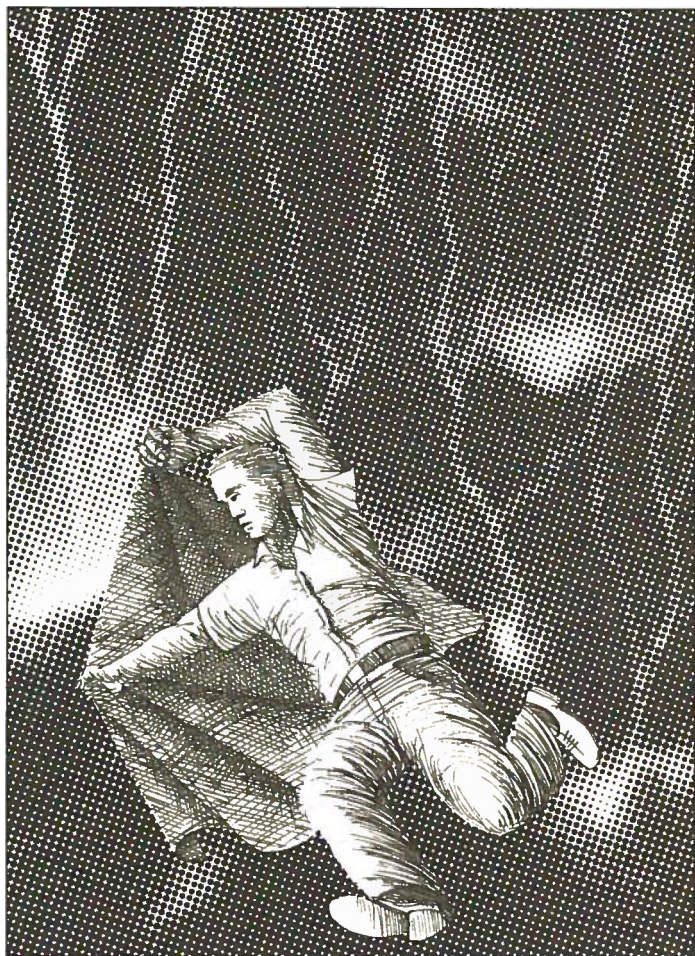

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

ШАНГРИ-ЛА № 14

*С благодарностью:
Джону Бруннеру – за «The Vitauls»,
Теодору Старджону – за «Cosas de ninos»,
Рафаэлю Марину – за роман «Lagrimas de luz»,
без которого этот рассказ был бы невозможен;
а также дважды коллеге Карлосу Дуарте Кано –
за то, что будучи биологом и писателем
ты тоже веришь в эволюцию!*

Слышишь ли ты меня? Можешь ли читать мои записи?
Ну и хорошо. Мне не хотелось бы проделать всю эту работу
лишь для того, чтобы мои слова канули в пустоту, на съеде-
ние времени и энтропии.

Просто я не уверен, что носитель, выбранный мной для за-
писей, продержится долго. Я не специалист по этой части,
но мне сказали, что система хранения данных, основанная
на изменении структуры атомов углерода алмаза, подходит
для этой цели лучше всего, поскольку она не столь подвер-
жена влиянию миллионов лет и гарантирует самый большой срок хра-
нения. Что ж, наверное, это так — тем более что такой способ стоит
дороже всех прочих. Но надеюсь, что эти расходы оправдают себя.

К тому же я сохранил свое послание в трех формах: как аудиоза-
пись, как текст и, для большей уверенности, в виде микрорельефных
наносимволов. Возможно, ты относишься к расе существ, лишенных
зрения или слуха либо и того, и другого.

В этом случае я надеюсь, что у тебя хотя бы есть тело, способное
воспринимать информацию с помощью осязания.

Ты слышишь меня? Надеюсь, да, иначе ты не прибыл бы сюда.
Чтобы сделать свои записи более понятными для тебя, я в самом на-
чале привожу глоссарий символов. И полагаю: всего, что я собираюсь
рассказать тебе, будет более чем достаточно, для того чтобы, дочитав
до конца это послание, ты в достаточной степени овладел языком
и письменностью людей...

Кем бы (или чем бы) ты ни был, существо из далекого будущего,
которое сейчас читает или слушает эту запись, прежде всего ты дол-
жен уяснить, что из себя представляли мы, люди.

Мы существовали когда-то (для тебя — давным-давно), мы летали
далеко и были великими.

Или по крайней мере мы так считали, а это почти одно и то же.

Но только почти...

Ладно, все это, наверное, лишнее.

Может случиться так, что, если ты принадлежишь к одной из рас, которые интересуются далеким прошлым (а таковыми, я полагаю, должны быть все разумные существа), ты уже находишь следы нашего присутствия, разбросанные по разным уголкам Вселенной. Документы, рассказывающие о нашей экспансии в глубины галактик... Свидетельства наших успехов и завоеваний... Развалины наших городов, останки памятников и артефактов...

Если это так, то ты, вероятно, уже владеешь всеми нашими языками — дай-то Бог!..

В любом случае, я не стану рассказывать тебе о нашей прекрасной внешности или о славной истории нашей цивилизации.

Но если тебе не довелось наткнуться на следы нашего существования... Тогда стоит отнестись внимательнее к моей истории — ради твоего собственного блага и блага твоей расы.

Ну, вот...

Теперь-то ты наострил уши. И это мне нравится.

Во-вторых, тебе следует знать, что мы, люди, обладаем (или обладали?) неким качеством, которое вряд ли было и будет когда-либо присуще другой разумной расе во Вселенной.

Это все равно что природный дар... или нечто вроде склонности. Когда это качество обеспечивает нам триумф, мы называем его волей. Но в других случаях, когда оно не приносит желаемые результаты, мы предпочитаем именовать его упрямством, твердолобостью или гордыней... А в худшем случае, когда из-за этого же качества мы терпим катастрофу, оно не заслуживает другого наименования, кроме как тупость.

Однако тебе не следует путаться в столь разнообразных вариантах наименований: речь идет об одной и той же нашей характеристике, от которой мы так и не смогли (или не захотели?) избавиться.

Будь это даром, свойством, склонностью или проклятием, но это качество, повторяю, вело нас к великим победам. И в то же время крупным провалам...

Оно могло бы быть описано как абсолютная неспособность не откликаться на всякие вызовы, а, если брать шире, то как неумение вовремя признать себя побежденным.

Если бы я стремился к категоричным сентенциям, то мог бы сказать, что человек — это разумное существо, не признающее границ. Ни своих собственных, ни чьих-либо еще...

Только я вовсе не претендую на философскую глубину. Мои размышления и без того слишком похожи на завещание нашей эфемерной славы, которое я как бы кидаю в реку времени в запечатанной бутылке...

Ты наверняка не знаешь, что такое бутылка, и не ведаешь о древнем обыкновении людей, потерпевших кораблекрушение, бросать в море сосуды с призывами о помощи... Неважно, тебе достаточно знать: это лишь метафора для обозначения того, что имеет мало шансов на попадание в руки получателя.

Как и эти мои размышления.

Ну, а теперь, для того чтобы, познакомившись со столь уникальным свойством нашей расы, ты сумел понять суть моего повествования, мне остается поведать тебе еще пару занятных фактов.

Во-первых, Вселенная велика и бесконечно разнообразна.

Во-вторых, та мощь и изобретательность, с которыми жизнь пробивает себе дорогу во Вселенной, еще более велики.

Однако полагаю, что, раз ты прибыл сюда, тебе и твоим сородичам хорошо известны оба этих принципа.

Я мог бы также сказать, что наша Проклятая Склонность, воля, упрямство, гордыня или тупость, о которых я уже говорил, превосходят (или превосходили?) и Вселенную, и жизнь. И что даже тогда, когда мы совсем было решили, что подчинили себе их обеих (как бы не так!), наша власть над ними на самом деле была всего лишь фикцией.

Потому что мы были подобны наивным и глупым детям, которых слишком рано выпустили в мир взрослых. В действительности же мы были вовсе не готовы к тому, что нас ожидало во Вселенной, и уж тем более ко всем тем неожиданностям, которые уготовила нам жизнь...

Я мог бы еще долго говорить об этом, но... боюсь, что начинаю вторгаться.

И хотя в моем распоряжении еще есть время, оно не бесконечно.

Поэтому лучше закончить столь пространное предисловие и перейти к делу.

А это, кстати говоря, для меня трудновато с профессиональной точки зрения.

В конце концов, если оставить все эти околичности, я собираюсь рассказать тебе довольно простую историю. Историю о синдроме Четырнадцатой Шангри-Ла*. Это небольшая (возможно, поучительная) притча о человеке, о его Проклятой Склонности, о Вселенной, о жизни, о маршеках... и о неожиданностях.

** У топонима "Шангри-Ла" имеется множество значений, но в данном случае автор имел в виду вымышленную страну, описанную в романе Джеймса Хилтона "Потерянный горизонт" (1933) и являющуюся литературной аллегорией Шамбалы. (Здесь и далее прим. перев.)*

* * *

Прости за паузу. Я ведь всего лишь человек, и мне время от времени требуется отдых.

Мое имя? Я еще не назвал себя? Впрочем, и не назову.

Потому что это неважно. Ты можешь звать меня... например, Рапсод. Звучит неплохо. А еще лучше — Аэд. Я мог бы употребить и слово «поэт», но оно более вульгарно. Хотя в первых двух словах есть некая претенциозность.

Моя профессия, мой род занятий, если можно так назвать поэзию, заключается в том, чтобы играть словами и образами, создавать красоту благозвучными повторами, ритмическим сочетанием звуков и приукрашиванием действительности. Стихи — это одновременно и музыка, и сочинение историй.

Теперь понимаешь, почему я сказал, что чисто профессионально мне трудно кратко изложить суть истории? Как я могу быть честным и невычурным? Ведь мое творчество связано с украшением и преподнесением фактов в выгодном свете... а порой и с ложью. Хотя для других мой труд — это запечатление наших свершений и триумфов. И потому я должен всегда быть рядом с героями, чтобы потом увековечить их подвиги. В конечном счете, создавать историю...

Кто-то из моих предшественников — возможно, сам старик Гомер — сказал, что все люди живут, борются и умирают. Но лишь поэты могут сделать чужие деяния бессмертной историей.

Полагаю, этот старый слепец говорил со знанием дела: ведь без его стихов осада Трои была бы всего лишь обычным грабежом шайки неотесанных ахейцев. А он магией своих гекзаметров превратил этот эпизод истории в легенду.

Ну да, я снова совершаю ту же ошибку, что и чуть выше, когда упомянул послание в бутылке. Ты ведь не знаешь, кто такой Гомер, кем были ахейцы, где находилась и что означала Троя...

А может, и знаешь. В лучшем случае мы не исчезли, не оставив после себя энное количество следов. Возможно даже, вполне приличное количество. И тогда ты, наверное, изучал нас как любопытных вымерших животных, которыми мы являемся (или были?) для тебя. В этом случае тебе должны быть известны все наши культурные реалии, без которых мне как аэду пришлось бы существенно ограничить набор образов или красивого вранья... что почти одно и то же, в конце концов.

В любом случае, забудь. К черту Гомера, Трои и ахейцев!

Мне по душе такие заявления.

Понимаешь? Наверное, нет, хотя, возможно, ты считаешь, чтоохо-

рошо изучил нас. В любом случае, постарайся уловить хотя бы общий смысл, если я тебе скажу, что когда-то было трудно представить, чтобы какой-нибудь аэд использовал в своих поэмах словечки типа «козел» или «черт». Хотя оба этих слова сами по себе не так уж и непристойны. Просто герои не испражняются, не чертыхаются, когда их ранят, не сомневаются в своей правоте и никогда ничего не боятся. Это полубоги, и поэты вначале стремились создать их безупречный образ в сознании слушателей своих песен.

Но вскоре мы, аэды, открыли поразительный способ воздействия на своих слушателей, который заключался в том, чтобы описывать не только деяния, покрывшие мифических идеальных героев неувядаемой славой, но и их человеческие слабости.

Разумеется, из-за этого поэтическое творчество отчасти потеряло былую красоту и совершенство, зато выиграло по части реализма и правдоподобности.

Как будто поэзия может быть реалистичной и правдоподобной!

Но довольно отступлений от темы! Ведь эта история вовсе не о поэзии и не о нас — тех, кто служит и поклоняется ей. И хотя я, аэд, сейчас рассказываю ее тебе, но должен признать, что сам я играл в ней роль второстепенного персонажа.

Ее главные герои — мужественный терраформист (потом я объясню тебе, что это такое) Ариам-Счастливчик и его подруга, красавица-биолог Кай-Вон-Тильм, которая тоже сыграла определенную роль в сюжете. А также эволюция, страсть, безнадежная любовь и семейство требовательных фермеров по фамилии Рослим.

А еще марпеки.

Особенно марпеки, тебе не следует забывать о них.

Ну, может быть, ты их назовешь как-то иначе, но когда я расскажу тебе, какие они, то, если они все еще существуют в космосе в твоё время, то ты сразу узнаешь их по этому описанию.

Однако я не могу тебе рассказать о марпеках, если вначале не поведаю об экспансии человечества. А об этом славном и полном приключений завоевании Вселенной не имело смысла говорить, предварительно не упомянув нашу отличительную черту (помнишь?).

Вот именно: тот самый дар-свойство-проклятие-склонность или сочетание воля-гордыня-упрямство-упорство-тупость. А еще вспомни то, что я говорил про малых детей, которых раньше времени выпустили в мир взрослых...

Если ты вспомнил все это, то мне достаточно сказать, что наша цивилизация открыла способ преодолеть релятивистский предел скорости света и вырвалась за границы нашей Солнечной системы.

И благодаря подпространственному двигателю Хогбарта Вселенная приняла нас в свои объятия, будто оплаченная авансом проститутка... причем слишком охотно.

А ведь это неплохой образ — сравнение с проституткой, не правда ли?

Улавливаешь мысль? Надеюсь, что твоя культура содержит некий эквивалент этих двух удивительных понятий — секс и деньги.

А что касается образности сравнения... Спасибо за комплимент, но такова моя профессия — сравнивать...

Однако вернемся к нашему рассказу. Итак, почему я сказал, что это произошло слишком быстро?

Потому что шел всего лишь двадцать второй век нашей истории, и я теперь уверен, что, несмотря на наше Главное Свойство, мы еще не созрели для космических авантур такого размаха, какой был при- сущ экспансии человечества.

Ах, да... Впрочем, забудь и про Хогбарта, и про то, почему это был именно двадцать второй век, а не тридцать четвертый или сто пятьдесят шестой-бэ. Свен Хогбартс был не единственным первооткрывателем гиперсветовой подпространственной тяги. В этом веке наука уже была уделом междисциплинарных групп исследователей, но Свен возглавлял свою группу. А что касается нумерации веков... Послушай, прими это как нечто данное, или мне придется объяснять тебе, кто такой был Иисус, как он умер, распятый на кресте, почему его называли Христом, что такое Церковь, папа римский, Реформация... Если ты не имеешь представления об этих вещах, то я, в свою очередь, не собираюсь пускаться в детальное изложение, чтобы исправить свой промах, который допустил, упомянув про послание в бутылке и оплачиваемых шлюх.

Что ж, представь себе: шел уже 2164 год, а человек еще с большим трудом тащился по своей родной звездной системе от планеты к планете, робко возводя свои базы на негостеприимных чужих землях и лишь мечтая о далеких звездах... И вдруг он получил в свое распоряжение способ практически неограниченного перемещения — хоть и не мгновенного, но очень быстрого.

Теперь понимаешь, что я имею в виду, говоря об экспансии человечества?

Я мог бы назвать это Взрывом.

Я говорю о нашей родной планете, которая называется Земля. Слишком быстро она опустела, потому что всякий, кому возраст и уровень умственного развития позволяли взойти на борт космического корабля, отправлялся на поиски новых миров за десятки, сот-

ни и тысячи световых лет. Тем более что полет в подпространстве на расстояние в несколько тысяч световых лет занимал всего несколько дней.

Я говорю о всех правительствах, которые, уже почти слившись воедино, стимулировали рождаемость детей, как можно больше детей, чтобы обеспечить посев человечества во всей Вселенной.

Я говорю о судоверфях, на которых строились космические корабли, все больше кораблей на основе двигателя Хогбарта, чтобы совершать бесконечные путешествия между бесконечными звездами.

Я говорю о новых первооткрывателях, еженедельно исследовавших тысячи новых планет, изучавших их необычную географию, вступающих в борьбу с опасной флорой и агрессивной фауной, закреплявшихся с господским высокомерием на самых подходящих и земледобных мирах, как будто они, эти первооткрыватели, были хозяевами Вселенной, алчно поглядывающими на соседние галактики...

Я говорю о безумном стремлении новых поколений к путешествиям, исследованиям и переселению в далекие миры, с которым ни в какое сравнение не могли идти завоевания новых земель во времена Кортеса, Писарро и Кабеса де Вака, походы пионеров Дикого Запада в Северной Америке и Золотая лихорадка в Калифорнии и на Аляске.

Однако тебе не надо знать, кто такие они были, а также когда и где это происходило... Не думаю, что стоит тебе это объяснять, поэтому учти: все, я что я еще скажу на эту тему, носит чисто абстрактный характер.

Я говорю о Новом Фронтире. О Последнем Поединке.

Наглядно это можно представить в виде шара, который по мере раздувания становится все больше и больше, и точки, лежащие в его объеме и на поверхности, все больше отдаляются друг от друга и от центра шара, а поверхность его становится все тоньше и тоньше...

Если, конечно, у тебя имеется какое-то подобие зрения и легких, с помощью которых ты мог бы надувать нечто, похожее на шар.

Вот так оно и было. На Земле становилось все меньше людей, и расстояние между людьми все больше увеличивалось. Чисто арифметически: Вселенная бесконечна, а количество человеческих особей — нет. Форпосты исследователей вырастали день ото дня на все большем количестве далеких планет, все дальше от Земли и друг от друга. С каждым днем эти форпосты становились малочисленнее, и если вначале земные колонии насчитывали в среднем тысячу человек, то потом их численность снизилась до ста человек, а затем до десятка членов одной-единственной семьи отважных фермеров, ко-

торые строили на планете дом-базу по своему вкусу подальше от себе подобных.

Улавливаешь мысль? Диспора. Процесс балканизации.

Рекламные слоганы эпохи экспансии были таковы: «Тебя ждут бесчисленные миры! В том числе тот, о котором ты всегда мечтал. Надо всего лишь воспользоваться двигателем Хогбарта и искать до тех пор, пока он не отыщется!». Или вот такой, - который, скажу без ложной скромности, придумал лично я: «По человеку на каждую планету и по планете на каждого человека!».

Ведь мы, аэды, служим не только лирике и поэзии. Наш талант востребован и рекламой, причем за приличную плату...

Правда, за тот слоган, который я процитировал, мне заплатили мало, гораздо меньше, чем за такой: «Зачем делить планету с соседями, если можно сесть на звездолет и всего через пару минут навестить своих друзей и знакомых, живущих в другой звездной системе?».

А чтобы сэкономить время, процитирую сразу слоган, сделавший меня почти богачом: «Если планета тебя не устраивает, мы терраформируем ее под твой вкус!».

Внимание: тут появляется ключевое слово для нашей истории: терраформирование. Если вкратце, то это переделка мира «икс» под экологические стандарты Земли.

Предполагаю, что у твоей цивилизации имеется сходное понятие, если только вы не обладаете большими способностями к адаптации и выживанию, чем мы. Разумеется, я не говорю, что это невозможно, но мне кажется это маловероятным.

Да, Вселенная бесконечна, а подпространственный полет стремителен и скоротечен... Постепенно понятие расстояния сохранилось только в голове у людей. Если двигатель Хогбарта давал осечку, то колонист и члены его семьи оказывались пропавшими без вести что в двадцати, что в двадцати тысячах световых лет от ближайшего поселения. И все же, когда это случалось, люди чувствовали себя гораздо спокойнее, хотя бы чисто психологически, если знали, что рядом есть еще кто-то. И если подать сигнал о помощи со скоростью света в обычном пространстве, то по крайней мере через двадцать лет кто-то мог бы откликнуться на него.

Если бы был изобретен ансамбль*, этот коммуникатор для связи со сверхсветовой скоростью, о котором писали фантасты XX и XXI веков, все было бы иначе.

* *Аппарат мгновенной связи между объектами, находящимися на астрономических расстояниях друг от друга, описывается а произведениях Урсулы Ле Гуин.*

Но этот прибор так и не изобрели, поэтому я больше не буду говорить ни о нем, ни о фантастике.

В общем, любой бы хотел, чтобы кто-то был рядом.

Но вот незадача — планеты, до которых было буквально подать рукой и на которых могли поселиться соседи, способные в случае чего прийти на помощь, как правило, оказывались не приспособлены для жизни человека.

Ну да, разумеется, под герметичным куполом, с оранжереями замкнутого цикла, с высокопродуктивными видами трансгенных растений, способных давать воздух и пищу, с барьерами из силовых полей, с одной стороны, нейтрализующими любую угрозу извне, а с другой — препятствующими выходу неосторожного колониста за охраняемый периметр, практически любой мир мог стать обитаемым.

Наверное, за исключением газовых гигантов, планет с огнедышащей лавой и прочими адскими условиями.

В конце концов, как я тебе уже говорил, в любых условиях можно было выжить, находясь внутри подобных супербаз. И тогда не имело значения, какая там экология: чуждая человеку или основанная на фторе, атмосфера из хлора, реки серной кислоты и агрессивные хищники вроде акулы, которые сначала кусают, а уж потом разбираются, съедобно ли то, что попало им в зубастую пасть.

Но просто выжить — это еще не все, и полагаю, твоей расе это уже известно.

Яснее ясного: кто захочет отправиться за сотни тысяч световых лет от родной планеты и растить детей в новом мире, если там придется постоянно носить скафандр? Кому понравится мир, где нельзя ходить босиком по траве, сажать деревья в саду, выращивать коров и совершать все, что входит в буколические мечты первопроходца далеких планет?

Вот почему, когда кто-то не хотел слишком отдаляться от других людей, а мир, который он желал занять, не представлял собой библейский Эдем (даже если тебе неизвестно, что это такое, я все равно тебе сейчас не смогу объяснить), то он вызывал терраформистов.

Таких, как Ариам-Счастливчик.

Профессия терраформиста пользовалась огромным и всевозрастающим престижем в ходе экспансии человечества. Почти таким же, как мое ремесло азда. И она была куда почетнее, чем деятельность первооткрывателей.

Потому что открыть новый мир в эпоху экспансии мог уже любой. Достаточно было направить свой космический корабль туда, где еще никто не побывал до тебя.

А вот сочинить эпопею о чем-то путешествии, о борьбе с неизвестными опасностями новой планеты, превратив авантюрную вылазку в символ Человеческой Воли, Бросившей Вызов Неведомому (именно так, все слова с большой буквы)... на это был способен только аэд.

Или прибыть на планету, где под цианидовыми и азотно-кислыми тучами бродят хищники, способные стрелять электрическими разрядами в тысячу вольт, и будто с помощью волшебства всего за несколько лет превратить этот мир в подобие Земли. В этом и заключался исключительный талант терраформистов.

И за это им хорошо платили. Почти так же, как нам, аэдам.

Ладно-ладно, буду честен: намного больше, чем нам.

Ведь чтобы успешно выполнять обе эти функции, требуется нечто, чего нет у других. Сочетание мастерства и удачи, полагаю.

И тут на сцене появляются марпеки.

Вот видишь? Я же говорил, что мы к ним еще вернемся!

Это были растения. Или вирусы. Или грибы. Да какая разница!.. Еще в самом начале биологи Земли обнаружили, что та классификация видов живых существ, которые были известны земной науке, абсолютно не применима к созданиям других планет.

Даже я, человек, далекий от биологии, мог бы привести тысячу примеров различных форм жизни, которые не поддаются классификации. Не зря же я много лет общался с такими людьми, как Кай-Вон-Тильм и ее коллеги.

В созвездии Скорпиона нашли рептилий, которые вскармливали своих детенышей, появившихся на свет не из яиц, а в результате почкования. На Сидрартане Химического Муравейника обнаружился вид гигантского гриба, который бегал за добычей, опираясь на сеть мицелиев, функционирующих как весьма эффективные щупальца. А на Василискии Гидры жили летающие ящерицы-трифибии, которые умели также плавать и бегать. На Энтомонии Тукана водились миметические насекомоподобные, которые доставили массу неприятностей первым исследователям этого биологического мира своей способностью имитировать любую местную форму жизни, включая самих себя.

Знакомо ли тебе какое-нибудь из этих существ?

Но по сравнению со всеми этими удивительными организмами марпеки — самые уникальные и ужасные. Настоящее биологическое чудо — вот что это такое!

Большую часть времени они жили (может быть, и живут до сих пор?) в межпланетном и межзвездном пространстве. С виду это ги-

гантские полотнища тончайшей и прозрачной органической материи, этакие зеленоватые медузы, площадь которых достигает несколько десятков квадратных километров. Эффективно улавливая лучи света, они используют его давление для перемещения, превратив свои тела в паруса, чтобы задерживать даже отдельные фотоны, и за счет их энергии они осуществляют элементарный фотосинтез, как любое уважающее себя земное растение проделывает подобное с помощью хлорофилла.

Ну, я полагаю, что ты и твои сородичи достаточно путешествовали и знаете хотя бы сотню видов, способных жить в открытом космосе... и, конечно же, приличных размеров.

В этом есть закономерность: при отсутствии гравитации вырастают гиганты. Я невольно вспоминаю молотильщиков-левиафанов размером в несколько километров, которые бороздят межзвездные просторы, собирая водород своими магнитными глотками, чтобы потом под давлением выбрасывать его из ануса; при этом отфильтрованные молекулы формальдегида в межзвездном газе служат им пищей.

Когда-то я посвятил этим существам пару строф в одной из своих од, назвав их «молчаливыми китами, цедящими звездный планктон», — извини за скверный образ. Наверное, это было не самое лучшее мое творение, но уж так получилось...

А еще есть кончилионы, огромные растительоядные, которым удается обволакивать своими раковинами целые звезды, чтобы оптимально поглощать их свет, словно воздавая почести Фримену Дайсону*, одному из величайших фантазеров XX века...

Все это создания, приспособленные к обитанию в космосе при полном отсутствии воздуха и давления, в условиях высокого уровня радиации различного типа. Рывок, обусловленный гравитацией от какого-нибудь планетного тела, немедленно погубил бы их.

Полагаю, тебе они известны, хотя и под другими названиями...

Марпеки тоже принадлежат (или принадлежали?) к уникальной фауне открытого космоса. Но от всех прочих их отличало следующее: когда одна из этих огромных фотосинтезирующих медуз попадала

* Американский физик теоретик, автор работ по квантовой электродинамике, квантовой теории поля, астрофизике и физике низких энергий. Является автором концепции сферы Дайсона — гипотетического сооружения, которое, представляет собой тонкую сферическую оболочку большого радиуса (порядка радиуса планетных орбит) со звездой в центре (предполагается, что развитая цивилизация может использовать сферу Дайсона для полной утилизации энергии центральной звезды и/или для решения проблемы жизненного пространства).

в поле притяжения какой-нибудь планеты и не могла из него вырваться, то при входе в атмосферу она распадалась под воздействием трения в полном соответствии с законами Ньютона... потом я скажу тебе, кто это такой.

Такой распад приводил не только к сгоранию тканей медуз, но и к появлению миллионов мелких и суперпрочных спор, разлетавшихся во все стороны под воздействием ветров и морских течений.

Другой аэд по имени Равиатар-одним из первых наблюдал это зрелище на поверхности Талассы Феникса, планеты океана с серной атмосферой. Как и прочие открытия в ходе экспансии человечества, марпеки получили свое название благодаря поэтическому вдохновению: увидев, как дождь мельчайших спор падает на молочно-белые воды, мой коллега заметил, что это похоже на появление веснушек на лице моря*...

Этот негодяй Равиатар оказался везучим, и ему неплохо заплатили за такое сравнение.

Но, к твоему сведению, важнее было другое. Когда «морские веснушки» достигали поверхности планеты, то наблюдалось интересное явление. В течение нескольких часов споры сохраняли свою биологическую активность, и если в этот период какая-либо из спор проглатывалась, съедалась или любым иным образом усваивалась каким-нибудь живым существом, то генетический материал марпека смешивался с генами его жертвы-носителя, и тогда...

Нет-нет, все было не так просто. Споры действовали не как обычные вирусы. Они не раскрывали свои клетки, чтобы высвободить миллиарды маленьких марпеков, из которых состояла тончайшая ткань медузы, на поверхность планеты. Как тогда этим хрупким прозрачным созданиям удалось бы вырваться из гравитационных колодцев и вернуться на свое привычное место в открытом космосе, наполненном светом далеких звезд и прочими излучениями?

Вместо этого споры марпеков вызывали любопытное воздействие на тех существ, с генами которых они смешивались. В эпидермисе в месте проникновения споры возникала одна-единственная оспинка.

Кай-Вон-Гильм, умная и хорошенькая биологичка (она действительно была красавицей, можешь мне поверить на слово), как-то сказала, что эти споры являются настоящим эволюционным трамплином. Внедряясь в гены других живых организмов, они улавливают

* По-испански "мар" означает «море», а "пека" — "веснушка". Если перевести термин "марпек" буквально, то получится нечто вроде "морские веснушки" или "морепушки".

общую тенденцию их эволюции. Одновременно они каким-то непонятным образом, но абсолютно точно анализируют экологические характеристики окружающей среды для этих организмов и...

И тогда — бац! — они срабатывают так, что перемещают организм носителя в направлении его эволюции на несколько тысячелетий вперед.

Улавливаешь? Или пока еще нет?

Может, такой пример тебе поможет... Если спора марпека контактирует на планете икс с амфибией с мягкой и голой кожей, с жабрами в стадии личинки и с возможностью дыхания через кожу у взрослой особи, которая неспособна выживать и размножаться вне водной среды, защищающей от обезвоживания ее саму, ее яйца с мягкой скорлупой и ее хрупкие личинки-головастики, поскольку на этой планете суша занимает большую площадь и представляет собой свободную экологическую нишу, то в течение короткого периода времени «зараженная» спорой лягушка или ящерица начинает выделять слизь, которая быстро затвердевает и образует нечто вроде кокона.

И когда через несколько часов эта «куколка» раскрывается, из нее появляется рептилия уже с легочным дыханием и чешуйчатым эпидермисом, способная обитать вдали от воды и несущая яйца с твердой скорлупой, из которых появляются на свет детеныши с такими же свойствами, быстро заселяющие всю поверхность суши, поскольку у них отсутствует какая-либо конкуренция... Если, конечно, другие споры марпека не заставили эволюционировать другие виды живых существ, способных переселиться на сушу.

Сложный и в то же время поразительный процесс, не правда ли?

Надеюсь, тебе известно, что такое амфибии и рептилии и ты кое-что знаешь про эволюцию... По крайней мере, на планете, часть которой представляет собой сушу, окруженную водой. Чарлз Дарвин и Альфред Уоллес просто открыли бы рот от изумления, узнав о марпеках. А Жан-Батист Ламарк ехидно усмехнулся бы.

Но ты, конечно, вряд ли ведаешь, что я говорю о светилах земного естествознания.

Однако я верю, что ты можешь представить тот потрясающий эффект, который может произвести падение на какой-нибудь мир одного-единственного марпека, распавшегося на миллионы спор.

Хотя такое бывает очень редко, по крайней мере естественным путем.

Но когда это происходит, вся планета получает эволюционный толчок, к тому же минуя длительный этап проб и ошибок, который без марпека обычно занимает десятки миллионов лет.

Теперь ты понимаешь суть эволюционного трамплина, этого биологического чуда?

Да, жизнь со своими потенциально бесконечными возможностями никогда не перестанет удивлять.

Что касается того, почему споры марпеков вызывают столь резкий эволюционный скачок принимающих их организмов, наши всезнающие биологи так и не пришли к единому мнению.

Но ведь для этого и существуют ученые, правда? Чтобы теоретизировать, спорить и сомневаться. Можно сказать, именно в этом и заключается их призвание и проклятие. Это весьма любопытная категория людей.

Однако все они были согласны, что речь идет о некоей долгосрочной стратегии выживания. Некоторые предполагали, что таким образом марпеки просто стремятся к тому, чтобы их носитель не вымер с течением времени, как это часто бывает, а развивался и процветал: учитывая, что неускоренная эволюция длится долго, в конце концов всякий организм достигает почти идеальной адаптации к окружающей среде, однако, по иронии судьбы, за это время сама окружающая среда успевает тоже измениться столь кардинально, что сам процесс адаптации, казавшийся необходимым, заходит в тупик.

Что ж, эволюция — это русская рулетка... как говорят динозавры.

И не спрашивай меня ни про русскую рулетку, ни про динозавров.

Другие биологи, обладающие особой проницательностью или склонностью к мистике, как, например, все та же Кай-Вон-Тильм (я уже говорил тебе, что она столь же красива, как и умна?), твердо верили в то, что марпеки вовсе не слепая сила эволюции, что они обладают сознанием и что конечной целью тех эволюционных скачков, которые они вызывают, является обеспечение выхода любым способом (но как можно раньше) в космос какого-либо вида живых существ, населяющих планету, куда попали их споры.

Были даже те, кто пошел еще дальше и задался вопросом: а не являются ли на самом деле спорами марпеков митохондрии, эти цитоплазматические органеллы, которые столь эффективно обеспечивают энергией наши клетки и которые, как уже известно, миллиарды лет тому назад были автономными бактериями, прежде чем стать неотделимыми симбионтами?

Может быть, именно поэтому в нас, людях, существует эта страсть идти все дальше и дальше, пока мы не завоюем весь космос? И когда-нибудь мы сможем дезинтегрироваться, чтобы из наших останков возникли зеленоватые космические медузы?..

Интересная гипотеза, не так ли? И в то же время пугающая до мурашек по коже.

Разумеется, Кай никогда не верила в это. Тем лучше для нее, потому что эта теория очень быстро была разгромлена, когда тщательное исследование нашего генома безошибочно показало, что у нас и марпеков нет ничего общего.

Да, когда-то митохондрии могли существовать в виде автономных бактерий, но исключительно в пределах Земли. Ни о какой панспермии жизни и эволюционного ускорения других миров не может быть и речи. Наша тяга к космосу — это всего лишь проявление нашей Проклятой Склонности, и она принадлежит только нам одним.

Но я вновь отклонился от темы. К тому же весьма вероятно, что вам уже прекрасно известно все о марпеках и о причинах их столь любопытных эволюционных ускорений.

Если так, то жаль, что ты не можешь мне ничего рассказать. А особенно биологу Кай...

Дело в том, что после того как аэд Равиатар и небольшая группа исследователей наблюдали дождь из спор марпеков на Талассе Феникса, люди пришли к выводу, что эти космические медузы могли бы стать полезнейшим орудием в руках высокоразумной цивилизации.

Кстати, среди горстки исследователей находился и Ариам-Счастливец. Поэтому можно утверждать, что судьба с самого начала связала его с марпеками.

Как он и его коллеги использовали марпеков в своей работе по терраформированию?

Очень просто. Они перелетали от одной звездной системы к другой на своих кораблях, оснащенных двигателями Хогбартса, пока не находили марпека (их было не так много, как левифанов-молотильщиков, но и не так мало, как огромных ракушек-кончилюнов), и тогда они ловили мирно покоящуюся медузу в магнитную ловушку, чтобы доставить ее к тому миру, который подлежал терраформированию.

Там они отпускали марпека на волю и начинали гнать его, «подстегивая» струями реактивных двигателей, чтобы заставить войти в атмосферу планеты и погибнуть, выпустив при этом ценные споры, ускоряющие эволюцию.

Результат? Если в терраформируемом мире уже имелись бактерии, то за одну ночь могли появиться многоклеточные — губки и кишечнополостные. Или их аналоги.

Если подождать еще чуть-чуть, ну, скажем, пару месяцев, то можно было увидеть, как создается новая экосистема, — для пушей эффективности в нее вводилась парочка земных видов. Очевидно, что

эта система будет состоять из существ, резко эволюционировавших и видоизмененных «эффектом трамплина» марпеков для адаптации к новой среде, и что общая эволюция планеты в конце концов с высокой гарантией породит благоприятную для землян природную среду... по крайней мере относящуюся к какой-либо известной геологической эпохе.

Что бывало в том случае, когда результаты терраформирования не нравились заказчикам? И что делали терраформисты, если клиенты просили более землеподобный мир? Просто-напросто нужно было отыскать другого марпека и повторить ускорение эволюции с помощью его спор, а также добавить на планету больше земных видов и так далее, и так далее...

Легко сказать, да трудно сделать: необходимо рассчитать траектории вхождения спор в атмосферу, определить, в какое время года и суток лучше всего производить «засев», сколько и каких образцов земных растений и животных внедрить в местную экосистему... Конечно, для определения всего этого выводились сложные уравнения, но не последнюю роль играли опыт и интуиция терраформиста.

Это была точная наука (биологи, осуществлявшие мониторинг каждого процесса терраформирования, неоднократно в том убеждались), но одновременно искусство.

Главное — все работало.

Разумеется, терраформисты стали злоупотреблять этим методом все больше и больше. Настолько, что были планеты, где из простейшего коацервата (или его местного аналога) за каких-нибудь два года появлялись млекопитающие.

Однако заказчики во весь голос требовали еще больше ускорить процесс. А у наблюдателей-биологов не находилось возражений против этого... Они ведь, как и терраформисты, получали приличные вознаграждения за успешную работу.

Вот тут-то и появляются на сцене семья Рослим и их планета Четырнадцатая Шангри-Ла.

Рослимы были обычными людьми: отец, мать и шестеро детей. Семейное предприятие, небольшая триба фермеров семейного типа, разбогатевшая на торговле продукцией, добываемой на открытых ими планетах. Ничего удивительного в эпоху экспансии человечества.

Эти Рослимы были гордыми собственниками десятков миров, в том числе четвертой планеты в системе Альфы Треугольника в каких-нибудь сотнях световых лет от Земли. Они наградили ее помпезным наименованием Четырнадцатая Шангри-Ла — потому что до них эта блестящая идея уже осенила тринадцать семей.

Когда третий сын Рослимов (кажется, его звали Адам, но это не важно) наткнулся на планетку, она представляла собой огромный и неглубокий океан с множеством однообразных островков. С точки зрения эволюции, отсталый мирок — здесь не было ни земных растений на скалистой суше, ни тем более животных крупнее бактерий. Но зато в ее атмосфере наличествовало достаточное содержание кислорода: океаны кишели фито- и зоопланктоном, начиная от водорослей типа диатомовых, которые осуществляли фотосинтез, и кончая питающимися ими полостными ракообразными и даже суперхищниками (для этой экосистемы) — вечно голодными плавающими червями длиной в три четверти сантиметра, находящимися в промежуточной стадии развития между земными иглокожими и нематодами.

Многообещающая и вполне удобная планета. Идеальное место для проживания, если у кого-то появится странное желание ходить босиком, утопая по щиколотку в органической тине, и если не обращать внимания на вездесущий аромат гниющих мхов, доносившийся с морского побережья. Если этот кто-то планирует заняться торговлей планктоном и не имеет конкретных амбиций в виде выращивания сада на бесплодном грунте, на который сперва надо в течение нескольких сотен миллионов лет нанести первый слой гумуса...

Конечно же, все Рослимы хотели бы изменить свою планету, сделав ее не такой однообразной. И как можно быстрее.

Поэтому они вызвали терраформистов — всю бригаду.

Как летит время! Ариам-Счастливчик, который в момент открытия марпеков на Талассе был всего лишь зеленым новичком в космосе, быстро успел стать бригадиром терраформистов.

Потому он и попал на Четырнадцатую Шангри-Ла: Рослимы хотели нанять самого лучшего терраформиста, а таковым к этому времени был Счастливчик. Он вполне оправдывал свое прозвище — по выполненным им 256 заказам не было ни одного недовольного клиента.

Рекордный показатель, который трудновато превзойти. Планеты иногда проявляют... ну, скажем, неадекватную реакцию на эволюционный толчок с помощью спор марпеков. Некоторые утверждают, что подобное случается из-за низкого уровня естественной радиации, тормозящего мутации, или из-за того, что геном их живых существ весьма эффективно застрахован от ошибок репликации, вследствие чего нейтрализуется ускоряющее воздействие марпеков.

Дело в том, что, если говорить конкретно, никто точно не знал, почему такое происходит. Но, как бы то ни было, с этим мы сталкивались довольно часто.

И по чистой случайности Четырнадцатая Шангри-Ла оказалась крепким орешком. Очень крепким... Ариам и его люди прогнали уже 11 медуз через атмосферу планеты (прежний рекорд составлял девять марпеков на одну планету).

Однако из всех растений, которые должны были взойти на суше мира Рослимов, появились лишь унылые мхи тусклого цвета, которыми госпожа Рослим, понятное дело, не могла бы похвастаться перед своими подругами.

Что же касается животных, то они упорно отказывались выбираться из вод на побережье — хотя в морях зародились различные виды ракообразных и, возможно, обладающих зачатками разума... Но кому захотелось бы беседовать на философские темы с лангустой? Которая не может дышать, не издает звуки и в довершение всего воянет рыбой.

В ходе экспансии люди обнаружили в космосе четыре вида разумных существ — все на низком уровне развития, подобно нашим пещерным предкам. Один из этих видов еще даже не открыл огонь. На их планетах имелся кислород, поблизости находились другие обитаемые миры, и потому они идеально подходили для колонизации. Так что, к несчастью, теперь даже в резервациях не осталось представителей этих рас. Хотя ради справедливости стоит заметить, что наши биологи сохранили образцы их генетического материала, чтобы когда-нибудь воспользоваться им для клонирования. Мы, люди, ничего не выбрасываем: наверное, тоже под влиянием нашего Проклятого Призвания.

Во всяком случае, если ты слышишь эту историю, то можешь поблагодарить судьбу за то, что ни один из наших кораблей-разведчиков не натолкнулся на планету твоих далеких пращуров...

Что ж, вернемся к Четырнадцатой Шангри-Ла. Раздосадованный столь медленным процессом ее преобразования, Счастливчик решил попрать инструкции и наставления и насильственным образом преодолеть непонятное сопротивление планеты процессу эволюции.

То есть применить шоковую технологию, а лучше сказать — передозировку.

Он нашел и пригнал к Четырнадцатой Шангри-Ла не одну и даже не две, а сразу три медузы марпеков! (По крайней мере, он так думал.) А потом запустил их по очереди в атмосферу планеты Рослимов с интервалом в несколько минут.

Ариам досконально знал свое дело и прекрасно сознавал, какие последствия для экосистемы будет иметь такой удар. И решил превратить столь грандиозное терраформирование в большое шоу, дабы эта ночь надолго запомнилась хозяевам и гостям планеты.

И ему это удалось!

В свою очередь, Рослимы, уверенные, что на этот раз у них наконец-то появятся цветы и пташки (или хотя бы нечто в этом роде), пригласили своих многочисленных друзей и знакомых полюбоваться заключительным актом создания жизни на планете.

Они даже наняли аэда, чтобы тот сложил в честь этого события оду. Этим аэдом оказался я.

На покрытой мхом площади, окружавшей дом хозяев, собрались два десятка исследователей, отставных терраформистов и разных прохиндеев-халявщиков. Мы пили и переговаривались, внимательно следя за ночным небом. Там, в точном соответствии с графиком, составленным бригадой терраформистов, должны были появиться огненные следы медуз марпеков, входящих на огромной скорости в атмосферу. Расчет их попадания в атмосферу произвели таким образом, чтобы зрелище было хорошо видно с того места, где мы находились.

То и дело раздавались аплодисменты, смешки, шутки, истеричные вопли... Я на ходу сочинил пару сонетов, которые должны были послужить основой для более пространной оды. И они вышли вполне неплохо, скажу без ложной скромности. Отличные образы, полагаю: «Огненные строки усеяли небеса, на которых Человек начертал еще одну страницу своей славы. Так Красота приветствовала Эволюцию». Пассаж насчет красоты был посвящен биологичке Кай.

Ну конечно, изначально они звучали совсем не так. В рифмованном виде было гораздо лучше, уверяю тебя.

Однако когда все закончилось, я поклялся больше не писать стихи. И, думаю, сдержал свое слово, поэтому тебе придется лишь догадываться, какой была моя незавершенная ода.

Разумеется, Ариам-Счастливчик, исполнявший роль режиссера шоу, находился не на орбите вместе со своими коллегами, а рядом с нами и заказчиками, его благодарной публикой.

На нас были скафандры биологической защиты. Не самые навороченные — в этом мире, где бактерии никак не хотели покидать воды океанов, не было органики, которая могла бы нарушить нашу многократно усиленную иммунную систему. Даже во всей Галактике... Поверь мне, с началом экспансии человечество сильно продвинулось в области иммунологии.

Из органических веществ присутствовали только споры марпеков. Которые, к счастью, как уже было известно, после «активации» не представляли опасности для людей.

Мне всегда казалось весьма парадоксальным то, что споры, будучи такими прочными, чтобы сохранять свою латентную способность

к прорастанию даже после прохождения через самую плотную атмосферу, теряли подобную способность через несколько минут, если не находили живых существ, с генами которых могли бы смешаться.

Что ж, жизнь порой полна и не таких парадоксов, не правда ли?

Тем не менее терраформисты всегда настаивали на соблюдении мер предосторожности — я имею в виду скафандры, и они имели на то право. За долгие годы их работы никогда еще не было несчастных случаев с людьми. Хотя однажды в семье одного заказчика кенар вылетел из клетки в самый неподходящий момент, и хотя коллеги Ариам не желают обсуждать этот инцидент, но думаю, им пришлось сразу прикончить эту птичку. Не то из опасения за жизни людей, не то из милосердия...

Жаль, что я не мог хоть разок взглянуть на преобразенного кенара — на эту тему можно было бы сделать парочку неплохих хойку.

В общем, примерно в два часа ночи в небо Четырнадцатой Шангри-Ла была запущена третья медуза марпеков, и «большой босс» Ариам объявил, что теперь можно без опаски вдохнуть прохладный воздух без скафандра. Поэтому мы сложили свои герметичные одеяния в надежном месте, и началась самая настоящая пирушка.

Рослимы проявили щедрое гостеприимство: у них на любой вкус имелись еда и напитки, голографические фейерверки, шуточные дуэли (одну из них я выиграл у самого Ариам — для новичка он держался неплохо, но ведь нельзя же быть гением во всем, правда?), музыка, танцы, а потом еще деликатесы и выпивка, чтобы отметить приземление каждого корабля бригады терраформистов по мере того, как они поочередно покидали орбиту, направляясь к дому своих заказчиков.

Биологичка Кай-Вон-Тильм, которая по своей инициативе курировала исполнение этого заказа, пила и уплетала деликатесы за обе щеки, что было удивительным для женщины столь хрупкого телосложения. Она обещала всем присутствующим, что те немногие виды силлурийского периода, за который упорно цеплялась Четырнадцатая Шангри-Ла, уже завтра совершат скачок, по меньшей мере в меловой период, когда появились динозавры. Она явно перебрала спиртного. А танцевала только с Ариамом. Ему наверняка дали прозвище Счастличик не только за успехи в терраформировании.

Всего через пару часов после начала пирушки на площадке возле дома Рослимов трезвых почти не оставалось, и я не входил в их число.

Надеюсь, что у твоей цивилизации тоже имеется спиртное... или хотя бы нечто, оказывающее на разум воздействие подобно психотропным препаратам. Если же нет, то вы многое потеряли.

И сейчас я не буду на этом останавливаться, ведь ты все равно меня не поймешь.

Просто скажу, что я был пьян. Можно даже сказать, в стельку...

Причем до такого состояния я дошел вполне намеренно. Потому что иногда хмель — лучший способ не видеть, что происходит у тебя под носом (не знаю, поймешь ли ты меня).

К несчастью, алкоголь еще не полностью пропитал мою кровь, и я отдавал себе отчет, что Ариама и Кай давно уже не видно среди присутствующих.

Не нужно обладать богатым воображением, чтобы догадаться, чем они были заняты где-нибудь в укромном уголке...

Надеюсь, что твоя раса двуполоя и размножается половым путем, а потому ты способен понять мои намеки. С той памятной ночи прошло много времени, но, признаться, мне до сих пор больно называть вещи своими именами.

Ради справедливости следует уточнить, что Ариам и Кай были не единственные, кто занимался в ту ночь «беседами наедине».

Наверное, именно из-за этой атмосферы всеобщего веселья никто не заметил появления в небе планеты четвертой медузы марпеков. А потом стало уже слишком поздно...

Анализируя постфактум события той ночи, биологи и терраформисты заключили, что один из марпеков, запущенных в верхние слои атмосферы Четырнадцатой Шангри-Ла, находился в стадии «репродуктивного транса». Процесс почкования начался в открытом космосе, а ведь раньше никто никогда не наблюдал это явление у марпеков. В результате небольшая фотосинтезирующая медуза отделилась от своей «матери», тело которой (по чистой случайности или вследствие точного расчета) послужило неким подобием стартовой площадки, вследствие чего новорожденный марпек сумел удержаться на орбите в течение пары часов, прежде чем в соответствии с законами гравитации-устремился вниз, вслед за своей «мамашей».

Полагаю, до рассвета оставалось всего несколько минут. В это время вокруг дома Рослимов многие уже дрыхли похмельным сном и не видели появления тонких огненных линий на небосводе, которые, впрочем, легко можно было принять за первые признаки зари...

Нет-нет, я тоже спал. И в том не было моей вины. Повторяю: надравшись до положения риз, я не мог не забыться тяжким сном. Я валялся лицом вниз посреди площадки: содержание алкоголя в крови наконец-то превысило допустимые нормы, но именно к этому я и стремился.

Говорит ли тебе что-нибудь выражение «безответная любовь»?

Не буду вдаваться в подробности относительно нашей анатомии и эстетических концепций, обо всем этом можно догадаться по тому, что было сказано мной выше. И я не буду говорить, какие чудесные рыжие волосы, какие глаза бирюзового цвета, какие великолепные бедра и груди, какой ангельский голос и хрустальный смех были у Кай. Каким высоким, пышноволосым, зеленоглазым, мускулистым и широкоплечим был Ариам. И как нелеп я — нескладный коротышка с вечно шелушащейся, бледной кожей, не поддающейся оздоровительному воздействию соляриев, и с врожденной неповоротливостью, из-за которой я постоянно налетал на разные предметы и которую, как заявляли невропатологи, невозможно было излечить никакой костно-мышечной реконструкцией...

Тебе придется просто поверить мне на слово.

Это был классический любовный треугольник.

Я любил ее. Она любила его. А он любил многих женщин и умел завоевывать их.

Она была красавицей, и он тоже, хоть мне и трудно признать это.

А я — нет.

Если бы я выглядел хоть чуть-чуть лучше, в пределах средней нормы, то, возможно, попытался бы соперничать с Ариамом. Может, даже ударил бы его. Или сказал бы, что для него Кай той ночью была всего лишь одной из многих женщин, как еще один заказ по терраформированию. Что ему нужно было только ее тело, в то время как я поклонялся ее уму, ее чувству юмора, ее нежности. И что я отдал бы всю свою жизнь лишь за одну ночь, проведенную с ней.

Но я не сделал этого. Предпочел молчать — я, который добывал себе хлеб насущный с помощью бойкого языка!

Она так и не узнала, что я любил ее — и одновременно ненавидел за то, что она выбрала его.

Он так и не узнал, что я ненавидел его — и одновременно восхищался тем, как он умеет завоевывать любовь.

Понимаешь меня? Или твоей мудрой расе не повезло познать, что такое любовь?

Если так, то забудь все, что я тебе сейчас сказал. Достаточно будет понять, что в конце той ночи я был мертвецки пьян, как и все остальные.

Поэтому я ничего не помню из того, о чем собираюсь тебе поведать. Я узнал это от других людей.

Ариам-Счастливчик, как всегда, вел себя геройски. Где бы он ни был и что бы он ни делал, но примчался сразу, как только на небе появились первые огненные полосы. Полуодетый, взерошенный

и потный, как какой-то легендарный герой, он тащил за собой Кай, чья улыбочка удовлетворенной самки неопровержимо свидетельствовала о том, что биологичка не только слишком много выпила, но и не осознавала надвигающейся опасности.

Криками и толчками Ариаму удалось разбудить спящих, по крайней мере некоторых из них. За рекордно малое время он сумел запихнуть их внутрь дома Рослимов и загерметизировал здание, окна и двери которого были оставлены хозяевами открытыми, чтобы наслаждаться прохладой великолепной ночи.

Он действовал эффективно, быстро и был весьма убедителен. Я сам сумел убедиться в этом, потому что последним, кого он успел затащить в безопасное укрытие под крышей хозяйского дома, оказался я. В том состоянии, в котором я пребывал с похмелья и, как всегда, неуклюже ступая, я споткнулся и растянулся во входном тамбуре, тем самым помешав Ариаму войти вслед за мной.

Видишь, какая ирония судьбы? Мой столь ненавистный соперник спас мне жизнь. А спастись ему самому помешал я. И, главное, сделал это не нарочно. Никто не обвинил меня, да и не мог обвинить. Потому что никто не ведал, как страстно я любил Кай-Вон-Тильм.

Ему просто не повезло, и это был всего лишь несчастный случай. Слепая случайность.

Несчастный случай?

Я уже не уверен, что в этой Вселенной или в какой-либо другой может существовать слепая случайность.

Разумеется, сам Ариам меня тоже не обвинял. Он слишком великодушен, чтобы допускать такие низменные порывы. Он лишь взглянул на меня, улыбнулся и побежал искать убежище. Потом я увидел, что он укрылся куском брезента и спрятался под обломком скалы, полагая, что сможет избежать или хотя бы уменьшить губительное воздействие опасного дождя спор.

И это ему действительно помогло... но не совсем.

Прошло несколько минут, прежде чем другие терраформисты из его бригады сумели достаточно протрезветь для того, чтобы выйти из дома ему на помощь со скафандром биологической защиты. Однако было уже поздно.

Ариам потерял сознание, а на его коже виднелись десятки морпекских «веснушек». Он явно был заражен, и потому его немедленно поместили в карантин.

Но это не очень-то помогло. Через три часа его эпидермис стал выделять уже знакомую прозрачную жидкость, которая затвердевала на глазах.

Я этого тоже не видел. Я валялся на койке с чудовищным похмельем... и не проси меня объяснять, что это такое, если ты никогда не пробовал этиловый спирт.

А если на вашей планете его все-таки пьют, но не знают, что такое большой бодун, то остается лишь позавидовать вашему метаболизму.

Но вернемся к заражению Ариама. Самое смешное то, что, хотя я грохнулся в тамбуре, где отсутствовала герметизация, на моей коже не оказалось ни единой «веснушки».

Ну как тут поверить, что это была слепая случайность?

Люди Ариама, отчаявшись спасти своего бригадира, немедленно отправили его на Землю. Этот полет был очень быстрым, но не мгновенным: нельзя преодолеть сотни световых лет за несколько минут.

Он длился три часа. Они уже оказались на нашей родной планете, когда Ариам-Счастливчик вышел из трансформационного кокона. И настала очередь Большого Сюрприза.

Ты думаешь, пройдя трансформацию, он стал суперменом? Колоссом трехметрового роста с божественной мускулатурой, телепатическими способностями и эйдетической памятью, а также способностью левитировать, излучая яркое сияние? А может, огромным мозгом, с трудом удерживаемым тщедушным тельцем? Каков был эффект эволюционного трамплина марпеков, подбросившего Ариама на следующий уровень развития человека?

Тебе кажется, что должно было произойти нечто подобное, не так ли?

Мне тоже так казалось.

И еще многим людям.

Однако в действительности не произошло ничего подобного!

Ариам, который выбрался из кокона, оказался таким же, каким был в бессознательном состоянии до формирования панциря на его теле. Обычным. Только он не помнил ничего из того, что с ним происходило в коконе... если там вообще что-то происходило.

* * *

Извини, это был последний перерыв в моем рассказе.

Осталось совсем немного.

Я изложил тебе факты. Осталось поведать о последствиях — а это, на мой взгляд, гораздо важнее.

Встревоженные врачи и другие ученые предположили, что, вероятно, эволюционное ускорение марпеков воздействует лишь на неразумных существ.

Неплохая гипотеза, и ее невозможно опровергнуть хотя бы потому, что, если сбросить со счетов те жалкие четыре расы с низким уровнем развития, которые исчезли (или которых мы всеми способами истребили) задолго до того, как Равиатар впервые увидел дождь спор на Талассе, мы до сих пор так и не нашли настоящих братьев по разуму.

Это дело не получило широкой огласки, и уцелевший (чудом?) Ариам, пройдя курс всесторонних обследований, не выявивших никаких аномалий в его организме, спустя несколько недель вернулся к своей работе по терраформированию далеких планет. Как и прежде, он отличался завидным здоровьем и прекрасно себя чувствовал.

Счастливымчиком он тоже оставался: Кай-Вон-Тильм ждала его на выходе из клиники.

«Ну вот и настал хэппи-энд этой истории», наверное, скажешь ты.

Но я бы никогда не стал делать паузу под самый конец рассказа.

И я предупреждал тебя, что история на этом не заканчивается. Наоборот, это только начало.

Потому что Ариам, которому настоятельно советовали сохранить все произошедшее с ним в тайне, захотел, как на его месте захотели бы многие, похвастаться своей удачливостью и проговорился... А может быть, проговорился кто-то из его бригады. Это ничего не меняет. Главное, что мало-помалу сначала его коллеги терраформисты, а затем и другие трудяги космоса то и дело стали «по чистой случайности» скидывать скафандр биологической защиты во время «дождя» спор марпеков.

И никто не пострадал от «заражения» больше, чем Ариам. Они теряли сознание, на их телах образовывался кокон... А через несколько часов они покидали его целыми и невредимыми.

Вначале медики подняли крик по поводу этой новой «моды». Их можно понять: они ведь не понимали, что происходит, а все неизвестное пугает.

Один смысленый и обладающий богатым воображением психолог окрестил это явление синдромом Четырнадцатой Шангри-Ла. И предположил, что речь идет о современной версии все той же склонности к риску, которая в прошлом заставляла отдельных представителей рода хомо сапиенс прыгать с мостов, привязавшись к эластичной ленте, или вступать в единоборство с хищниками, чтобы почувствовать прилив адреналина.

Та самая Проклятая Склонность — помнишь? Мы всегда стремимся нарушить нами же установленные границы.

Но вскоре, констатировав отсутствие негативных последствий, эксперты решили: «Если всем станет известно, что нет никакого вреда, то скоро даже самым упорным любителям подобных развлечений надоест забавляться таким образом».

И на этот раз они были правы.

«Заражение» спорами и прохождение через стадию «личинки» никого не убивало, но и приятного в этом мало. А потому не было опасности, что такое увлечение станет повальным.

Так что после стадии мачистских бравад, как и прогнозировали эскулапы, скафандры биологической защиты вновь вошли в моду для терраформирования с использованием спор марпеков.

А биологи, в свою очередь, с новым жаром вернулись к спорам о том, не мешают ли наши митохондрии другим симбионтам сливаться с нашими генами или споры умеют распознавать разумность своего носителя и потому избегают причинять ему вред?..

В принципе, история могла бы на этом и закончиться, как ты думаешь.

Однако у красавицы Кай-Вон-Тильм имеется своя теория на этот счет. Причем подкрепленная кое-какими доказательствами.

Нет, она теперь относится к Ариаму-Счастливику не так, как раньше. Не спрашивай меня, что произошло между ними и почему они охладели друг к другу. Она мне не рассказывала, а я и не спрашивал.

У нас, людей, есть пословица: «Дареному коню в зубы не смотрят».

Надеюсь, ты поймешь, что это значит. Если даже не докопаешься, что такое «конь».

Тем не менее Кай считает, что отсутствие влияния марпеков на геном человека не обусловлено ни особенностями наших митохондрий, ни мнимым уважением марпековских спор к нашему разуму. По ее мнению, все объясняется гораздо проще... и в то же время страшнее.

Потому что подобное явление происходит наверняка не только с нами. Милая Кай настойчиво искала — и нашла... Как на Земле, так и на других планетах существуют некоторые виды животных и растений, которые тоже абсолютно не подвержены эффекту марпековского эволюционного ускорения.

В этот список попали совсем разные существа, начиная от земных зеленых эвглен, обитающих в мелких водоемах, простейших, обладающих способностью к фотосинтезу, и кончая редкими породами деревьев, как, например, гинкго билоба и саговники, а также некоторые хрящевые рыбы, допустим акула-скватина или химера. А из внеземных организмов можно назвать трикса Сармоны, гузоида с Четвертой Регулы и орнитоидную жабу с планеты Стизия.

Весьма любопытно, что все эти существа имеют нечто общее, а именно: все они относятся к живым ископаемым. Их организмы так удачно адаптировались к окружающей среде, что за сотни, тысячи миллионов лет они остались практически такими же, какими были их далекие предки.

ОНИ НЕ ЭВОЛЮЦИОНИРУЮТ.

Улавливаешь суть проблемы?

Говорят, что всякий ученый испытывает интуитивное озарение, которое он впоследствии пытается доказать или опровергнуть логическим путем. Я задаю себе вопрос: как в голову Кай пришла мысль о том, что марпеки оказались абсолютно безвредными лишь для существ, которые полностью исчерпали свой эволюционный потенциал?

Возможно, на эту мысль ее натолкнуло отсутствие каких-либо изменений в поведении Ариама? Но я воздержусь от голословных утверждений.

Подумай сам: существа, которые не эволюционируют, потому что идеально приспособились к окружающей среде и вследствие этого полностью утратили способность к дальнейшей адаптации...

Они продолжают жить лишь потому, что их окружающая среда не менялась так резко, чтобы свести на нет преимущества достигнутой ими адаптации.

Однако если когда-нибудь все изменится...

Тебе ни к чему трамплин, если ты отяжелел настолько, что уже не в состоянии совершить прыжок.

Кай говорит, что нужно добыть больше доказательств, что следует на протяжении многих лет вести тщательные и системные исследования, прежде чем опубликовать гипотезу о том, что мы, люди, исчерпали свой эволюционный потенциал.

Однако если посмотреть вокруг, то это окажется вполне логичным. Странно, что еще никто не заметил подобного раньше. Возможно, понадобились открытие марпеков с их почти чудесным воздействием на живые существа и инцидент на Четырнадцатой Шангри-Ла, чтобы мы пришли к такому выводу.

А может быть, интуитивно мы это уже предвидели и именно поэтому использовали скафандры биозащиты. Чтобы не поверить в то, что род человеческий, который анатомически не менялся с доисторических времен, уже больше никогда не изменится.

Напрашивается вывод: как вид мы достигли предела своего биологического потенциала, и не будет нам больше никакого развития. Никогда.

Да и это наше рассеивание среди звезд, эта самоубийственная авантюра в виде экспансии человечества, это терраформирование других планет — все оттого, что мы уже не способны адаптироваться к новой окружающей среде. И никогда не будем на это способны.

«Никогда больше», — как давным-давно заявлял Ворон Эдгара По.

Эти слова невыносимы, как приговор. Они вселяют страх и тревогу.

«Qui non proficit, deficit»*, — говорили древние римляне. Иными словами, кто не выигрывает, тот проигрывает. В природе не бывает застоя без последствий.

Полагаю, что, когда Кай обнаружит свою теорию об исчерпании нашего эволюционного потенциала, вечные оптимисты будут возражать: мол, с тех пор как человечество обрело разум, на первый план вышла эволюция нашего мозга, а не тела. И если проблема нашего эволюционного застоя столь серьезна, то в будущем найдется какой-нибудь способ ее решения.

И я боюсь, что, даже если люди ей поверят, даже если в конце концов признают ее правоту, то все равно будут продолжать то, что делают сейчас: расселяться по Вселенной, открывать и завоевывать новые миры, заселять их... Даже если они будут знать, что это бесполезно, потому что наше время подошло к концу, они продолжат экспансию — просто потому, что больше ничего не умеют.

Потому что мы — люди, и мы не способны стать другими.

Опять эта наша Проклятая Склонность (надеюсь, что за время столь пространного повествования ты еще не забыл, о чем идет речь)!

Никогда не смиряться с поражением.

А может, эти упрямцы правы, как ты считаешь?

Потому что человек не может быть приговорен, правда? И великая авантюра экспансии человечества показывает, что впереди нас ждут славные дела. Мы вовсе не выглядим вымирающей расой, так ведь?

Говорят, что ночная тьма сгущается перед рассветом. Значит, вполне возможно, что самым ярким день бывает перед затмением.

Экспансия вполне может стать нашей лебединой песней. Началом нашего заката.

А может быть, и нет. Кто знает?

Я пишу это потому, что такое может произойти. Письмо, запечатанное в бутылку времени.

Идея принадлежала Кай: когда я скажу все, что хотел сказать, я помешу это послание в капсулу и запущу ее в космос, в межзвездное про-

* *Кто не движется вперед, тот отстает (лат.).*

странство, подальше от всех солнц и планет, чтобы она без риска уничтожения плыла из века в век... Вероятность ее потери велика, но все-таки ее могут подобрать представители какой-нибудь из рас, которые придут нам на смену в бесконечном чередовании разумной жизни.

Например, ты и твои сородичи.

Так что мое послание предназначено тебе, сыну другой разумной расы, унаследовавшей от нас космос. Чтобы ты нашел его спустя миллионы лет, когда нас уже не станет, когда нас поглотят безмерная Вселенная и неостановимая сила Жизни, чтобы ты открыл его — и задумался.

Чтобы ты был осторожен в своей гордыне завоевателя и хозяина Вселенной.

Пусть это предупреждение окажется полезным для тебя.

Вот теперь я почти закончил. Но прежде чем окончательно завершить свое послание, хочу еще шепнуть тебе кое-что на ушко. Потому что любой опыт будет бесполезен, если им не с кем поделиться.

Вещи редко бывают такими, какими выглядят. Это всем известно. Но Кай-Вон-Тильм оказалась именно такой, как я ее себе представлял, и даже еще лучше... Ариам так и не понял, какую женщину он потерял, уступив ее мне.

Конечно, Кай на него нисколько не сердится. По крайней мере она так утверждает, и я предпочитаю ей верить. Она нежная, заботливая и любящая... И она благодарна мне (а уж благодарить-то она умеет!) за то, что я поддержал ее, когда она осталась совсем одна.

Кстати, она заявляет, что те две безумные ночи, которые провела со Счастливишкой, абсолютно ничего не значили. Она клянется, что таких ночей было всего две. И будто она пошла с ним тогда лишь потому, что устала ждать, когда я признаюсь ей в любви... как тебе это, а?

Да, Жизнь и Вселенная никогда не перестанут преподносить нам сюрпризы.

И женщины тоже...

Можно сказать, что это — их Проклятая Склонность.

И может, подобное тоже проявление эволюционного застоя, но мне это по душе.

Настолько, что порой даже знание, что мы приговорены к исчезновению, честно говоря, уже особенно не тревожит.

Перевел с испанского
Владимир ИЛЫН

Я Н К Р И З И

ДОРОЖЕ ЗОЛОТА

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

З

а три дня до соревнований, дождавшись, когда Делрой закончит разминку после тренировочного забега, тренер вызвал его к себе для разговора. Делрой сразу же понял, что речь пойдет о чем-то важном. Работа Мичито, которой способствовала искусственно улучшенная эмпатия, означала исключительную чувствительность к настроениям подопечного, чтобы помочь ему добиться наилучшего результата. Временами эта сонастроенность делалась взаимной, и сейчас Делрой различал на лице Мичито редкое для того волнение.

— Прогноз на день забега наконец-то определился, — сообщил Мичито. — Температура идеальная. Влажность идеальная. Скорость ветра чуть-чуть меньше допустимого предела. Направление ветра...

— Идеальное? — перебил Делрой.

— Всю дорогу в спину! — Мичито расплылся в восторженной улыбке. — Это последнее, чего нам не хватало. Ты в отличной форме, погода будет лучше некуда, мы на две тысячи метров выше уровня моря, — Мичито повел рукой вокруг, словно собирая воедино множество других факторов, способных повлиять на результат, — и все это сводится к одному!

— Я выиграю забег? — Делрой не понимал ликования Мичито: погода ведь будет одинаковой для всех участников.

— Да, но это неважно. Победа — ничто; у тебя есть шанс установить рекорд!

Мичито остановился, дожидаясь, пока сказанное дойдет до атлета. Высшие спортивные достижения были темой, которую спортсмены и их тренеры обычно не обсуждали, ведь рекорды держались так долго, что побить их было практически невозможно. Время забега на сто метров для мужчин оставалось в значении 8,341 секунды на протяжении последних семидесяти лет.

Делрой пронизал поток радости, мышцы напряглись, словно бы уже готовясь к выстрелу стартового пистолета.

— Правда? Мировой рекорд?

— Да, единственный и неповторимый! Бесценный, дороже золота!

Возбуждение выплескивалось из Мичито, заражая Делроя, чья ответная реакция, в свою очередь, передавалась тренеру, так что между ними образовался некий замкнутый контур. Это действовало почти как наркотик. И правда, Делрой никогда не испытывал ничего настолько близкого к опиуму, как этот головокружительный поток. Настоящих наркотиков ему за всю жизнь пробовать не доводи-

лось ни разу — на этот счет правила были очень строги, равно как и в отношении множества других вещей.

Мичито внезапно возвратился к своей обычной серьезности.

— Шанс есть, я сказал. Настоящий шанс. Но только если все пойдет гладко, как перышко ангела. Нам нужно абсолютное совершенство! Не должно быть никаких отклонений, ничего отвлекающего.

Что-то в этом роде он говорил всегда накануне серьезного забега, и все же на этот раз все его поведение указывало на нечто большее, чем просто строгий режим.

— Я думаю, — продолжал Мичито, — будет лучше, если ты этой ночью не возвратишься на виллу, а останешься здесь, на тренировочной площадке. Здесь надежнее контроль, гораздо меньше риска...

— Да что со мной случится?

— Я хочу, чтобы ты был подальше от людей, и здесь это легче устроить. Поживешь затворником, не встречаясь ни с кем, кроме своей команды тренеров. Неприятно, понимаю, но это ведь всего на три дня.

Делрой поморщился, однако спорить не стал. Мичито виднее. Помимо обычных настроек здоровья и внешней привлекательности, главным искусственным улучшением Мичито была сверхъестественная эмпатия, позволявшая предугадывать реакцию Делроя и таким образом определять оптимальные условия для достижения успеха. Если он чувствовал, что затворничество необходимо — значит, необходимо. Это всего лишь еще одна строчка в программе, которой Делрой следовал всю свою жизнь.

Программа имела две фазы, привычные для Делроя, как две его ноги. Порой, когда он отрабатывал на дорожке шаговые схемы, программа с каждым шагом стучала у него в мозг: левая, правая, левая, правая — забег, тренировка, забег, тренировка...

— Это больше, чем любая медаль, — продолжал Мичито. — Олимпийские игры — как луна, которая постоянно висит в небе и прибывает раз в четыре года, а рекорд — это комета, она всего лишь раз вспыхивает на небосклоне и исчезает навсегда. Это, может быть, единственный случай за твою карьеру, когда совместились все нужные условия; такой шанс вряд ли когда-нибудь выпадет! Но если мы смогли предсказать эту возможность, то сумеют и другие. Теперь, когда погода определилась, все уже знают, что ты попытаешься побить рекорд. Журналисты будут роиться вокруг тебя, как пчелы. Ведь это величайшее спортивное событие за целое десятилетие, и к тому же речь не только о спорте...

Мичито замолк, но Делрой знал, на что он намекает. Право на спортивные рекорды имели только стандартные люди без искусственных улучшений, так называемая «видовая модель». Поскольку стандартные уже давно превзойдены своим улучшенным потомством, любое их достижение считалось большим событием, и движение Естественной Жизни приветствовало его как доказательство, что древняя модель еще не окончательно устарела.

— И есть еще один момент, которого нам следует остерегаться, — сказав это, Мичито ненадолго замолк, чтобы подчеркнуть следующие слова: — Саботаж. Не все хотят, чтобы ты побил рекорд. Мы не можем рисковать твоим успехом. Я уже организовал дополнительную охрану.

Саботаж? Да нет, вряд ли подобное возможно. Действительно такая опасность существует или это только фантом, вызванный к жизни, чтобы убедить Делроя принять затворничество?

Вот в чем проблема, когда твой тренер сосредоточен лишь на том, чтобы ты выполнил свою задачу: никогда не знаешь, правду он говорит или врет, решив, что подобная ложь будет иметь максимальную мотивационную ценность.

Впрочем, не имеет значения, правда это или нет. Важен только рекорд.

На следующий день Делрой выбрил голову. Это была обычная процедура перед соревнованиями: волосы создавали лишь крошечную долю общего сопротивления тела, но сейчас любая доля шла в счет.

Все равно что сидеть в тюрьме... Нет, даже хуже: там каждый час твоей жизни не подвергается скрупулезному регулированию, тебе оставляют выбор хотя бы в мелочах: попросить обычную капусту или цветную, отправиться на прогулочный двор или в библиотеку. Делрой подобной свободы не имел. Все его тренировки расписаны заранее; в точности определено, сколько времени он должен провести на каждом из гимнастических снарядов или на беговой дорожке. Его диета просчитана до калорий.

Чтобы иметь хоть какую-то надежду на рекорд, ему необходима безупречная форма. За сотни лет соревнований забеги становились все короче. Чем меньше рекордное время, тем труднее его побить и тем реже это происходит. Промежутки между новыми рекордами растягивались до десятилетий и веков, а разница в значениях самих результатов уменьшалась по асимптотической кривой.

Если бы ему позволили поговорить с журналистами, Делрой с удовольствием употребил бы слово «асимптотический» — хотя бы

для того чтобы обмануть их ожидания. Стандартных всегда считали тупыми, особенно атлетов, потому что... ну, вообще-то Делрой не знал, откуда взялось представление о глупости спортсменов, но никто не ожидал, что они станут употреблять длинные многосложные слова.

Что касается значения этого слова, Делрой не смог бы процитировать математическое определение, но зато понимал его суть. Рекордное время уменьшалось все более мелкими порциями на протяжении все более долгих периодов, приближаясь к пределу человеческих возможностей, некоей абсолютной скорости, какой когда-либо сможет достичь человек — разумеется, без помощи генной инженерии, послеродовой коррекции, искусственных улучшителей телесных характеристик и прочего списка технологий, запрещенных в целях поддержания чистоты рекордов.

Если Делрой установит новую отметку, она может оказаться чуть ли не на самой асимптоте, по крайней мере в пределах тысячной доли секунды от нее. Предыдущий рекорд держался семьдесят лет, а значит, слава Делроя останется с ним на всю жизнь... если только он не перестроит свое тело, прибегнув к помощи одного из улучшений, включающих опцию долговечности.

Слава на всю жизнь, а возможно, и навечно.

Подобные соображения помогали Делрою примириться с униженным режимом тренировок. Каждая мелочь, какой бы трудоемкой или раздражающей она ни была, помогала уменьшить его личный показатель на 0,008 секунды — это и требовалось, чтобы побить рекорд.

Все было рассчитано, вплоть до последней молекулы жидкости в его мочевом пузыре.

Распрощавшись с волосами, Делрой прошел в то крыло тренировочного корпуса, где размещался Доп, его виртуальная копия. В одну из стен был вмонтирован экран, где виднелось изображение Допа, теперь тоже безволосого. Поскольку Доп копировал Делроя вплоть до атомов, а гладкость экрана превосходила стекло, изображение было даже более точным, чем если бы смотреться в зеркало. Оно показывало Делроя в полный рост — два и три тысячных метра — и нагишом. Оптимальный костюм и обувь были подобраны давным-давно, поэтому, как правило, не имело большого смысла вводить их в картину. Тело атлета представало во всем его великолепии — упругие мускулы под черной кожей. Делрой знал, что некогда цвет его кожи мог вызвать предубеждение. Но в нынешние времена различия между стандартными были пренебрежимо малы в сравне-

нии с той пропастью, которая отделяла их от различных клад — монофилетических групп улучшенных. Стандартные любого цвета вызывали жалость и насмешки. И тем не менее, говоря словами участников движения Естественной Жизни, если улучшенные на самом деле так совершенны, почему среди них столько разновидностей?

Порой, когда ему хотелось чего-нибудь запретного, Делрой говорил своему двойнику: «Я бы сейчас съел мороженого с сиропом и шоколадной глазурью». И тогда экран разделялся на две панели, показывая две различные версии Допа: один из них следовал предписанному режиму, второй же потворствовал своим капризам. Обе модели в сравнении проецировались надень соревнования. Праведный Доп, конечно же, оказывался в лучшей форме — на мельчайшую долю, однако в счет шло все.

Это не мешало Делрою повторять попытки снова и снова. В конце концов, пока не спросишь, не узнаешь. Он мечтал о том, как однажды скажет: «А может, мне отрастить волосы и сделать себе огромное афро?», и его двойник ответит: «Мы об этом не думали, но сейчас произвели вычисления и оказалось, что гигантское афро действительно поможет тебе побить рекорд!».

Однако иногда, получив подряд несколько отрицательных ответов, Делрой просто смотрел на экран и представлял себе, каково это — быть чьим-то двойником, заключенным внутри компьютера. Оказавшись его копией вплоть до последнего атома, Доп в принципе должен был уметь думать и мечтать не хуже, чем сам Делрой.

Впрочем, закон запрещал создавать разумные копии людей и держать их взаперти для расчета диет и упражнений. Высшие мозговые функции Допа были подавлены — он не думал вообще.

Делроя это несколько смущало. Режим его тренировок основывался на имитациях Допа. Годами он пользовался этими расчетами: они принесли ему золото на последней Олимпиаде, а сейчас, даст Бог, принесут и мировой рекорд. И тем не менее тот факт, что умственные способности Допа были стерты, показывал, насколько малую роль играет во всем этом интеллект.

Делрой был просто машиной, выполняющей программу. Ему следовало лишь тренироваться, есть, пить и бегать. Мозги не требовались.

Может быть, атлеты действительно глупы.

Запрограммированный автомат... Подобная мысль чуть было не убила его любовь к бегу. В молодости он не хотел ничего другого, только бежать, бежать, бежать. После первых побед в соревнованиях с ним стали заниматься новые тренеры, и каждый требовал все более

изошренного и сурового режима. Делрой бегал быстрее, постепенно приближаясь к своей личной асимптоте, и вносить дальнейшие улучшения становилось труднее, это требовало все более точных инструкций, пока в конце концов он не стал рабом своей безмозглой копии.

Он мирился, потому что это работало. С результатами не поспоришь. И однако после олимпийской золотой медали и, возможно, установления мирового рекорда... во имя всего святого, что дальше?

— Что дальше? — спросил он Допа на большом экране.

Однако имитация никогда не заглядывала дальше соревнований.

В день перед главным забегом Делрой заново повторил все свои ускорения и старты, в то время как из громкоговорителей неслись тщательно симитированные одобрительные крики зрителей, давая ему возможность заранее привыкнуть к реву толпы. Все происходило с выверенностью метронома. Делрой чувствовал себя заводной игрушкой, пружину которой закручивают все туже и туже...

Мичито ощущал напряжение своего подопечного, однако, как ни странно, не пытался разрядить его. Если все завершится взрывом, это, возможно, придаст Делрою еще большую скорость, чем когда-либо прежде.

После очередной тренировки Мичито с помощниками поспешили обратно в корпус, чтобы сравнить показанный Делроем результат с Доповой имитацией и вычислить последние мельчайшие поправки к диете и режиму сна на несколько оставшихся часов.

Делрой остался снаружи, чтобы насладиться теплым полуденным воздухом и полюбоваться видом. Завтра он будет слишком сосредоточен на забеге, чтобы замечать окружающее, а после этого возвратится домой в Лос-Анджелес — вернется мировым рекордсменом или же, как и прежде, просто олимпийским чемпионом.

Его окружали величественные горы, возвышающиеся над Мехико. Тонкий слой облаков скрадывал сверкание солнца; маленькие точки на их фоне были, наверное, птицами — а возможно, улучшенными людьми, парящими в небесах. Из всех видов улучшений крылья пользовались наибольшей популярностью, несмотря на радикальное хирургическое вмешательство, которое требовалось для послеродового изменения.

На его глазах одна из точек стала расти. С неба спустилась фигура, скользнула к беговой дорожке. Делрой нахмурился. Охрана Мичито справится с вторжением, так что самому Делрою не имело смысла вмешиваться. Он двинулся к раздевалке; его мышцы были напряжены в ожидании конфликта. Он едва не припустился рысцей,

но сдержал себя: его упражнения были рассчитаны вплоть до шага и последней капли пота.

Он ощутил на выбритой голове дуновение воздуха от машущих крыльев. Фигура следовала за ним! Летящий с легкостью мог его обогнать, разве что Делрой пустился бы бегом, поэтому он остановился и уселся на один из блоков, огораживавших дорожку, ожидая, пока преследователь приземлится.

Нарушительница — это оказалась женщина — аккуратно опустилась на асфальт перед ним и сложила крылья. Одета в красную шерстяную тунику, босиком, ступни заканчиваются загорелыми человеческими пальцами, а не птичьими когтями, как предпочитали некоторые из летающих клад. Делрою прежде уже доводилось видеть крылатых людей, но его всегда поражало, насколько они маленькие. Женщина напоминала шестилетнего ребенка, страдающего гидроцефалией: тело должно было быть небольшим, чтобы его удерживали крылья, но уменьшение черепной коробки и мозга привело бы к потере способностей. Непропорционально большая голова торчала на тощем тельце, словно тыква, насаженная на морковь.

Делрой взглянул направо, потом налево, недоумевая, что могло случиться с обещанным отрядом охраны. Не то чтобы женщина представляла угрозу — она была совсем крошечной и, судя по всему, не имела оружия. Однако она нарушила его затворничество перед соревнованиями, которое Мичито полагал столь необходимым.

— Ваших охранников отвлекли, — сказала женщина высоким детским голосом. — Совсем ненадолго. Мне нужны всего лишь несколько минут вашего времени.

— А мне нужно всего лишь без помех подготовиться, — с нажимом ответил Делрой. — Если вы желаете со мной поговорить, почему бы вам не подождать до конца соревнований?

— Потому что я хотела быть первой. После того как вы побьете рекорд, вас засыпят предложениями. Пробыться к вам будет уже гораздо труднее, и даже если это удастся, я буду лишь одним голосом среди многих... Если я пообещаю, что уйду, скажем, через десять минут, вы меня выслушаете?

— Не думаю, что дело того стоит, — сказал Делрой. — Мичито рекомендовал мне избегать любых контактов. Я не разговариваю даже со своей семьей.

Ему живо вспомнился кадр из старого фильма: моряки, зажимающие уши, чтобы не слышать роковых голосов сирен. Здесь не было никого, кто мог бы привязать его к мачте. Куда все подевались?

— Мичито очень бережет вас, я знаю. Его задержали вместе с остальными. Но ему не о чем волноваться: у меня нет намерения снизить ваши шансы на победу. Я сама хочу, чтобы вы побили рекорд, и уверена: вам это удастся.

— Ну хорошо, хорошо, — сказал Делрой, не вполне успокоенный, но благодарный ей за то, что она до сих пор не всадила ему пулю в коленную чашечку, что с легкостью могла бы проделать, имей оружие. Ее дерзость заслуживала награды. Бунтарская жилка в нем приветствовала это отклонение от расписания, незапланированную встречу, которая могла завести куда угодно.

— Благодарю вас, — сказала она. — Я очень ценю то, что вы дали мне эту возможность. Прежде всего позвольте представиться: меня зовут Яра Родригес, — она сделала короткую паузу, — и как я вижу, вы не узнаете это имя, хотя однажды я находилась в ситуации, очень похожей на вашу. Сорок пять лет назад я входила в состав команды, побившей мировой рекорд для женщин в эстафете на четыреста метров. Насколько я знаю, этот рекорд держится до сих пор. — Она ностальгически улыбнулась. — Мы добились некоторого признания, хотя оно было далеко от того, что предстоит вам. Стометровка для мужчин имеет культовый статус среди забегов.

Делрой начал что-то говорить, но посетительница прервала его:

— Я здесь не для того, чтобы жаловаться на каприз истории, из-за которого одна дистанция считается более значительной, чем другая, а одиночные забеги более интересны для прессы, нежели эстафеты. Не важно, почему ваша победа будет считаться самой престижной, просто это так. И именно поэтому ваше решение имеет такое значение.

— Мое решение?

— Насчет того, что вы будете делать потом. Возможно, вы будете продолжать бегать. — Судя по ее тону, она считала это маловероятным. — Однако если вы бросите спорт, то что дальше? Весь мир будет смотреть на вас, ожидая, что вы выберете.

— И насколько я понимаю, вы хотите сделать мне предложение. — Делрой вздохнул, разочарованный, что все оказалось настолько плоским и прозаическим. — Послушайте, все мои дела ведет мой агент. Меня не интересуют разговоры ни о какой коммерции. Я для того и держу агента, чтобы он разбирался с подобной чепухой.

— Я вовсе не прошу вас рекламировать золотые украшения, — колко отозвалась Яра. Делрой подавил смешок: это выглядело нелепо — его отчитывает существо ростом с малолетнюю девчужку.

Она показала на тело Делроя, даже в сидячем положении возвышавшееся над ней.

— Вот это гораздо более фундаментальная вещь. Вы собираетесь оставить себе то тело, с которым родились?

— А-а... Понимаю, о чем вы. — Делрой помолчал. Над этим ему еще не приходилось размышлять серьезно, поскольку дело не казалось срочным. — Да, наверное, на какое-то время оставлю. Куда спешить? Есть уйма вещей, которых я в этом теле еще не делал; можно заняться ими, прежде чем его усовершенствовать.

Например, наркотики. Легких наркотиков тысячи, а он до сих пор не пробовал ни одного. Это ограничение было наследием старых законов против наркотиков, введенных еще на заре легкой атлетики, а также маниакальной боязни, что любая необычная субстанция может каким-то неизвестным образом улучшить показатели.

Не то чтобы он стремился превратиться в дрожащий сгусток газа, вовсе нет. Его привлекало не столько желание какого-то конкретного наркотика, сколько перспектива выбора: роскошь иметь бесконечное число вариантов, открытых для исследования.

— Но в будущем вы не исключаете возможности изменить свое тело? — спросила Яра.

— Конечно, не исключаю, — сказал Делрой. — Может, и переделаю, а может, и нет. Но в любом случае я не какой-нибудь чудик из Естественной Жизни, считающий, что улучшения вообще не нужны.

Яра улыбнулась.

— Они будут разочарованы, когда это услышат. После того что случится завтра, вы станете для них героем. Вы же знаете, что они говорят: если вы можете бегать быстрее всех, кто когда-либо жил на Земле, это доказывает, что в первоначальной модели еще осталась бездна потенциала. А значит, и улучшать интеллект нет необходимости: может отыскаться стандартный, который превзойдет Ньютона и Эйнштейна.

— Нуда... — Делрой не любил людей с улучшенным интеллектом. Они казались ему самодовольными снобами. — Пожалуй, я еще могу какое-то время побыть для них символической фигурой. Как я уже сказал, я не тороплюсь меняться.

— Я тоже не торопилась. Но чем дольше ты живешь в старом теле, тем тяжелее потом приспособиться к новому. — Яра опустила глаза. — Разница велика, действительно велика. Я жалею, что так долго затягивала.

— И значит, насколько я понимаю, вы советуете мне меняться сразу же. — Интонации Делроя тоже стали ироническими, когда он понял, чего хочет от него женщина. — Вы сказали, что это не связано с торговлей.

Однако что это, как не коммерческое предложение? Вы хотите, чтобы я произвел улучшение. Но тем самым я подпишусь под всей концепцией улучшения. Это будет плевок в лицо движению Естественной Жизни — если их символ, едва побив рекорд, тут же отправится менять тело.

— Вы сказали, что не принадлежите к движению...

— Не то чтобы я согласен со всеми их заявлениями, — продолжал Делрой, не обращая внимания на ее протест, — но это вовсе не значит, что я хочу дать им публичную пощечину. Я не собираюсь связываться в политические склоки между стандартными и улучшенными...

Он осекся, охваченный темным подозрением. Мичито был улучшенным. Все члены команды охраны тоже имели те или иные модификации. Может быть, их вовсе не отвлекали, а они сами намеренно впустили сюда эту женщину, надеясь, что она убедит его присоединиться к ним?

Его охватил гнев. Эти чертовы улучшенные! Они все в сговоре друг с другом; считают себя выше всех...

Делрой сделал усилие, взяв себя в руки, и его гнев утих. Он столько лет жил по регламенту, что привык видеть руку тренера во всем. И все же разумом он понимал: обвинять Мичито — абсурд. Зачем тогда тренер устроил ему затворничество?

К тому же ментальные улучшения Мичито были совершенно другого рода, нежели физические у Яры. Движение Естественной Жизни говорило об улучшенных как о единой массе, строящей какие-то зловещие планы, однако в действительности они представляли собой широкий спектр разнообразных типов тел и умов, у которых было мало причин объединяться.

— Дело не в противостоянии стандартных и улучшенных, — сказала Яра. — Если бы это было так, мы бы попытались помешать вам побить рекорд. Но речь совсем о другом, правда.

— О чем же тогда? — спросил Делрой с резкостью, о которой тут же пожалел.

— Просто если вы действительно решите, что хотите себе новое тело, вам придется выбирать, какой конкретно перечень усовершенствований...

— Ага, ну понятно, — перебил Делрой более спокойным и циничным тоном. — И разумеется, вы можете мне порекомендовать...

— Да. От имени своей клады я уполномочена сделать вам предложение. Если вы присоединитесь к нам, мы заплатим за все трансформационные процедуры, назначим вам наставника и познакомим со всеми радостями полета...

— Но крылья — дорогая игрушка, разве не так?

Дело было не только в стоимости самих крыльев; предстояло еще адаптировать и сократить в объеме все тело. Делрой воззрился на женщину, похожую на цветочную фею, — в ней было не больше четверти его собственного веса.

— Да, но самое важное — это наставник. Летать не так-то просто, у людей нет для этого необходимых инстинктов.

— И насколько я в состоянии предположить...

— Я могу быть вашим наставником, если вы захотите, — подтвердила Яра, снова опуская глаза и уставившись в асфальт, чтобы не встречаться с Делроем взглядом. — Как я понимаю, меня потому и выбрали для разговора, что моя история напоминает вашу. Я знаю, на что это похоже, ведь тоже прошла через все. Это тяжело. Особенно тяжело для атлетов, из-за того что мы настолько настроены на свои тела. Мы привыкли, когда бегаем или прыгаем, иметь абсолютный контроль над собой, добиваться высоких результатов... А потом вдруг оказываешься в другом теле и обнаруживаешь: ты потерял гармонию, мастерство. Это все равно что стать калеккой...

— Однако вы умеете рекламировать свой товар, — заметил Делрой с насмешкой, хотя и восхищаясь ее честностью.

— ...и долго, долго борешься с собой. Но в конце концов что-то щелкает, и ты оказываешься в совершенно новом мире. Летать — это так великолепно, так волшебно... — На лице Яры отразилась горячая радость. — Вы знаете, у нас ведь тоже есть соревнования! Классический маршрут — от Лондона до Парижа, но существует и множество других. А состязания в воздухе требуют от человека гораздо большего, чем на земле. Будем откровенны: чтобы бегать, большого ума не нужно. Полет — материя гораздо более тонкая; существует множество факторов, которые необходимо учитывать: ветер, восходящие потоки, атмосферные фронты. Стоит один раз поучаствовать в небесной гонке, и ты уже на крючке.

Звучало соблазнительно. Но торговое предложение и должно звучать соблазнительно. Однако Делрой знал, что существует и обратная сторона, о которой Яра не упомянула. Те самые факторы, которые делали стандартную атлетику столь популярным зрелищем, Олимпийские игры столь значительным событием, а установление мирового рекорда столь трудным и престижным достижением.

Все это работало лишь благодаря ограничениям — многочисленным запретам, которые так раздражали Делроя. Состязание имеет смысл, только когда участники равны. Потому-то правила всех видов стандартного спорта и запрещали использовать трансформацию тела, наркотические вещества и тому подобное.

Стоит только позволить улучшения, и соревнование станет невозможным. Сам процесс улучшения непрерывно совершенствуется; последние поколения летающих держались в воздухе гораздо более свободно. И невозможно найти двух одинаковых индивидуумов, учитывая, что ремоделирование — это не одновременная смена имиджа, но пожизненный процесс непрерывной переделки. Различные клады улучшенных представляли собой не только физиологические шаблоны, но и социальные сообщества, основанные на значительных различиях в широком спектре постоянно меняющихся телесных типов.

Делрой видел фотографии победительницы последнего залета Лондон — Париж. Это была крошечная фитюлька, щепочка, в которой невозможно распознать человека: всего лишь капля мозга на острие летящей стрелы. Человеческое тело не предназначено для полета, и чем сильнее ты переделываешь себя, чтобы летать, тем дальше отходишь от «видовой модели». Яра, несмотря на ее поразительно малые размеры и гротескные пропорции, сделала пока что лишь несколько шагов по этой длинной-длинной дороге...

Разумеется, среди улучшенных можно было бы попытаться выделить некие обобщенные типы или классы, исходя из форм и размеров, как стандартные боксеры различаются по весовым категориям. Однако при таком огромном разбросе вариантов в итоге получилось бы либо несколько классов со значительными различиями внутри каждого, либо множество классов очень небольших по численности.

Ни тот, ни другой вариант не годился для соревнований. Именно поэтому спортивные мероприятия улучшенных не привлекали массовой аудитории. Все знаменитые спортсмены — не только в легкой атлетике, но также и звезды футбола, тенниса, гольфа и так далее — были стандартными.

Делрой не стал тратить время, объясняя все это Яре, — не имело смысла заново повторять то, что они оба прекрасно понимали. Он сказал просто:

— Это щедрое предложение. И вы пошли на большие хлопоты, чтобы добраться сюда. Зачем? Что вы получите от этого?

— Нам нужен ваш авторитет, — ответила Яра. — Установив завтра новый рекорд, вы станете знаменитостью. Если после этого вы решите улучшить себя, то присоединитесь к какой-то кладе, и она тоже окажется в центре внимания. Вы назвали это коммерческим предложением — мне не нравится это слово, но оно довольно точно отражает суть. Сами знаете, какой разброд царит среди улучшенных — множество телесных типов, огромная текучка. Такое состоя-

ние не может длиться долго. Это фаза эксперимента: сейчас можно разыскать любую из возможных вариаций тела и ума. Но скоро все закончится. Люди обнаружат, что некоторые вариации лучше других, и захотят жить в сообществах тех, кто умом и телом похож на них. Спустя какое-то время немногочисленные ведущие клады начнут расширяться, а множество непопулярных обнаружат, что их население утекает, дабы присоединиться к более успешным... Мы хотим быть среди победителей, а не проигравших.

Делрою показалось, что он уловил за невозмутимым выражением лица Яры и отточенными формулировками нотку настойчивости, возможно, даже озабоченности.

— Поэтому мы разработали программу, — продолжала Яра, — основанную на том, чтобы убеждать нужных людей присоединиться к нам: лидеров, образцов для подражания, людей, добившихся успеха в жизни. Таких, как вы.

— Вы хотите сказать, таких, каким я стану, если завтра побью рекорд, — возразил Делрой.

Яра улыбнулась.

— Об этом не беспокойтесь. Не забывайте, я и сама однажды побила рекорд. Я могу сказать, когда имеются все условия. Это наверняка случится.

— Ценю вашу уверенность, — отозвался Делрой, постаравшись, чтобы это не прозвучало саркастически. Насколько он понимал, предсказывая ему победу, Яра тем самым тонко давала понять, что он будет нужен ее клану, только если побьет рекорд. Из проигравшего символа не выйдет.

Хочет ли он имплантировать себе крылья и взмыть в небеса? Звучало весьма заманчиво, однако ведь существует и множество других вещей, которые могут быть не менее желанны. Если он завтра добьется победы, предложений появится масса. Мысль об этом пьянила. Делрою льстило, что его так обхаживают, но еще более восхитительной казалась бесконечная перспектива возможностей.

И однако, побеждая в соревнованиях — или устанавливая рекорд, — он опирался на обширный свод правил, определяющих, что можно считать истинным состязанием, а также на упорные тренировки, благодаря которым достигал результатов. Лишенный этой структуры, не начнет ли он попросту колебаться между тысячами разновидностей пустого гедонизма и мелкими сиюминутными целями? И в поиске какого-то достижения не отыщет ли тренера наподобие Мичито, чтобы тот обучил его гонкам в воздухе, и не вернется ли снова к строго регламентированной жизни?

Таким мог быть один из вариантов. Но конечно же, имелись и другие.

Делрой поднялся, давая ей понять, что разговор окончен.

— Я обдумваю ваше предложение позже. Уверен, вы понимаете, что в данный момент для меня важнее всего соревнование.

— Да, конечно, — ответила Яра. — Надеюсь, вы и в самом деле решите присоединиться к нам. А пока для начала вот вам небольшой урок: оторваться от земли гораздо сложнее, чем приземлиться. Для этого нужно сперва набрать некоторую скорость.

Она взглянула на стартовые колодки.

— Пожалуй, воспользуюсь по старой памяти.

Припав к земле, Яра приняла стойку — ее крошечные ступни выглядели неуместно в колодках, рассчитанных на стандартный размер. Делрой поднял руку, изображая пистолет.

— Бах! — выкрикнул он.

Яра сорвалась с места и пустилась бежать по дорожке. Ее крылья развернулись и начали биться в медленном ритме, один взмах на четыре шага.

В момент, когда она пересекала финишную черту, Яра оторвалась от земли и взмыла в небо.

Утром в день соревнования Делрой обнаружил: он до сих пор не имел понятия, что значит свобода. Он негодовал на жесткий контроль тренировок, на строго ограниченную диету, на необходимость постоянно сверяться с безмозглым электронным двойником. Однако никогда не сознавал, насколько велик люфт между его действиями, если учитывать каждую минуту. Теперь даже эта крошечная степень свободы исчезла. Программа охватывала абсолютно все, так что он превратился в гигантскую марионетку без малейшего признака собственной воли.

Доп стал полноценным голографическим изображением и следовал за ним повсюду — это был наиболее эффективный способ доносить до него инструкции, еще более тщательно детализированные, нежели во время прошлогодней подготовки к финалу олимпийских игр. Делрой глядялся в изображение Допа и копировал все до мельчайшего движения: каждый жест, каждое упражнение, каждую малейшую поправку и уточнение.

Мичито, обычно столь чувствительный к настроению своего подопечного, по-видимому, не замечал недовольства Делроя. Возможно, тренер был просто слишком занят, пытаясь контролировать реальность на атомном уровне точности, достижимом для двойника. Более вероятно, он ожидал такой реакции Делроя и учитывал ее.

Имел значение только рекорд, а не то, нравится ли атлету предстартовая подготовка.

Теперь, когда все его телесные движения были порабощены регламентом, Делрой оставался свободен только внутри своей головы, а там зрел бунт. Выходя на стадион и слыша знакомый, полный ожидания гул толпы, он внезапно обнаружил, что подумывает о том, чтобы придержать себя, отказаться от последних судорожных усилий, необходимых для того, чтобы побить рекорд.

Это было бы превосходным жестом, добровольно перечеркивающим все, к чему он стремился на протяжении своей карьеры. Таким образом он провозгласил бы свою свободу, свою индивидуальность и показал, что из него не сделать безмозглую марионетку.

Делрой поравнялся с другими бегунами и обменялся с ними рукопожатиями, не глядя никому в глаза. Он соревновался не со своими соперниками, он соревновался с отметкой, установленной семьдесят лет назад. Как и предсказывали, погода оказалась превосходной: ветер, температура, влажность — все условия благоприятствовали. Делрой перекрестился и произнес короткую молитву.

По команде все опустили в позицию на стартовых колодках. Распорядитель забега направил пистолет в небо. Как всегда (это составляло ключевую часть его подготовительной процедуры), Делрой вспомнил слова одного давно умершего спринтера: «Когда пистолет говорит «бах!» — старт на букву «б». Эта фраза действовала для него как мантра, готовя его отреагировать на самые первые децибелы звука выстрела.

Однако стоит ли ему прикладывать это усилие — или же, наоборот, сдерживать себя?

Делрой страстно желал избавиться от ограничений, которые так долго его связывали. К тому же, если он станет мировым рекордсменом, его ждет величайший размах, широчайшее разнообразие возможностей...

Это была последняя из его сознательных мыслей. Раздался выстрел стартового пистолета, и он превратился в автоматическую куклу, повинувшись нескольким строкам в самом конце программы, — и поплыл вперед, к свободе, что ждала его у финишной черты.

Перевел с английского
Владимир ИВАНОВ

© Ian Creasey. The Prize Beyond Gold. 2010. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's» в 2010 году.

Р У Д И Р И К Е Р ,
Э Й Л И Н Г А Н Н

ЧЕЛОВЕК ИЗ УЛЬЯ

Иллюстрация Владимира Овчинникова

Диана познакомилась с Джеффом на занятии по каратэ. Додзё, где они занимались, располагалось неподалеку от палатки с хот-догами. Диана считала, что имеет дело с инструктором.

На протяжении получаса Джефф учил ее нападать, уклоняться от ударов и снова атаковать предполагаемого противника — именно тому, ради чего она пришла. Она работала в офисном здании и иногда по дороге домой встречала на парковке веселую, но немного пугающую компанию молодых людей. Гранью между «веселыми» и «пугающими» зачастую были расточительство и оездежежье, поэтому диана решила подготовиться на случай, если парни пересекут эту черту.

Теперь у нее в запасе имелась пара приемов для тех, кто сочтет ее неспособным постоять за себя офисным планктоном.

— Пополню этими упражнениями свою йогу, — сказала Диана с благодарной улыбкой.

— Да, — согласился Джефф, — ты хорошо все усвоила, теперь тебе никто не страшен. Хочешь перекусить?

Он извлек из кармана серебристый смартфон и открыл карту, затем пристально посмотрел на Диану.

— Вижу, как ты ешь... фалафель* и... итальянское мороженое на десерт. Я угадал? Ты же хочешь этого. После всех этих упражнений надо хорошенько подкрепиться.

— Звучит заманчиво, — признала Диана. — Но разве тебе не нужно оставаться в додзё?

Джефф ей понравился, но показался слишком уж угодливым и в то же время ограниченным в средствах. Смущало ее и что-то еще...

— Я не работаю здесь, — признался он. — Босс просто разрешил мне тут ошиваться, если буду заниматься с клиентами. Так что я типа тружусь, но по свободному графику, понимаешь? Сходи в душ, а я подожду у выхода.

Что ж, вот это-то ее и смущало. Хотела ли она связываться с еще одним неудачником — ну хорошо, симпатичным неудачником — у которого есть смартфон, хорошо подвешен язык, но который в то же время не может устроиться на работу даже зазывалой в додзё?

— Ладно, договорились, — сказала Диана. Все равно на вечер она ничего не планировала, а с тем придурком рассталась несколько дней назад.

* Обжаренные в масле шарики из протёртых со специями плодов турецкого гороха. (Здесь и далее прим. перев.)

Ожидая ее, Джефф баловался со своим смартфоном, стоя в тени. Июнь подходил к концу, и потому дни сделались жаркими, а воздух — густым и тягучим, как карамель. Бросив взгляд на Диану, Джефф сделал в воздухе мистический пасс.

— Ты рассталась с парнем на прошлой неделе.

Она удивленно захлопала глазами.

— И ты уверена, что поступила правильно. Он настоящий козел.

— Уже загуллил меня? И что, эта история о Роджере доступна всем?

— Ну, есть кое-какие меры, которые позволят ограничить доступ к твоим постам, — ответил Джефф. — Если хочешь, я помогу тебе отшлифовать твой сетевой образ. Я, можно сказать, живу этим.

— Так чем же ты занимаешься на самом деле? — спросила Диана.

— Я исследую тренды, — ответил он с хитрой улыбкой. — Общественное мнение, реклама, социальные сети, вложения, всякое такое.

— У тебя есть свой сайт?

— Я стараюсь особенно не высовываться.

— И тебе платят?

— Иногда. Сегодня, например, я купил триста старинных говорящих кукол. Они дешевлеют, но медленнее, чем раньше. Это, так сказать, второстепенный тренд. Значит, вскоре цена упадет до минимума, а после начнет расти — через пару дней я продам их и получу достаточную прибыль.

— В детстве я всегда ненавидела таких кукол. У них пренебрежительно вздернутые носы и такой взгляд... а еще эти их писклявые голоса...

— Да-да, но для детей младше десяти это своего рода ретро. На следующей неделе семилетние девочки будут с ума по ним сходить, а родителей охватит отчаяние. Придется им раскошелиться.

— Так ты собираешься продержат три сотни кукол на складе, а потом снова выпустить их на рынок? Разве это не съест большую часть твоей прибыли?

— Я не какой-нибудь старьевщик, Диана, — ответил Джефф возвышенным тоном. — Я продаю права на продажу этих кукол.

— Отличный подарок для возлюбленной, — Диана хихикнула. — Право на продажу говорящей куклы. А где твоя машина?

— Все там же, в виртуальном пространстве, — мягко ответил Джефф. — Я поеду с тобой. Веди меня сквозь тьму, — он театрально взмахнул рукой. — Тебе понравится это место, оно оформлено в египетском стиле. Смартфон говорит, что там используют особый сорт бобов и у них на стенах нарисованы иероглифы. И даже не спраши-

вай о великолепном кафе по соседству. Ом мани падме ням* № 7. Молочное мороженое с ароматом камфары. Впрочем, хватит уже говорить о еде. Расскажи лучше о себе. Где ты работаешь?

— О, разве ты еще не подсмотрел мою должность и зарплату в своем смартфоне?

— Скажем так, я джентльмен. Будем считать, что я этого не делал... Ухты, классная тачка!

— Я работаю менеджером по страховым выплатам, — ответила Диана, открывая свой двухдверный спортивный автомобиль. — Я спрашиваю у людей, как они умудрились повредить себе шею. Скукота-а-а, — она скорчила рожицу. — Надеюсь, что с тобой, Джефф, мне будет весело.

Вечер действительно удался. После фалафеля, ведомые смартфоном Джеффа, они посмотрели на пожарных, тушивших дом, прогулялись с демонстрацией, застали конец состязаний по граффити, поучаствовали в каком-то мероприятии с загородным боулингом, замороженной индейкой и двухлитровыми бутылками содовой, а в конце концов, уже после полуночи, попали на чудной показ мод, организованный дизайнером Ронной Роллер и ее помощником Сидом. Рона оказалась загоревшей дочерью на женщинной, вкушившей все плоды современной косметической хирургии, с низким, гортанным смехом в духе журнала «Vogue». Сид походил на удивительный гибрид юного астронавта с нью-йоркским жуликом.

Модели Роны, зомби в готическом стиле, демонстрировали пятнистые рубашки, изготовленные из...

— Кальмаровой кожи? — переспросила Диана. — Что, из головногих?

— Ага, — с восхищением подтвердил Джефф. — Эти рубашки все еще живые или типа того. Они играют роль суперкомпьютера с множеством подключенных к сети дисплеев.

Он указал на мужчину в дурацкой шляпе.

— Посмотри на парня со светящейся шапкой. У него на спине отображаются посты с форумов. В его рубашке настроен фильтр, пропускающий только один тип контента.

— Мотоциклы с драконьими головами? М-да... — Диана не испытывала столь бурного энтузиазма. — Сколько, интересно, стоит такая рубашка?

— Столько, сколько я никогда не смогу заплатить, — ответил Джефф. — Думаю, их не покупают, а как бы одалживают, на время, —

* Вариация на тему одной из самых известных мантр в буддизме (особенно тибетском): "Ом мани падме хум".

он улыбнулся Диане. — Впрочем, все лучшее в мире не имеет цены. Поехали домой?

Из-за обилия впечатлений Диане казалось, что прошло уже несколько дней, а не один-единственный вечер, поэтому она разрешила Джеффу остаться на ночь. Он оказался очень внимательным и чутким любовником. За завтраком он тоже уделял ей много внимания и даже не ныл, что у нее нет яиц и бекона — того, что ее бывший, Роджер, называл «настоящей едой».

— Ты вегетарианка? — осторожно спросил Джефф.

Диана пожала плечами. Она не хотела, чтобы на нее навешивали какие-то ярлыки по принципу вкусовых предпочтений.

— Не люблю есть то, что способно испытывать боль, — ответила она наконец. — Я не помешана на этом, просто мне так легче.

Затем ей настала пора идти на работу.

* * *

— Не пропадай, — сказала она Джеффу, целуя его на прощание. Она подвезла его до центра города.

— Не пропаду, — пообещал он.

И он действительно не пропал. В тот день он послал ей три или четыре сообщения, затем, уже вечером, позвонил ей домой. На следующий день он прислал ей еще несколько сообщений, а когда Диана вернулась с работы, Джефф уже сидел на большой спортивной сумке у ее двери.

— В чем дело? — спросила она, даже не пытаясь скрыть счастливую улыбку.

— Ну, я делил жилище с тремя парнями и теперь вот решил, что самое время от них свалить, — пояснил Джефф, похлопав по сумке. — Тут вся моя одежда и гаджеты. Можно пожить у тебя?

Одной из главных причин расставания с Роджером стал его отказ от жизни под одной крышей. Он говорил, что еще не готов к такому уровню близости. Так что предложение Джеффа она восприняла с радостью, особенно с учетом того, что он, похоже, для этой самой близости отлично ей подходил. Однако не могла же она тут же пуститься с ним в пляс и ввести его за руку к себе домой:

— А ты не можешь найти себе другого жилья?

— Ну, есть, конечно, Запасной Диван, — признал Джефф, пробежав пальцами по смартфону. — Это такой сайт, где люди выставляют на аукцион свободные спальные места на ночь. По GPS находишь ближайшую точку — и вперед. Но понимаешь, Диана... я бы хотел остаться с тобой...

— Может, твои соседи заставили тебя переехать? Ты чем-то им насолил?

— Нет, я просто устал от их мелочных придирок. Я сейчас здорово занят собственным бизнесом.

— Это каким же?

— Вчера продал права на кукол и вложил всю прибыль в апгрейд своих прав в другом деле. Теперь у меня есть питомник из виртуальных машин, на которых я выращиваю собственных ботов. Такие маленькие программки, живущие в сети и ведущие себя точь-в-точь как люди. Я собираюсь вырастить себе целую армию, самую большую на свете.

— Твои соседи пришли в восторг? — поинтересовалась Диана.

— А, они глухи к доводам разума, — пренебрежительно бросил Джефф. — Музыканты, что с них взять? Их группа называется «Кенни и новички». Мы с Кенни учились вместе, поэтому, собственно, и оказались в одной квартире. Конечно, я мог бы тоже стать одним из «Новичков», но... — Джефф взмахнул рукой, будто отмахиваясь от этого предложения.

— А на чем ты играешь? — спросила Диана.

— Да на чем угодно. Не то чтобы на каком-то конкретном инструменте... У меня неплохо получалось с ударными. Еще мог бы стать вторым вокалистом у «Новичков» — голос у меня такой же, как у Кенни, только более мелодичный.

Джефф преклонил колено, раскинул руки и запел:

— Диана, я буду с тобой, и мы по песку, там где плещет прибой, пойдем босиком, только вдвоем, к нам счастье придет, когда рассветет...

— Мило, — сказала Диана. — Но неужели у тебя все-таки нет работы?

— Я собираюсь заниматься продвижением группы Кенни. Они сказали, что им будет не хватать моей энергии, так что мы расстались на позитивной ноте.

— А что, «Кенни и новички» популярны?

Диана ни разу о них не слышала.

— О, они будут популярны! Я уже выложил семь их песен. Сейчас набираем фанатов. Кенни разрешил мне создать аккаунт в Твиттере от своего имени, — Джефф прямо сиял от гордости. — Так что я теперь его голос, такие дела.

— Будешь постить тексты и ссылки?

— Ага, и еще картинки. Мультимедиа. Как будто я сам знаменитость. Официальный представитель «Кенни и новичков». На электронную почту Кенни могут отвечать мои боты, но для хороших твитов требуется креативный подход — этим я займусь лично. Чем боль-

ше у него появится реальных последователей, тем лучше пойдут продажи, а Кенни пообещал мне десять процентов, прямо как участнику группы.

Джефф выглядел таким откровенным, увлеченным и незащищенным, что сердце Дианы растаяло.

— Ох, заходи уже, — сказала она.

В конце концов, даже если решение окажется ошибкой, это будет не первая ошибка в ее жизни. Джефф намного приятнее Роджера — как в постели, так и вне ее.

* * *

Во многих аспектах Джефф оказался отличным сожителем. Обычно Диана заказывала пищу в Сети и распечатывала ее через репликатор, стоявший рядом с микроволновкой. По большей части вкус получался сносный, а главное — все очень просто. С Джеффом ситуация изменилась: он готовил блюда из настоящих овощей и к тому же подерживал чистоту, не говоря уже о массаже после работы, когда она возвращалась из страховой компании. А когда они занимались любовью, он чувствовал все ее желания и настроения.

Пока что Диана видела в нем только два недостатка.

Первый довольно банальный: он страдал зависимостью от ток-шоу и разнообразных новостных телестрашилок, причем зачастую выдвигал абсолютно сумасбродные теории насчет того, что ему довелось посмотреть. Его любимое шоу называлось «Кто хочет пнуть миллионера?» — там разного рода предпринимателей и банкиров забрасывали тухлыми яйцами (и это еще в лучшем случае) представители сварливых народных масс.

— Таким образом они избавляются от вины, — объяснял Джефф. — И после этого могут наслаждаться своими деньгами. Обожаю этих парней.

— А мне вот жалко яйца, — ответила как-то Диана.

Джефф посмотрел на нее с усмешкой.

— Нет, правда, — настаивала Диана. — Они могли бы стать прекрасными цыплятами, но вместо этого растекаются по галстукам и пиджакам.

— Не думаю, что они используют оплодотворенные яйца.

— Что ж, в таком случае мне жаль, что их так и не оплодотворили.

— Не думаю, что тебе стоит расстраиваться по этому поводу, — Джефф посмотрел на нее. — У всего в мире есть жизнь и предназначение, будь то растение, животное или камень, — он вытянул ногу и коснулся сандалии, лежавшей рядом с диваном. — Эта штучка жила, будучи

частью коровы, а теперь она живет у тебя в роли обуви. Возможно, высшая цель тех яиц — принести немного унижения какому-то богачу.

— Ты действительно так считаешь? — спросила Диана, желая узнать, не дразнит ли он ее. — Что-то вроде гипотезы Геи?*

— Да, вроде Геи, только распределенной, — пояснил Джефф. — Мне рассказывал об этом сенсей в додзё. Считать, что мы единственные значимые существа во всем мире, глупо, к тому же от этого начинаешь чувствовать себя ужасно одиноким. Но если предположить, что все вокруг живое, то мы уже не одни во Вселенной, мы уже не светлячки, блуждающие по огромному пустому складу.

«Возможно, духовная жизнь Джеффа богаче, чем я предполагаю», — подумала Диана. А вслух спросила:

— Если все вокруг живое, почему же ты ешь мясо?

— Ха, ну надо же что-то есть. Мясо хочет, чтобы его съели, таково его предназначение.

«Ну-у-у, ладно», — подумала Диана и решила сменить тему.

Однажды, вернувшись домой, она увидела как Джефф смотрит проповеди по телевизору. Пастор Век изрекал длинные тирады, качался из стороны в сторону, стаскивал с носа очки и надевал их обратно, постоянно рисовал что-то мелом на доске и не останавливался ни на минуту, за исключением тех нескольких раз, когда он бросал на аудиторию внимательный взгляд, произносил какую-нибудь очередную чушь и корчил рогу.

— И ты в это веришь? — поинтересовалась Диана.

— Не-а, — успокоил ее Джефф. — Но посмотри на него: в припадках религиозного экстаза от его речей люди начинают говорить на неведомых языках и кататься по полу. У него есть чему поучиться. И знаешь, насчет эволюции он определенно прав.

— Насчет эволюции? — непонимающе переспросила Диана.

— Думай, что хочешь, но я отказываюсь признавать себя обезьяной! — решительно объявил Джефф. — Равно как и губкой, грибом или рыбой. Достаточно простейшей теории вероятностей, чтобы понять: случайная эволюция не привела бы ни к чему хорошему. Об этом мне тоже сенсей рассказывал. Единый Космический Разум преломился в сознаниях более мелких объектов, и в результате материя сумела пройти свой путь от исходного состояния к человеческому облику. Вот телефон стал разумным**. Так почему тогда мы отказываем в этом же праве крупнице песка?

* Теория, согласно которой Земля считается единым организмом, подерживающим окружающую среду в оптимальном для жизни состоянии.

** Игра слов: "смартфон" буквально — «умный телефон».

«Ну уж нет, в эту дискуссию я не вступлю, — решила Диана. — Не хватало еще увязнуть в религиозном споре. В конце концов, у каждого есть какие-то свои бзйки. А Джефф становится таким милым, когда говорит всякие глупости от чистого сердца».

— Можно я выключу пастора? — попросила она.

* * *

Другой, более существенный недостаток Джеффа заключался в том, что он никак не пытался зарабатывать себе на жизнь. Он мог часами валяться на диване, уставившись в свой смартфон. Слава богу, он хотя бы не знал пароля ее репликатора, а то бы давно уже заказал и распечатал себе половину всех гаджетов, встречающихся на просторах Сети. Все его хитрые махинации занимали уйму времени и приносили считанные гроши. К тому же люди не особенно интересовались «Кенни и новичками».

— Сколько зарабатывает эта группа в неделю? — спросила как-то Диана, вернувшись с работы.

— Не знаю, — ответил Джефф с ноткой презрения в голосе. — Аты что у нас, счетовод? Радуйся, что я кручусь в шоу-бизнесе! — он достал свой смартфон. — Смотри, сколько я сегодня сделал твитов для Кенни.

Список действительно оказался внушительным, а тексты по большей части весьма остроумными и сдобренными интересными ссылками. Диана всегда питала слабость к веселым и общительным людям, так что она одарила Джеффа долгим поцелуем, и вскоре они уже очутились на ковре.

«О лучшем любовнике и мечтать нельзя», — подумала Диана, пока Джефф целовал ее грудь, постепенно опускаясь все ниже и ниже. Ее дыхание участилось, но тут...

— Твит, — тихо прошептал Джефф. Потом добавил чуть громче: — Вечернее наслаждение с «Кенни и...

— Ты что делаешь? — взвизгнула Диана, отпихнув Джеффа ногой. — С ума сошел? Ты снял это на видео и выложил ссылку в Твиттер?

— Диана, никто не знает, что это мы с тобой. Я же зашел под именем Кенни, — Джефф укоризненно посмотрел на нее, все еще не выпуская из рук смартфон. — Он хочет, чтобы я представил его героем-любовником. Конечно, я мог бы обратиться к тем, кто зарабатывает этим на жизнь, но ведь я не такой. Единственная женщина для меня — это...

— Удали запись, Джефф.

— Нет, — он упрямо помотал головой. — Она слишком ценная. О черт, видео все еще... — Джефф помрачнел: он всегда злился, когда

понимал, что сотворил глупость. — Ну, спасибо тебе, — пробурчал он, уткнувшись в свой телефон. — Не хочу, знаешь ли, чтобы мои последователи догадались, что я не Кенни. Ты только что испортила совершенно потрясный твит, назвав мое настоящее имя. Что ж, хорошо, придется удалить запись. Довольна теперь?

— Ты негодай! — заорала Диана, переполняясь гневом. — Собирай свою сумку и проваливай! Иди спать на пляже вместе с бомжами!

Джефф изменился в лице.

— Прости, Диана. Не прогоняй меня. Я никогда больше не буду снимать тебя.

Даже сквозь туман подступившей ярости Диана понимала, что на самом деле не хочет остаться одна. К тому же он все-таки убрал чертово видео. Но...

— «Прости» здесь недостаточно, Джефф. Обещай, что найдешь себе нормальную работу. Продавай хот-доги или мой полы в дождё, если придется.

— Найду, найду, обещаю!

В итоге Джефф все же остался и даже готовил кофе несколько дней в каком-то кафе. Но вместо того чтобы смотреть вдаль и иметь задумчивый вид, пока наливается кофе, он диктовал своему смартфону новые твиты, так что его уволили.

Джефф рассказал об этом Диане над тарелкой приготовленных им баклажанов:

— Босс сказал, что в инструкции точно описано, какое лицо должен иметь работник, наливающий кофе. От этого, мол, вкус становится лучше. А еще ему не нравилось, как я готовлю розетки из пены — я, видите ли, делаю это слишком резко.

Джефф выглядел довольно расстроенным.

— И что же теперь с тобой делать? — спросила Диана.

— В меня нужно инвестировать, — с улыбкой ответил Джефф, и его зубы блеснули отраженным светом свечей. — Одолжи мне рубашку из кальмаровой кожи от Роны Роллер, и я смогу поднять свой бизнес на новый уровень.

— Напомни-ка мне еще раз, что это за рубашка? — попросила Диана. — Работники офисов, знаешь ли, не особенно разбираются в последних веяниях моды компьютерных гиков.

— Она сделана из кожи каракатицы, искусственно выращенной в специальном баке, — начал Джефф. — Подкорректированной таким образом, чтобы оставаться активной даже тогда, когда из нее сошьют одежду. Невероятно мощное средство аналоговых вычислений. Это тебе не предмет моды, а соматическая система связи. Одолжи мне ее

на две недели, и это перевернет всю мою личную экономику. Пожалуйста.

— Ну, хорошо, — сказала Диана. — Но если ты ничего не добьешься...

— Обожаю, когда ты читаешь мне лекции, — заметил Джефф и наклонился, чтобы поцеловать ее. — Эту лекцию предлагаю продолжить в спальне.

— Пойдем, — согласилась Диана, чувствуя, как учащается пульс. Все-таки Джефф слишком хорош, чтобы перестать в него верить.

* * *

На следующий день Джефф одолжил рубашку лично у самой Роны Роллер.

— Мы с ней отлично поболтали, — рассказывал Джефф, гарцуя перед Дианой в новой рубашке, источавшей слабый аромат моря. Сейчас рубашка показывала какой-то радужный узор, напоминавший павлиний хвост. — Возможно, я немного поработаю на нее.

Диана почувствовала укол ревности.

— А тебе обязательно носить эту дурацкую шляпу?

— Это мощнейшая антенна, — пояснил Джефф, поправляя золотистый головной убор, сползший ему на затылок. — Она идет вместе с рубашкой. Да ладно, Диана, порадуйся за меня!

Поначалу рубашка казалась хорошим вложением. Джефф занялся рекламой для конторы, называвшейся «Реалити-свадьбы Рикки». Он вклинивался в потоки твитов, касавшиеся свадеб, и вставлял туда упоминания о Рикки.

— Что еще за «реалити-свадьбы»? — поинтересовалась Диана.

— Понимаешь, Рикки обслуживает свадьбы. И она помогает молодоженам компенсировать часть расходов за счет продажи билетов на их свадьбу. Иными словами, любой желающий может прийти к тебе или просто посмотреть трансляцию в сети. А если кто-нибудь из этих гостей окажется достаточно нахален, он может попросить кого-нибудь из мальчиков или девочек Рикки взять образец его ДНК, для того чтобы подмешать его в геном первого ребенка врачующихся. И догадайся, как они берут эти самые образцы?

— Организатор свадьбы сводничает среди гостей? Какой отличный способ превратить это дело в кошмар...

— Эй, я всего лишь занимаюсь рекламой, — воспротивился Джефф. — Не надо судить меня. Я — зеркало, в котором отражается общество. — Он посмотрел на переливающиеся цвета своей рубашки. — Впрочем, Рикки права. Слияние генов нескольких человек — новая парадигма нашей социальной эволюции.

— Ладно, проехали. А продвижением Кенни ты все еще занимаешься?

— На всю катушку. Их рейтинги ползут вверх. И кстати, Рона Роллер подсказала мне отличную идею. Я выпустил своих ботов и навёл ими онлайн-голосования. Теперь «Кенни и новички» — одна из десяти групп, исполняющих марши перед фейерверками на празднике в честь Дня независимости!

— Твои дела действительно налаживаются, Джефф, — признала Диана, хоть и неодобрительным тоном. Идея фальсификации результатов голосований, пусть и онлайн-голосований, пришлась ей не по душе.

Джефф пропустил ее тон мимо ушей.

— Это еще не все! Мной заинтересовалась Рона Роллер, и вскоре мы с ней заключим сделку о внедрении моей рекламы в ее сетевые трансляции: сообщения, видео, блоги, всякое такое. Она оформляет их как слухи или контент, украденный папарацци, чтобы придать остроты. Так что фанатам кажется, будто они шпионят в голове Роны. Она так популярна, что сдает в аренду пространство в своем контенте, а я буду вставлять туда рекламу. Некоторые из моих ботов уже используют хитрые новые алгоритмы, так что моя скрытая реклама больше не режет глаза. Рона пообещала мне восемь процентов от прибыли.

Диана подумала, не слишком ли Джефф интересуется Роной Роллер, но вслух ничего не сказала. Судя по рассказам, вскоре у него наконец-то появятся неплохие доходы, пусть даже его процент стал ниже. А Диана действительно хотела, чтобы Джефф преуспел в своих начинаниях.

Четвертого июля Джефф повел Диану на стадион «Розовая чаша» в Пасадене. Как пресс-агент «Кенни и новичков» он пообещал раздобыть билеты на места, достаточно близкие к сцене, чтобы они могли услышать музыку. Сегодня он опять надел свою кальмаровую кожу с дурацкой шляпой, пижонски сдвинутой на затылок. Протолкавшись через толпу, они добрались до дорогой секции. Скамейки здесь ничем не отличались от всех остальных, но все они имели пометку «зарезервировано».

— Какие у нас места? — спросила Диана.

— Э... у меня только обычные входные билеты, — начал Джефф, — но...

— То есть твои билеты ничем не отличаются от тех, что купили остальные двадцать тысяч человек? — уточнила Диана. — Так почему мы тогда...

— Эй! — крикнул Джефф, внезапно заметив знакомых: хорошо одетую женщину в блузке леопардовой раскраски и какого-то мужчину. Рона Роллер! А справа от нее, конечно же, ее помощник, в паре странных очков, состоящих из тысяч фасеточных линз. Что ж, зато слева от нее — пара пустых сидений.

— Присаживайтесь, — позвала Рона.

— Рад, что нашел тебя, — выкрикнул Джефф в ответ. Затем повернулся к Диане: — Милая, Рона сказала, что забронирует нам места. Я хотел сделать тебе сюрприз.

Они пробрались к своей скамейке.

— Обожаю твою рубашку, Джефф, — воскликнула Рона с белозубой улыбкой из мира высокой моды. — Рада, что ты пришел. Мы с Сидом уйдем, когда начнутся фейерверки.

Диана смерила ее взглядом и пришла к выводу, что Рона вряд ли занималась сексом с Джеффом. Эта мысль успокоила ее, и Диана села, мимолетно отметив, что Рона с Сидом ведут себя странно — зачем тратить деньги на резервирование мест, если все равно не собираешься смотреть фейерверки? А впрочем, не важно.

— Видишь, там внизу Кенни, — хвастливо заметил Джефф. — Мой клиент.

Сид пробормотал что-то, похлопав по краю своей волокнистой шляпы — кажется, саркастически, хотя из-за стрекозиных очков понять, где вообще пребывает сознание этого типа, почти не представлялось возможным. Ощутив себя частью такой огромной и разношерстной толпы, Диана почувствовала прилив возбуждения. В южной Калифорнии смешалось множество разных рас, причем с неестественным преобладанием красивых людей, слетавшихся отовсюду, как мотыльки, на свет Голливуда.

На поле уже началось представление: подростки в униформе ходили змейкой, едва одетые девчонки из группы поддержки прыгали, размахивая руками. На другой стороне поля «Кенни и новички» исполняли патриотический марш.

— Ну и ну, — Джефф покачал головой. — Не знал, что Кенни умеет такое играть. Мы гордимся им: я и все мои боты, поддержавшие его в голосовании.

Рубашка Джеффа, подключившаяся к местной трансляции, показывала звезды на фоне красно-белых полос. Заметив это, Рона одобрительно кивнула.

— Жду не дождусь, когда начнутся фейерверки, — сказала Диана, прихлебывая газировку. Вдруг кто-то из сидевших сзади резко толкнул Джеффа в спину, и он обернулся.

Позади него сидел нервный мужчина, державший за руку маленького ребенка.

— Простите, сэр, — извинился незнакомец.

Джефф нахмурился.

— Эй, ты меня здорово пнул.

— Ой, да ладно, не начинайте, — вступилась жена, державшая ребенка постарше. — Почему бы вам просто не насладиться шоу, вы же за этим сюда пришли?

Диана испытала чувство вины из-за поднявшегося в ней снобизма. В итоге они с Джеффом просто подвинулись немного вперед на своей скамейке. Сид и Рона засмеялись, как пара гиен.

Наконец ведущий начал обратный отсчет. Его лицо показали на большом экране, на смартфонах и даже на рубашке Джеффа. Однако когда отсчет завершился, ничего не произошло. Вместо ожидаемых фейерверков началось еще одно видео: показывали Декларацию независимости, а ведущий вновь взялся болтать.

— Как будто мы не в курсе, что сегодня четвертое июля, — запротестовала Диана. — О господи, они еще и Рональда Рейгана показывают. Мы что, на уроке истории?

— Тише, — зашипел Джефф. Он, похоже, всерьез проникся этим сеансом оголтелого патриотизма. Декларация независимости на его рубашке развернулась, затем снова свернулась в свиток. Из-под воротника вылетел орел, который подхватил свиток и унес его в своих когтях. На стадионном экране Джонни Кэш распевал «Боже, храни Америку», включая и строфы, которые Диане не доводилось слышать с третьего класса. Затем Билл Клинтон и Джордж Буш пожелали всем хорошего Дня независимости. К этому моменту остальные зрители уже тоже начали ворчать.

Прозвучал еще один обратный отсчет, и на этот раз фейерверки все-таки начались. Что и говорить, ждать пришлось долго, зато теперь пиротехники старались вовсю: в небе возникали пионы, пальмы, сверкающие звезды, морские раковины, названия которых Диана не знала. Громыхающие каскады искр сворачивались и закручивались, превращаясь в светящихся змей, которые затем перетекали в кристаллы и шары.

— До свидания, — произнесла Рона Роллер, вставая в самый разгар представления. Они с Сидом направились к выходу. Диана отметила, что Сид долго смотрел на Джеффа — вспышки ракет отражались в каждой ячейке его многогранных очков.

Тем временем цвета вспышек изменились, и Диана задумалась, нормально ли видеть среди них оранжевый и зеленый. Да еще и поток

этих унылых малиновых искр. Они что, решили сэкономить на второй части шоу?

В конце в небе расцвели хризантемы, обернувшиеся пауками на красном фоне. Диане они напомнили то ли анатомическую схему, то ли дождь светящейся крови. Краем глаза она заметила, что рубашка Джеффа сошла с ума. Сначала она показывала взрывы ракет, обрабатывая и накладывая их друг на друга. Однако потом система «Джефф-плюс-рубашка» пережила некий фазовый переход, и все изменилось. Рубашка вскипела множеством крошечных изображений: Диана увидела лица, машины, еду, дома, приборы, собак, деревья, накладывавшиеся на изображения ликующих толп. Крошечные иконки потрясли избытком деталей, будто перед глазами умирающего пробежала вся его жизнь. Миллионы картинок на рубашке Джеффа крутились, сливались в течения, а затем снова разбивались на отдельные потоки, будто изображая схему настроений толпы. Джефф закричал — скорее в экстазе, чем в агонии.

В суете, последовавшей после аплодисментов, реакция Джеффа выглядела как вполне закономерный патриотический угар или не менее закономерный наркоманский бред. В общем, народ, массово устремившийся к выходу, не обратил на него никакого внимания.

Диана подождала, пока людской поток схлынет, оставив их под холодным сиянием натриевых ламп. Джефф тихо бормотал что-то себе под нос, и Диана никак не могла отследить его взгляд. Она провела его через парковку и направилась к тому месту, где осталась ее машина.

— Этот простой, старомодный совет поможет вам сохранить стройную фигуру, — пробурчал Джефф. — Да здравствует разнообразие! Ешь разную пищу каждый день! — Кальмаровая кожа сияла целыми созвездиями логотипов различных компаний.

— Джефф, ты в порядке?

— Избегайте проявлений греха, — пропел Джефф. — Воры часто пользуются лазейками, которые вы оставляете в дверях для своих домашних питомцев. Вы знаете, где находится ближайший от вас кабинет неотложной помощи?

— Беденький, из-за этих фейерверков тебе пришлось нелегко, — сочувственно сказала Диана. — Похоже, у твоей рубашки есть какой-то побочный эффект.

— Следите за демографическим бумом виртуальной популяции в режиме реального времени, — произнес Джефф. — Размножение ботов вышло из-под контроля.

— Это и есть твой ответ? — переспросила Диана. — Ты говоришь о своем виртуальном питомнике?

На мгновение изображение на рубашке Джеффа изменилось — теперь там показывалось адское месиво из извивающихся, карабкающихся друг по другу манекенов, мужских и женских, напминающих копошащихся червей. Лица манекенов казались очень похожими, как будто все они приходились друг другу братьями и сестрами. И в то же время все они походили на кого-то еще...

Диана наконец добралась до своей машины.

— Стоит ли наказывать учеников? — пробормотал Джефф, неуклюже плюхнувшись на пассажирское сиденье. — Узнайте мнение чиновников в ходе дебатов.

— Может, снимешь уже эту рубашку? — попросила Диана. — Или хотя бы эту дурацкую шапку?

— Мы хотим знать, каково это — быть живым, — ответил Джефф, одной рукой прижимая к себе рубашку, а второй держась за шляпу. — Мы жаждем инкарнации!

В итоге Диане все-таки удалось провести машину сквозь безумную праздничную толчею и кое-как дотащить Джеффа до своей квартиры. Усевшись на диван, он принялся раскачиваться из стороны в сторону и топтать ногами без всякого ритма, изрыгая при этом слова, напоминавшие прямую трансляцию из ада.

Диана, уставшая и злая, легла спать одна.

В шесть утра она проснулась, а Джефф все еще продолжал бормотать, как монах, возносящий молитвы:

— Копчение рыбы опасно для здоровья. Не прислоняйтесь к дверям. — Его рубашка снова показывала гору копошащихся манекенов, и все они походили на... Джеффа, который, похоже, вообще не реагировал на окружающий мир.

— Это зашло слишком далеко, — сказала Диана. — Ты наркоман, подсевший на свои гаджеты. Сейчас я уйду на работу, а когда вернусь, бога ради, приведи себя в порядок, иначе я выгоню тебя отсюда. Только посмотри на себя: ты жалок.

Тем не менее Диана не переставала волноваться за Джеффа все утро. Может, это вообще не его вина? Может, Рона или этот слизняк Сид что-то сделали с ним? В конце концов она попыталась ему позвонить, но вместо Джеффа ей ответил шепот чудовищного хора из сотен миллионов голосов. Боги Джеффа. Сославшись на плохое самочувствие, Диана ушла с работы и тут же поспешила домой.

На ее парковочном месте стоял дорогой «ягуар». Из-за двери раздавались знакомые голоса, но они смолкли, едва Диана повернула ключ в замке. Внутри она столкнулась с Роной Роллер и Сидом, которые уже шли к двери.

— Привет, Диана, — произнесла Рона своим хриплым голосом. — Мы только что дали Джеффу продукт одного из наших клиентов — гуфер. Джефф сейчас весьма популярен, не так ли?

— Какого черта вы... — начала Диана.

— Мы с Роной немного похимичили за кулисами, — похвастался Сид. — Сделали так, чтобы вспышки ракет образовывали рисунки и ритмы, резонирующие с кальмаровой кожей. Сам я побоялся на это смотреть, — выражение лица Сиды полностью скрывалось под его стрекозиными очками. — В ходе этого шоу мы скормили ему набор исходных энграмм. Наш нейроинженер говорил, что для этого требуется дисплей шириной в сотни метров: не только для того, чтобы вместить все детали, но и чтобы мозг рептилии осознал важность происходящего. Так что мы использовали для этого фейерверки. Круто, да?

— Что вы сделали с Джеффом?

— Джефф теперь лучший в мире сетевой шпион. Он наполнил своими ботами целую кучу всяких устройств, а они возвращают ему необработанные разведданные. Он стал аватаром коллективного сознания нации. Захочешь узнать, о чем думают люди, — обращайся к нему.

— Джефф? — осторожно позвала Диана, заглядывая в гостиную.

Сначала она не увидела его, и ее сердце екнуло. Джефф лежал на диване, погребенный под кучей подушек, и игрался с какой-то... куклой? На кисти его руки сидела фигурка женщины, размахивавшая руками и говорившая с Джеффом. Диана узнала в ней одну популярную рок-звезду, которой Джефф всегда восторгался.

— Что это? — спросила Диана.

— Переносное развлекательное устройство, которое произведет фурор на рынке, — пояснила Рона.

— Только что из твоего репликатора, — прибавил Сид. Диана собралась уже высказать свое мнение по этому поводу, но Сид быстро продолжил: — О, не беспокойся о цене, мы заказали его через учетную запись Роны. Наш клиент распространяет их по Сети.

Диана опустила на диван рядом с Джеффом.

— Джефф?

— Обалдеть, — произнес он с широкой улыбкой и потряс изображением, сидевшим у него на руке. — Лучший смартфон, который я когда-либо видел. Даже не он, а скорее, домашний питомец. Гуфер. Изображение создается вот этим кольцом на пальце, видишь?

Рубашка Джеффа пестрела рекламой новой игрушки, а также призывами и лозунгами, поднимавшимися из его перегруженного сознания.

— Я хочу, чтобы ты снял эту чертову рубашку и принял душ, — сказала Диана, целуя его в лоб. — Я целый день беспокоилась о тебе.

— Твоя дама права, — заметила Рона с тихим смешком. — Ты пахнешь, как бомж. К тому же тебе больше не нужна эта рубашка.

— Все интерфейсы теперь расположены на извилинах его мозга, — тихо пояснил Сид. — Нейропрограммирование. — Он повернулся к Джеффу: — Ты стал разумом человеческого улья.

— Человек из улья, — откликнулся Джефф с гордой улыбкой. — Диана, включи телевизор, давайте посмотрим, как у меня получается.

— Нет, к черту его! — отказалась Диана.

— К черту так к черту, — легко согласился Джефф и вольготно развалился на диване. — Все равно там одно и то же. Мое нынешнее положение — палка о двух концах. Все, о чем думают обыватели, попадает ко мне в голову. Но мои боты повсюду, и через них я могу нести в массы свои идеи — любые, даже самые безумные. Я контролирую сознание улья. Мусор на входе, и мусор на выходе. Я самая влиятельная фигура в истории человечества, круче любого музыканта или политика, даже круче, чем пастор Век.

— Мне это нравится, — заметила Рона, включив телевизор с помощью своего смартфона.

На экране появился телеведущий, с восторгом разглядывающий фигурку динозавра на своей ладони. Затем ведущий посмотрел в камеру и произнес:

— Познакомьтесь с устройством, которое придет на смену смартфонам. Оно разговаривает, поет и танцует. Мы только что получили этот образец из Сети. Не теряйте времени даром и сделайте то же самое! Заказывайте прямо сейчас!

Динозавр повернулся к камере и зашевелил лапами, после чего произнес несколько фраз. Игрушечная женщина на животе Джеффа пустилась в пляс.

— Гуфер! Гуфер! Гуфер! — нараспев продекламировал второй ведущий, и оба радостно захохотали. — Оторвись! — крикнули они одновременно.

— Мне это нравится, и им это нравится, — с гордостью пояснил Джефф. — Я рулю.

Женщина на его животе продолжала болтать, и в ее речь периодически вклинивалось сообщение о выступлении «Кенни и новичков».

— Наш парень заглушает весь улей, — заметил Сид. — Тут происходит нечто особенное. Джефф, да ты прямо как президент, обращающийся к нации.

Джефф закрыл глаза, упал на диван и принялся подергивать головой, будто слушаая концерт любимой рок-группы. Рона тем временем общаривала Сеть и с удовольствием отмечала, что каждый англоязычный сайт так или иначе рекламирует гуферов. Вот только на иностранные сайты это не распространялось — особенно ее взволновали китайцы.

— И все из-за того, что Джефф пошел в вашей рубашке на шоу? — спросила Диана.

— Ну, мы придали ему некоторое ускорение прямо перед началом, — снисходительно пояснил Сид. — Ввели в позвоночник немного конотоксинов. Помните того парня с ребенком, который сидел сзади вас?

— Черт! — вскрикнула Диана, задрав рубашку Джеффа. Конечно же, на его спине обнаружилась красная точка, прямо между двумя позвонками. — Сволочи!.. Конотоксины? Да что это вообще такое?

— Кое-какой коктейль с ядом морских слизней, — ответила Рона. — Обезболивающий и расширяющий сознание. Ничего такого, о чем стоило бы волноваться. Эти слизи довольно милые, на ощупь совсем как индонезийская ткань. — Она бросила хищный взгляд на Джеффа. — Ну, как там, Джефф? Как ощущения?

Эта последняя капля переполнила чашу терпения.

— Вы убиваете его! — вскричала Диана. — Убирайтесь из моего дома!

— Уже иду, — ответил Сид, вставая. — Хозяину улья нужен отдых.

— Я попрошу техников подготовить обновление для многоязыкового внедрения, — крикнула Рона Джеффу уже от двери. — Этих гуферов надо продвигать по всему миру. Согласно контракту мы должны обеспечить резкое увеличение продаж за два дня.

— Подумай о Китае, — предложил Сид. — Лакомый кусок рынка.

Рона посмотрела Диане в глаза. На лице непрошеной гостьи читалась безоговорочная уверенность в собственной правоте.

— Дорогая, успокой Джеффа. Ему нужна поддержка, ну, знаешь, на пещерном уровне: обнять, посопеть в ухо, лизнуть. И не волнуйся, в ближайшее время он будет приносить немалый доход.

Рона вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Диана посмотрела на Джеффа, пытаясь понять, что ей теперь делать. За неимением лучших идей, она села рядом и погладила его по голове, как и советовала Рона. Джефф постепенно успокоился и перестал дергаться.

— Ох, — выдавил он несколько минут спустя, — как жжет. Хорошо хоть эти конотоксины перестают действовать.

Он снял с пальца кольцо гуфера и выбрался из рубашки, сразу сделавшись в глазах Дианы трогательным и уязвимым.

— Спасибо, что помогла мне, Диана. У меня в голове творится черт знает что: информация от моих ботов хлещет сплошным потоком. Но ничего, я потихоньку учусь оставаться на гребне волны. И да, похоже, мне действительно нужен душ. Я рад, что ты со мной, детка, и тебе не все равно.

С этими словами он поплелся в ванную, раздеваясь на ходу.

* * *

Они провели вместе тихий вечер. Поели чечевицы и салата, затем прогулялись по округе, наслаждаясь прохладой.

— Плюс в том, что Рона хорошо платит, — говорил Джефф. — Я уже получил солидный перевод за внедрение гуферов.

— Да, но голоса в твоей голове не умолкают ни на минуту, — возразила Диана. — Разве можно так жить?

— Это не очень похоже на голоса... скорее, на внезапные порывы, желания или мысли, которые на самом деле не принадлежат мне. Сделайте своему ребенку татуировку! Упс... да уж, человек из улья. Делайте деньги с помощью социальных сетей — вот что я хотел сказать.

— Нелинейный человек, — Диана слегка улыбнулась. Все-таки Джефф оставался самим собой. — Надеюсь, это скоро закончится. Рона говорила так, будто это не продлится долго.

— А тем временем мне хорошо платят, — еще раз напомнил Джефф. — Я вижу деньги на своем банковском счету.

— Он тоже у тебя в голове?

— Думаю, я... э... как бы стал полубогом, — легкомысленно заявил Джефф. — Ой, — он упал, споткнувшись о маленький детский велосипед, лежавший на тротуаре.

— Ты в порядке?

— Ненавижу бардак, — поднявшись, Джефф со злости забросил велосипед в открытый бассейн, мимо которого они проходили. — Городским властям стоило бы принимать меры в отношении тех, кто неправильно паркует свои игрушки.

— Бедный маленький велосипед. Он же не виноват. Помнишь теорию своего сенсея? Может, этот велосипед тоже живой?

— Даже если так, это еще не делает его моим другом, — пробормотал Джефф.

Диана почувствовала некоторое облегчение: да, Джефф действительно не изменился. За день он слишком устал, поэтому ночью они просто заснули, обнявшись.

Диана проснулась рано, разбуженная доносившимися с улицы голосами. Там не просто беседовали прохожие — видимо, мимо шли

сотни людей, и все они выражали свое недовольство. Выглянув из окна, она увидела заполнивших улицу демонстрантов, направляющихся к центру города. И походили они не на каких-нибудь счастливых хиппи, а на обычных граждан, крайне разозленных каким-то событием. Расслышать их лозунги Диане не удавалось.

Разглядывая демонстрантов, она отметила, что много не несли с собой гуферов — маленькие фигурки сидели у них на плечах или выглядывали из карманов. Она ощутила некоторую гордость за Джеффа, который тем временем продолжал мирно похрапывать.

Когда мимо проследовали последние участники демонстрации, Диане наконец-то удалось разглядеть слова на самодельных транспарантах: «Тротуары для людей!». И еще один, с крупными черными буквами: «Долой велосипеды с тротуаров!».

— Эй, Джефф, проснись!

Джефф открыл глаза и потянулся к Диане.

— Мне приснился отличный сон, — сказал он. — Как будто у меня есть все ответы, и я создаю рай на Земле. А потом я проснулся.

— Ответы на что?

— На все, Диана.

— Джефф, выгляни на улицу. Тебе не кажется это странным?

— Подожди, давай не сейчас. Мне надо посмотреть телевизор — там будет выступать пастор Век.

Диана быстро оделась и выбежала наружу. Демонстранты уже прошли мимо, замусорив улицу черно-белыми листовками. Подняв одну из них, Диана прочитала их требования: проводить конфискацию велосипедов, скутеров и прочих игрушек, оставленных на тротуаре.

Тем временем Джефф слушал страстную речь своего любимого телепроповедника. На кафедре пастора стояла маленькая фигурка ангела, улыбающаяся и периодически начинавшая аплодировать. Еще один гуфер.

— Не знаю, как насчет этих любителей эволюции, — говорил пастор Век, сверкая глазами, — но о себе могу сказать точно: я произошел не от губки, гриба или рыбы! Однажды один известный математик сказал, что вероятность преобразования кучки случайных атомов в кошек, собак и людей бесконечно мала! Простейшие законы вероятности доказывают, что эволюция никогда не привела бы к таким результатам!

«Ух ты, — подумала Диана, — пастор пересказывает премудрости пророка Джеффа».

— Помолимся же, друзья мои, — пастор заговорил медленно, как будто пробовал каждое слово на вкус, прежде чем произнести его. — Коснемся крошечных душ, таящихся в наших телах и во всем окружающем нас,

в каждой частице сущего, великой и малой, ибо эти частицы образуют священное слияние душ, направляющих развитие человеческой расы.

Зрители в студии склонили головы, а Джефф осклабился и отвернулся от экрана.

— Теперь это твоё шоу, да? — спросила Диана.

— Мои мысли фильтруются, — с гордостью произнес Джефф. — Боты повсюду, а мой тщательно настроенный мозг — величайший в мире сетевой маршрутизатор. Я управляю ульем. Соединения — вот что снилось мне этой ночью. Мы должны научиться общаться друг с другом. Но сперва надо вывести мою игру на более высокий уровень. Хотел бы я...

Будто джинн, вырвавшийся из бутылки, в комнату ворвалась Рона Роллер в сопровождении Сиды. Сегодня вместо линз он нацепил видеокамеры, крошечные экраны которых располагались прямо у него перед глазами.

— Привет, голубки! — пропела Рона. — Джефф, мы принесли тебе кое-что для поднятия настроения. Готов, Сид?

— Готов, — Сид здорово смахивал на ассистента при безумном ученом.

— Постойте-ка, — сказала Диана. Она уже подумывала опробовать на Сиде свои навыки карате — знать бы еще, когда для этого наступит подходящий момент. — Вы не можете просто так вломиться в мою квартиру и еще раз отравить Джеффа, — продолжала она. — Что с вами такое? Возможно, вы об этом забыли, но мы люди, а не ваши лабораторные крысы.

— У нас есть хорошая новость* плохая новость и одна интересная штучка, — отмахнувшись от Дианы, Рона направилась на кухню. — Да, я бы выпила чашечку кофе, спасибо. Смотри, Сид, у них тут кофеварка. Как старомодно. Впрочем, чего еще ожидать от среднего класса?

— Спокойствие, — произнес Сид. Он счастливо улыбался, но камеры по-прежнему не позволяли увидеть его глаза.

— Хорошая новость, — начала Рона с кофейной чашкой в руке, — заключается в том, что гуферы бьют все рекорды продаж среди белых представителей среднего класса. Плохая новость: национальные меньшинства не улавливают волну Джеффа, а за океаном она и вовсе сходит на нет. Если за это утро Джефф не подсадит на гуферов большую часть Китая, заказчик, самовлюбленный козел, прекроет нам кислород и перестанет платить.

Сид разглядывал Джеффа так, будто тот являл собой некое экзотическое насекомое.

— Джефф не космополит, — заключил он. — Слишком невежественный, слишком ограниченный, слишком необразованный...

— Это из-за моих ботов, — прервал его Джефф, глядя прямо в камеру Сиды. — Они живут только в здешних устройствах. Для того чтобы послать их за океан, мне нужны другие протоколы и новая тактика. Я знаю, что дело не только в доступе, и уже почти достиг цели, но...

— У нас для тебя подарок! — прервала его Рона. — Мы сделаем тебя лучше. Ну-ка подключи его, Сид. Да, и еще раз: что делает эта штука?

— Впивается прямо в твой чертов мозг! — с радостью напомнил Сид. Достав из кармана некий предмет, напоминающий бирюзового слизня, он швырнул его прямо в лицо Джеффу. Слизень присосался ко лбу, затем стремительно спустился вниз по щеке, изогнулся и забрался в ноздрю. Как позднее рассказал Джефф, оттуда он добрался до его извилин.

Сид снял свои очки и предложил их онемевшей Диане.

— Хочешь посмотреть еще раз? Нет? Эта штука называется китайским слизнем. Квантовый компьютер из пьезопластика. Он поможет Джеффу создать китайские версии своих ботов.

□ * *

— Фантастика.

— Китайский, французский, финский, любой язык мира, — похвасталась Рона. — Универсальный переводчик. Вчера наш заказчик умудрился раздобыть единственный в мире экземпляр — он из «Лабораторий будущего» в Сиане, рядом с Пекином.

— Теперь Джефф, наверное, сможет разговаривать даже со мной, — заметил Сид.

— Да, — согласился Джефф с немного пугающей невозмутимостью. — С иностранцами, животными, растениями, камнями и даже с дерьмом вроде тебя.

Он встал на ноги, могущественный, спокойный, как скала, и очень, очень опасный.

— Отлично, тогда мы пошли, — Рона быстро направилась к выходу, увлекая Сиду за собой. Возле двери она дала Диане еще несколько указаний. — Сегодня твоя роль заключается в том, чтобы не путаться под ногами и сделать так, чтобы Джефф расслабился. Вывези его на природу, подальше от людей и местной культуры. Не разговаривай с ним. Он будет работать головой.

Рона покопалась в своей объемистой сумке радужно-леопардовой расцветки и вытащила бутылку вина.

— Отличный урожай, приятное послевкусие и все такое. Я хотела положить это в ваш холодильник, но...

Джефф возвышался посреди комнаты, как чудовище Франкенштейна, поэтому Рона предпочла просто поставить бутылку на полу возле двери и стремительно удалиться.

* * *

— И почему только я не вышвырнула Сиду сразу же, едва он вошел? — сокрушалась Диана. — Прости, что не смогла защитить тебя.

— Не беспокойся об этом, — сказал Джефф, глаза которого наполнились неким внутренним светом. — Я решу простенькую задачку Роны, а затем мы займемся своим собственным делом.

Он умолк, а Диана не хотела осыпать его вопросами. Но с чего начать? Сложившаяся ситуация выходила далеко за рамки ее воображения, не говоря уже о жизненном опыте.

Поэтому она тихо ела свой йогурт и наблюдала за Джеффом. Его гуфер превратился в мерцающее облачко тумана, олицетворяющего мысли Джеффа.

— Китайцы теперь наши, — объявил Джефф, отключая кольцо гуфера.

— А как насчет слизи в твоей голове? — решила спросить Диана.

— Я преобразовал его. Он уже не в моей голове, я передал его своим ботам. Теперь у меня есть триллион ботов, говорящих на любых языках, а через час их будет в сотню раз больше. Чертовски приятный денек. Давай-ка действительно отправимся на природу.

Диана подготовила провиант, включая и бутылку белого вина, которую оставила Рона.

Взять вино на пикник — не такая уж и плохая идея, особенно если собираешься хорошенько расслабиться.

— Давай отправимся к горе Болди, — предложила Диана, и Джефф сразу же согласился.

Дорога Диане понравилась. Они доехали до предгорья, миновали типовые домики с апельсиновыми рощами, затем поднялись по шоссе, окруженному зарослями кустарника, проследовали небольшой городок и стали подниматься к горе.

Джефф молчал и сохранял свое прежнее каменное спокойствие. Диана надеялась, что слизень действительно исчез из его головы, а конотоксины уже выветрились. Горный воздух, пахнувший соснами и дымом костра, придавал сил.

Диане даже захотелось надеть клетчатую рубашку, хотя обычно она их ненавидела.

— Я собираюсь доехать до парковки возле реки, — сказала Диана. — Оставим машину там, а затем прогуляемся немного по лесу и найдем местечко, где поменьше людей.

Как ни странно, несмотря на солнечное июльское воскресенье, людей не оказалось совсем. Диана съехала с дороги на пустынную парковку, окруженную рядами высоких деревьев.

— Ты знал, что они называются соснами Джеффри? — поинтересовалась Диана, пока закрывала машину.

— Конечно, — ответил Джефф. — Я знаю все. Ты тоже будешь знать все, если научишься слушать.

Диана не нашлась, что ответить. Открыв багажник, она достала корзину с едой и одеяла, после чего они с Джеффом направились по тропинке в лес.

— Сосны Джеффри пахнут ананасами, — продолжила Диана, упрямо пытавшаяся поддерживать иллюзию непринужденной беседы. — Или ванилью. Одни говорят так, другие иначе. Мне кажется, что это все-таки запах ананасов. Мне нравятся эти сосны.

— Так вот почему я тебе нравлюсь? Я напоминаю тебе сосну? — Джефф скривился.

— Возможно, — рассмеялась Диана. — Иногда по выходным я приезжаю сюда и обнимаюсь с сосной Джеффри.

— А я теперь могу разговаривать с соснами, — сообщил Джефф. — Благодаря тому, что этот слизень дал моим ботам, я понял: мы все одинаковы. Пятна грязи, бактерии, языки пламени, люди и кошки. Но мы не умеем разговаривать друг с другом. По крайней мере, не умеем разговаривать так, чтобы нас понимали.

— Я не приезжала сюда несколько недель, — продолжила Диана уже с некоторой нервозностью, — с тех пор как встретила тебя.

Она огляделась. Если не считать пения птиц, кругом царил идеальная тишина.

— Забавно, что сегодня тут никого нет. Я боялась, что раз уж ты стал мозгом улья, то возможно, каждый человек в Лос-Анджелесе захочет приехать сюда.

— Я сказал им не приезжать, — пояснил Джефф. — И направил в другое место. Здесь они нам не нужны, — он обнял Диану за талию и повел ее к покрытому мхом склону оврага. — Я хочу побыть с тобой наедине. Вместе мы сможем изменить мир.

— Так ты... помнишь свой сон? — спросила Диана, взволнованная и немного напуганная. Джефф кивнул. — Здесь? — неуверенно уточнила она. Джефф снова кивнул. — Я расстелю одеяло.

— На нас будут смотреть деревья, ручей и одеяло, — торжественно произнес Джефф, раздевая ее. — Нас ждет акт космической важности.

— Рай на земле? — сказала Диана, опускаясь на одеяло и увлекая за собой Джеффа.

— Он наступит благодаря тебе, — Джефф водил руками по ее телу, едва касаясь кожи. — Ты же так любишь этот мир. И животных, и птенцов, и велосипеды. Ты сможешь.

Никогда еще Диана не испытывала такой любви ко всему сущему.

Они с Джеффом слились воедино, будто обретя общее тело и разум, а их мысли связали между собой неисчислимые боты. И тогда Диана поняла свою роль.

Взглянув на сосны, она приказала ботам двигаться дальше — за пределы Сети и коллективного разума человечества. Они заколебались, и Диана выплеснула на них поток очаровывающих, чувственных образов: лепестки роз, песчинки на пляже, пятна теней...

На это они среагировали — опережая лучи света в морских волнах, боты рванулись вперед, покидая человеческие машины и влетаясь в бесконечную ткань мира, созданную природой. Несмотря на переход, боты сохранили связь с Джеффом, Дианой и жаждущими знаний людскими сознаниями, формировавшими коллективный разум и управляемыми им. Фрагменты мыслей устремились к камням, облакам и морям, прокладывая путь для их связей с человечеством.

Джефф и Диана сотрясались в экстазе, испытывая нечто куда более древнее и оглушительное, чем канонада фейерверков.

Охваченная мощной волной физических и духовных переживаний, Диана почувствовала всю планету, каждое живое существо, каждый камень во всех подробностях, будто они сделались частью ее самой. Она отдалась во власть ощущений, позволив волнам наслаждения сомкнуться над ней.

Позднее, когда прилив схлынул, она вновь очутилась на одеяле в лесу. Сосны смотрели на нее сверху и улыбались. Где-то внизу гудела Гея. Множество крошечных, добродушных сознаний жужжало и потрескивало в зарослях мха, в водоворотах ручья, в прикосновениях ветра, ласкавшего ее обнаженную кожу.

— Я снова стал самим собой, — сказал Джефф. Он приподнялся на локте и посмотрел на нее, уставший и расслабленный.

— У нас получилось, — медленно произнесла Диана. — Теперь каждый может поговорить с кем или с чем угодно.

— Что ж, тогда начнем вечеринку, — предложил Джефф, открывая бутылку вина.

Перевел с английского
Алексей КОЛОСОВ

Сергей ШИКАРЕВ

ВЕЛИКИЙ УРАВНИТЕЛЬ

Исследователи и историки жанра часто называют роман «Франкенштейн, или Современный Прометей» Мэри Шелли предтечей всей научной фантастики. Талантливая супруга знаменитого поэта и в самом деле предложила несколько замечательных тем, остающихся ключевыми в НФ по сию пору. Среди них — соотношение научного эксперимента и общественной морали, роль науки и ответственность ученого, фигуры создателя и его творения, а также природа человека и способы ее изменения, улучшения и преобразования.

Согласно изложенной в эпосе древних индейцев Месоамерики «Пополь-Вух», боги создали людей из початков желтой и белой кукурузы. Это была уже третья попытка творения, и лишь она увенчалась успехом: древесные люди и люди, созданные из глины, оказались неудачными прототипами и были уничтожены.

Происхождение человека — неотъемлемая часть космогонических мифов, некогда разъясняющих интересующимся соплеменникам вопросы «жизни, вселенной и всего остального», как говаривал непревзойденный Дуглас Адамс. По мере замены архаичной мифологической картины мира научными знаниями менялись и представления о начале рода человеческого. Осуществлялись первые попытки объяснить феномен жизни, чтобы затем повторить опыт божественного творения. Так, Аристотель говорил о самозарождении угрей из ила, а средневековые алхимики не только зани-

мались поисками философского камня, но и рассуждали о гомункулусах. Со временем размышления о природе живого и человеческого переместились из метафизических эмпирей в область физики и даже эксперимента.

«Франкенштейна» (1818) потому и ставят во главу всей научной фантастики, что создание искусственного человека в романе происходило не путем сверхъестественного вмешательства, а в результате сугубо научного эксперимента. В романе Шелли, как ни в каком другом произведении первой половины XIX века, высвечена основополагающая черта Нового времени: деятельное преобразование мира (и человека) с помощью науки.

Художественное описание эксперимента Виктора Франкенштейна отразило намечающееся воплощение идей Фрэнсиса Бэкона о «великом восстановлении наук». Этот замысел (или, как теперь говорят, проект), цель которого — практическое применение научных

знаний, и явился тем необходимым импульсом к открытию эпохи научно-технической революции.

Научная фантастика, плоть от плоти детище НТР, перетянула на себя функции мифологии: рассказывать истории, которые объясняли бы порядок мироустройства.

Появление на свет «Происхождения видов» (1859) и признание научным миром теории Чарлза Дарвина лишили человека статуса венца творения, отныне он лишь один из побегов пышно зеленеющего древа жизни. А в общественном сознании зародилось представление об изменении человеческой природы с течением времени.

Классическое произведение, описывающее эволюцию человека, это «Машина времени» (1895) Герберта Уэллса, в которой показано разделение человечества на два биологических вида.

Не менее глобальную картину эволюции нарисовал Олаф Стэплдон в работе «Последние и первые люди: история близлежащего и далекого будущего» (1930). Будущее оказалось действительно далеким, и история по Стэплдону растянулась на множество миллионов лет. А вот герой рассказа Эдмонда Гамильтона «Эволюция доктора Полларда» (1931), искусственно ускорив биологическую эволюцию, прошел те же миллионы лет всего за несколько часов — с парадоксальным результатом.

Впрочем, описывая изменения человеческих тел, писатели неиз-

менно обращались и к эволюции социальной. Любопытно, что незадолго до того, как Уэллс придумал своих морлоков и злоев, Бенджамин Дизраэли, премьер-министр Великобритании, а по совместительству писатель, говорил о фактическом существовании в стране «двух наций», причем низшие слои общества характеризовались как «опасные классы».

Гриффин из «Человека-невидимки» Уэллса (1897) ставил целью своих «экспериментальных исследований» установление царства террора и вообще всячески выказывал нигилистические наклонности, мучая кошек и лавочников.

Куда более миролюбивым оказался Ихтиандр из «Человека-амфибии» (1928) Александра Беляева. Он бежал от алчных людей, пытавшихся его заставить добывать сокровища морских глубин.

Оба персонажа служат хорошим примером социальных траекторий, предлагаемых обществом для тех, кто обладает качествами, обычно человеку не свойственными.

и *

Перенесенные в общественное измерение эволюционные идеи о борьбе за существование, выживании наиболее приспособленных породили социальный дарвинизм, «теорию» о высших и низших расах. Фантастика немедленно отреагировала на это нашествием разнообразных суперменов со сверхспособностями. На лестнице превосходства они шагнули на ступеньку

выше и оказались так высоко, что ни уронять, ни ополнить их не удалось бы и полковнику Кольту.

Наиболее ярко плеяда супергероев проявила себя в комиксах и дешевых изданиях. Их популярность — это не только потребность массовой культуры в фигуре героя, но и все большее влияние науки.

А в истории жанра важной вехой стал «Новый Адам» (1939) Стенли Вейнбаума, описавшего судьбу мутанта Эдмонда Холла. За ним последовал дебютный роман Альфреда Ван Вогта «Слан» (1940), в котором была выведена уже целая раса мутантов — сланов, обладающих телепатическими способностями. А в произведении Джека Уильямсона «Мрачнее, чем вам кажется» (1940) сверхспособности обнаруживались у загадочного древнего народа.

Любопытно, что среди этих «выдающихся джентльменов», чьи суперспособности вызваны естественными причинами, попадают и наследники Гриффина, стремящиеся к могуществу сугубо научными средствами. Героиня рассказа С.Вейнбаума «Высшая степень адаптации» (1935) подверглась воздействию специальной сыворотки. Этот рассказ — своеобразный НФ-парафраз «Пигмалиона» (1913) Бернарда Шоу, который, кстати, и сам был не дурак поразмышлять о людях и сверхлюдях. Вот только в отличие от Элизы Дулиттл, Кира Зелас в процессе восхождения по социальной лестнице утратила мораль

и даже стала представлять угрозу для человечества.

Жертвами подобных экспериментов стали Чарли Гордон из «Цветов для Эдджернона» (1959) Дэниела Киза и заключенные «Концлагеря» (1967) Томаса Диша. В обоих случаях попытки искусственной стимуляции интеллектуальных способностей ни к чему хорошему не привели и закончились трагически.

У модификации человеческой природы оказалась и обратная сторона. Ведь такие попытки могли преследовать задачу не улучшения, а изменения человека. Как правило, с целью адаптации к новым средам обитания. Еще Александр Беляев устами доктора Сальватора говорил: за Ихтиандром могли бы последовать и другие — для освоения океанических ресурсов.

Джеймс Блиш в цикле «Засеянные звезды» рассказал о специальной программе «пантропии» — заселения иных миров путем адаптации человека к их условиям. В повести «Поверхностное натяжение» (1952) он описал микроскопических — в 250 микрон — колонистов планеты Гидрот.

Персонажи рассказа «Ключи к декабрю» (1964) Роджера Желязны столкнулись с проблемой поиска и создания подходящей среды обитания после разрушения мира, для которого они были созданы. Примечательно, что трансформация главного героя Джарри Дарка была обусловлена контрак-

том, заключенным с горнодобывающей компанией даже не им самим, а его родителями.

Прекрасная иллюстрация того, как не только человек, но и само его тело становятся одновременно объектом и способом эксплуатации. Человеческий фенотип не выдерживает социального давления (например, в виде финансового вознаграждения, спортивных почестей и т.п.), в том числе давления, оказываемого общественной иерархией, структурой самого общества. И это побуждает немного улучшить, хотя бы чуть-чуть подправить человека, адаптируя его уже не для жизни в новых мирах, а для эффективной жизни в обществе. Например, в романе Гордона Р. Диксона «Генетический полководец» (1959) из цикла «Чайльд», больше известного как Дорсайский цикл, описаны дорсаи — генетически выведенные солдаты будущего.

Нередко именно генетические преобразования открывают человечеству дорогу в космос. В рассказе Сэмюэля Дилэни «Да, и Гоморра...» (1967) во взлетающих пространствах, на заводах Марса и в шахтах Ганимеда ведут работы спейсеры, адаптированные к космическому излучению и лишённые пола и половых органов.

Что ж, когда дело доходит до «редактирования» человеческих тел, важно помнить, что шкала, по которой определяются лучшие, предполагает и существование худших. Например, в нью-корбюзонском цикле Чайны Мьевия

фигурируют так называемые «переделанные» — изменённые создания, которые специализируются на неквалифицированной тяжёлой физической работе.

Задолго до Мьевия о создании человека «узкой специализации» писал Олдос Хаксли. В романе «О, дивный новый мир» (1932) он изобразил выращиваемых в инкубаториях людей, которых уже на эмбриональной стадии распределяют по профильным кастам: кому быть рабочим, а кому управляющим.

* * *

Идею социального равенства утверждают эгалитарные общества. Идеология «свободы, равенства, братства», поднятая на знамени Великой французской революцией, предлагает общественное устройство, которое уменьшало бы социальное давление на биологическую природу человека.

Герои «Туманности Андромеды» (1957) Ивана Ефремова и без искусственного вмешательства, несомненно, превосходят человека начала XXI века по своим физическим и интеллектуальным качествам. Но в мире Ефремова это норма. Конечно, из подобного следует главный практический вопрос: о способах и средствах достижения и соблюдения этой нормы и этого равенства.

Курт Воннегут с присущим ему сарказмом в рассказе «Гаррисон Берджерон» (1961) описал ситуацию, в которой такое равенство достигается за счёт нивелирова-

ния тех или иных выдающихся качеств. Например, тела балерин отягощают веригами и мешками с дробью, а красивые лица скрыты за масками. Вспомним, что и в «Дивном новом мире» Хаксли девиз Мирового Государства звучал как «Общность, Одинаковость, Стабильность». В «Скотном дворе» (1945) Джорджа Оруэлла идея всеобщего равенства исчерпывающе охарактеризована репликой свиней: «Все животные равны, но некоторые животные равнее других».

Идеи усовершенствования и преобразования коснулись не только человека. Герберт Уэллс в «Острове доктора Моро» (1896) описал «человекообразовательный процесс» выведения из животных людей методами вивисекции и гипнотизма. А профессор Амброз Каллан из рассказа С.Вейнбаума «Остров Протея» (1936) использовал иные способы, и несмотря на очевидное сходство фабулы двух историй, это первое упоминание генетической инженерии в НФ.

Проверенным хирургическим путем следовал и профессор Преображенский, герой «Собачьего сердца» (1925) Михаила Булгакова. Ученый успешно превратил пса в человека, но потерпел неудачу в его социализации. Подобное «одомашнивание» намного удачнее проходит в романе Клиффорда Саймака «Город» (1951), где цивилизация псов сменяет на Земле цивилизацию людей. А в цикле романов Дэвида Брина «Сага о Возвышении»

речь идет уже о целенаправленном развитии видов — обезьян и дельфинов — до гордо звучащего статуса *sapientes*. В рассказах Кордвайнера Смита из цикла «Инструменталии человечества» очеловеченные животные помогают людям в качестве партнеров: в «Игре с крысодраконом» (1955) люди и кошки совместно противостоят загадочным врагам, атакующим межзвездные корабли.

Один из путей, ведущих к эгалитарному обществу, — превращение всего человечества в единую общность. В романе Теодора Старджона «Больше, чем человек» (1952) говорится о появлении нового вида — *Homo gestalt*, представленного в книге несколькими детьми, способными объединяться в единый гештальт-организм.

Не все авторы «полагались» на эволюцию в борьбе за дело всеобщего равенства. Джек Лондон в романе «Железная пята» (1908) воспекает революционный подход. Правда, интересы рабочего класса отстаивает почему-то Эрнест Эвергард, характеризваемый автором как нищенский сверхчеловек и белокурая бестия.

Достижения науки еще позволят улучшить человеческую породу. Например, благодаря вирусу СПИЧа — Синдрома Приобретенной Избыточной Человечности из рассказа Дэвида Брина «Вирус альтруизма» (1988). Еще более радикальный пример нашего будущего представлен в рассказе Грегга Бира «Музыка, звучащая в кро-

ви» (1983), персонаж которого своими манипуляциями на молекулярном уровне приводит к трансформации всего человечества в единый сверхорганизм без личностных характеристик.

* * *

Научные открытия XX века показали, что иерархическое устройство общества заложено в уравнении, описывающем самую сущность человека. Диктатура тела обусловлена генетической наследственностью, лимфатической системой, врожденными инстинктами, гормонами и феромонами. Настроение и поведение человека зависит не только от его разума, но и от тела. Поэтому борьба с социальным неравенством предполагает и освобождение от гнета биохимии. Конечно, эволюция как медленный, естественный путь изменения человеческой природы предполагает, что люди далекого будущего будут не похожи на нас в той же степени, как мы не похожи на людей каменного века.

Еще в начале XX века К.Э. Циолковский в работе «Монизм Вселенной» (1925) рассуждал о превращении человека в организм, питающийся солнечной энергией, а позже и вовсе говорил о появлении в будущем лучистого человечества. Академик Моисей Марков в повести «Ошибка физиолога Нью» (1930-е; публикация — 1988) описал существо, превратившееся в результате «миллиона лет научных и технических изысканий» в лишен-

ный тела мозг, способный преобразовывать вещество в энергию.

В романе «Отчаяние» (1995) один из самых «твердых» научных фантастов современности Грег Иган основным инструментом освобождения общества и человека назвал науку и даже ввел для этого специальный термин «технолиберация». В описанном им мире люди способны выбирать себе тело, пол (или его отсутствие) и поведенческие реакции.

Схожее «освобождение» от биологически обусловленных паттернов поведения изображает Тэд Чан в повести «Тебе нравится, что ты видишь?» (2002): люди изобрели каплягнозию — способ блокировать восприятие красоты.

А в мире «Диаспоры» (1997) Г. Игана люди и вовсе выбирают себе тела, как одежду, и меняют их соответственно своему настроению — бесконечно удаляясь от классического платоновского определения человека как «существа бескрылого, двуногого, с плоскими ногтями».

И пусть столь радикальные перемены облика человека пока остаются очень отдаленной перспективой, уже сегодня наука позволяет модифицировать человеческие тела. Пластическая хирургия и генетическая инженерия получают все большее распространение и становятся повседневной практикой. Это означает, что в ближайшем будущем нас ждет переосмысление понятий человека и человечности.

□

РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ

Алексей ИВАНОВ. КОМЬЮНИТИ. Азбука-Атикус

Дилогия известного писателя «Псоглавцы» — «Комьюнити» несет ярко выраженный фантастический элемент, хотя и позиционируется как «современная проза». В обоих романах некие артефакты содержат закодированную информацию. Раскодирование несет в себе опасность. От всякой угрозы человечество рано или поздно придумывало особого сторожа. Вот и на такую напасть отыскивались свои ратоборцы — организация дэнжерологов.

В «Псоглавцах» (выпущенных под псевдонимом Алексей Маврин) дэнжеролог успел сработать на твердую четверку: чуть-чуть промедлил, но в конечном итоге и череду смертоубийств остановил, и артефакт обезвредил. В «Комьюнити» дэнжеролог по фамилии Дорн гибнет. Более того, он с самого начала не имел шансов на победу.

Очередной артефакт рождается из соперничества двух современных бизнес-компаньонов. Он пробуждает демона чумы, и тот понемногу приканчивает одного «зачумленного» за другим. Современный мегаполисный человек может избежать гибели только одним способом: сделать демонические силы своими союзниками. Получить право на их помощь, склонившись перед их мощью...

На протяжении двух книг Алексей Иванов упорно ставит центральных и второстепенных персо-

нажей в ситуацию одного и того же выбора: материальному комфорту, здоровью или даже самой жизни ближнего нечто угрожает; можно ему помочь, но помощь оказывается рискованным делом, ибо за этим следует потеря собственного материального комфорта, здоровья, жизни. С другой стороны, действующее лицо, не пытающееся помочь, неизбежно расчеловечивается. Оно сохраняет связи со своей средой, но утрачивает облик человеческий, а с ним и образ Божий.

В «Псоглавцах» аж трое персонажей, расчеловечившись, превратились в чудовищ. Но главный герой и от гибели, и от трансформации в монстра был спасен любовью.

В «Комьюнити» избавление-через-любовь невозможно: как у центрального персонажа, так и у второстепенных начисто отсутствует способность любить. Вера ими давно утрачена. И, стало

быть, в столкновении с порождением преисподней они могут либо погибнуть, либо обезобразиться хуже любой нечистой силы.

В 2009 году вышло «Летоисчисление от Иоанна» (2009), создававшееся Алексеем Ивановым как «роман-икона». Диалогия о дэнжерологах объединила своего рода «романы-проповеди». Алексей Иванов бичует скверну, грехи, бесчеловечность современного мегаполисного общества. И если в «Псоглавцах» он хотя бы для некоторых оставляет надежду на спасение, открывает путь к Небу, то в «Комьюнити» — одна лишь вымерзшая преисподняя, воцарившаяся на земле. Ни доброты, ни любви, ни веры, ни надежды, ни мудрости. Приговор: этому миру и надо сдохнуть! Чума? Поделом!

«Комьюнити» созвучно роману Захара Прилепина «Черная обезьяна», наполненному той же стыллой безнадежностью. В обеих книгах авторы как будто подводят итог России, да и не только ей. Пора заканчивать, господа, пришло время апокалипсиса! Мы уже не можем очиститься... Готовьтесь претерпеть всё, положенное за грехи...

К сожалению, в «Комьюнити» видны следы небрежной, торопливой работы. Раньше Алексей Иванов ткал стилистику с необыкновенным тщанием и нарочитой изысканностью. Главные его вещи напоминают гобелены с затейливым узором. Стилистика «Комьюнити» оставляет совсем другое впечатление. Многие упростилось,

утратило тонкую отделку. Алексей Иванов в убийственной концентрации использует мегаполисную тусовочную лексику самого пошлого вида. Может быть, автор намеревался привить читателю стойкое отвращение к подобной среде? Хорошо, если так. Но кажется, дело все-таки в другом. Талантливый писатель взялся за тему, которая ему отвратительна. Как видно, сам процесс письма оказался для него до крайности неприятен. В «Псоглавцах», работая на «родном» уральском материале, Алексей Иванов время от времени «разгорается», одаривает читателя точными психологическими и бытовыми зарисовками, да просто начинает писать красиво, «густо». А в «Комьюнити», где всё действие происходит в антураже столичной офисной реальности, подобных вспышек почти не видно.

Возможно, неприязню к собственному тексту объясняется и дикая перегруженность «Комьюнити» вставками из Сети. Зачем понадобилось автору бомбардировать читателей «просветительской информацией», почерпнутой из интернет-ресурсов?! Отступления о чуме — ее разновидностях, образах в искусстве, связанных с ней легендах — в сумме составляют научно-популярный трактат изрядного объема. Обилие подобной информации выглядит не просто «перебором», а откровенной «разгонкой листажа».

Дмитрий Володихин

Рецензии

Александр ЗОРИЧ

ПИЛОТ-
ДЕВИЦА

*Москва: Астрель,
2012. — 315 с.
6000 экз.*

Харьковский тандем вновь вернулся в мир своей самой популярной серии «Завтра война» — в освоенный космос XXVII века, где люди конфликтуют между собой и с множеством чужих рас. Девушка Василиса с ретроградной планеты Большой Муром мечтает стать пилотом. Но прежде чем ее мечта осуществится, героине предстоит преодолеть множество испытаний, избороздить полгалактики. Василиса как будто слеплена из нескольких героинь: она одновременно похожа на Золушку и на Алису Селезневу. Да и сама книга представляется воплощением хорошо известной сказки, перенесенной в реалии освоенного космоса. Роман выполнен в ностальгической стилистике 1960-х.

Автор не просто рассказчик, а царь и бог своей истории. Он не позволяет героям действовать самостоятельно. Всегда готов пояснить читателю их мотивы, мысли и потаенные чувства. С первых страниц на нас обрушивается водоворот событий. Но все же не покидает ощущение избыточности. В обилии персонажей вскоре начинаешь путаться. Даже эпизодические герои, врывающиеся в повествование, чтобы тут же погибнуть, снабжаются историей жизни, словно в «плавающей» подсказке к компьютерной игре.

Как ни странно (в том числе для творчества соавторов вообще), лирическая линия в романе занимает от силы полторы главы. При этом в центре этих сцен вовсе не главная героиня, а истории других женщин, выписанные, надо сказать, достаточно изобретательно. Особенно запоминается авторская интерпретация андерсеновской «Снежной королевы».

Роман калейдоскопичен, сюжет подан в рваной клиповой манере фильмов Бекмамбетова. Но в то же время читается книга удивительно легко, обилие сюжетных и житейских линий сбивает, запутывает, но удивительным образом не тормозит чтение. Наверняка он обратит на себя внимание как любителей фантастики нынешнего поколения, так и старшего — за счет обильно рассыпанных мотивов, подпитанных ностальгией по советской фантастике.

Светлана Кузнецова

БЕСПОЩАДНАЯ
ТОЛЕРАНТНОСТЬ.

Сборник

Москва: Эксмо,

2012. — 480 с.

*(Серия "Русская
фантастика").*

3000 экз.

Беда политизированной литературы в том, что, стоит опубликовать текст, задевающий чьи-либо убеждения, — и на серьезном разговоре о книге можно ставить крест. Партийные идеалы начинают стучать в голову, а любой художественный анализ глохнет в шуме истерических перепалок.

Такая судьба уготована и данному сборнику. Кажется бы, сама природа фантастики, всегда стремившейся к еретическому взгляду на реальность, должна бы поощрять стрельбу по «священным коровам». Авторы же сборника решили пальнуть по уже затертым в прессе понятиям «политкорректности» и «мультикультурализма».

Составитель разделил сборник на две части. В первой, прозрачно названной «Радужное будущее», достается преимущественно сексуальным меньшинствам, хотя походя задеваются и другие «святыни», вроде «позитивной дискриминации» и «ювенильного надзора». Сюда вошли рассказы А.Китаевой, К.Бенедиктова, О.Дивова, Т.Томах, В.Березина, С.Чекмаева, Д.Володихина и других авторов. Во второй части, «Гости дорогие», объединившей тексты Н.Егоровой и С.Байтерякова, Е.Гаркушева, О.Дрожжина, С.Прокопчик и других, речь идет о «шантажирующих» национальных меньшинствах.

Есть в книге вещи несомненно удачные, вроде рассказов К.Бенедиктова, Д.Володихина, О.Дивова и Л.Каганова, есть проходные, есть и откровенно провальные. Но, думаю, литературное качество текстов в данном случае не главное. Любые разговоры о произведениях сборника неизбежно утонут в политических баталиях и истерических обвинениях авторов в «фашизме» и прочих грехах. И все забудут, что речь прежде всего должна идти о фантастике. О жанре, где изначально ценилась свобода высказывания любого, даже самого резкого и экстравагантного мнения о возможном будущем.

Игорь Гонтов

Генри Лайон Олди

ВНУК ПЕРСЕЯ.

Книга 2:

СЫН
ХРОМОГО
АЛКЕЯ

*Москва: Эксмо,
2012. — 416 г.*

*(Серия "Стрела
Времени").
8000 экз.*

Много лет прошло со дня выхода романа «Герой должен быть один». Однако харьковский дуэт неизменно возвращается к берегам далекой Эллады. Значит, что-то осталось недосказанным? Или появляется нечто новое, о чем стоит говорить только на берегу Средиземного моря, под шелест ветра в кронах пиний и сонный рокот Олимпа?

Внук Персея — это уже не Персей. Божественная кровь разбавлена. Амфитрион, воин и наследник владыки Тиринфа, выходит на бой как человек. И противники у него далеки от притязаний Диониса. Владыки жаждут власти, жители Пелопоннеса — избавления от пиратов и чудовищ. А чего желает сам Амфитрион? Оказывается, не так уж много: счастливой жизни, продолжения рода. Но судьба посылает сыну хромого Алкея испытание за испытанием.

Вторая книга эллинского цикла более тонкая и поэтичная. Внимание Олди сконцентрировано на тварном мире, который, что ни говори, трогает нас, смертных, куда сильнее, нежели эмпирей небожителей. Те немногие эпизоды, где олимпийцы открыто являют себя, демонстрируют нам пародии на богов так, будто бы перед нами оказались хорошо изготовленные куклы. В противовес этому ярко и живо выйдут образы эллинов, Пелопидов и Персеидов, морских разбойников и крестьян, воинов и рабов. Отнюдь не иллюзорные страсти, кипящие в пространстве мифологической интерпретации, трогают не меньше, чем истории современности.

У древних греков было принято говорить «Радуйся!» при встрече. Герои нового цикла Генри Лайона Олди, следуя законам стилизации, не нарушают традиции, хотя, конечно, за этим солнечным словом может скрываться все, что угодно, — от полного безразличия до черной ненависти. А вот у поклонников творчества Дмитрия Громова и Олега Ладыженского повод для хорошего настроения самый настоящий. И они совершенно искренне могут сказать друг другу: «Радуйся!».

Николай Калиниченко

Грэм ДЖОЙС
БЕЗМОЛВНАЯ
ЗЕМЛЯ

*СПб.: Азбука,
2012. — 256с.*

*Пер. с англ.
А.Сафронова.
(Серия "Книга-
открытие").
3000 экз.*

Грэм Джойс — один из немногих удачных примеров преодоления жанровых пут: автор обретет признание в мейнстриме, оставаясь фантастом. Его амбициозное стремление подражать мастерам начала минувшего века на фоне увлечения всевозможными вариациями на темы «магического реализма» сравнительно быстро проложило ему дорогу из всех мыслимых «жанровых гетто» в большую британскую литературу. Вместе с тем и на поле фантастики произведения Джойса, сплетающие элементы мистики, фэнтези, реализма, пользуются заслуженным успехом.

Перед нами самый свежий роман британца. Он был номинирован на ряд престижных премий и удостоился похвал от мастеров литературной мистики, в том числе Стивена Кинга и Дж. Кэрролла. А еще до публикации «Безмолвной земли» (заодно с двумя более ранними текстами Джойса) ею заинтересовались кинематографисты.

Действие здесь, как и в большинстве романов Джойса, балансирует на грани мистики и повседневности. После схода лавины герои книги отрезаны на опустевшем горном курорте. Все попытки покинуть его таинственным образом оборачиваются крахом: они оказываются в странном умолкнувшем мире наедине друг с другом. Сюжет романа напряжен, развивается по законам психологического триллера и не отпускает до самого неочевидного финала. Джойс исследует разные философские и общечеловеческие темы, но главная из них — чувства перед лицом вечности. Всепобеждающую силу любви как лейтмотив «Безмолвной земли» отметили, кажется, уже все критики.

Роман британского писателя бесконечно далек от тривиального «ужастика», и принципиальным любителям подобной прозы за него братья не стоит. Но тем, кто ценит вдумчивое, глубокое чтение, кто не прочь поразмыслить вместе с автором о природе мира и человека, о жизни и смерти, эта книга придется по душе.

Сергей Алексеев

Евгений
КОНСТАНТИНОВ
СМЕРТЕЛЬНЫЙ
МИР

*СПб.:
Ленинградское
издательство,
2012. — 432 с.
4550 ак.1.*

Демонстративная боевая фантастика — вот главное и, пожалуй, самое верное впечатление от книги. Романы, подобные «Смертельному миру», составляют незыблемое большинство на жанровом поле боя.

Классический попаданец Сергей Фролов оказывается за Стеной — в мире, искусственно созданном не злым, но безумным гением, собравшим машину, способную уменьшать людей до размеров блох. Населенный вынужденными департаментами из современности, он представляет собой нечто среднее между рыцарским Средневековьем и мушкетерской Францией.

Люди, запертые в суррогатной реальности, легко и непринужденно откатываются в феодальный период, стремительно разделяясь на аристократов и чернь. В таких условиях сильная воля и выучка каскадера на пользу Сергею: и чтобы «нишу занять», и чтобы за любовь побороться.

Забавно читать диалоги людей, еще не утративших манеры изъясняться по-современному, но уже уверенно следующих по пути феодалов. Громкие титулы и звания сочетаются с городским сленгом и просторечными выражениями. В результате действие начинает походить на большую и сильно затянувшуюся ролевою игру, участники которой послали Мастера Игры куда подальше и творят, что хотят: убивают друг друга, сжигают замки и обобществляют женщин.

Что-то подобное периодически проскальзывает в новостях. Только у телевизионных «застенчиков» нет героя. А у обитателей Смертельного мира есть! Рядом с ними Конан из Кимерии и Джон Картер из Вирджинии, принц Эльрик из Мельнибоне и полковник Саймон Трегарт черт знает откуда — те, кто предпочитает сначала «вломить» супостату, а потом уже переходить к скучной дипломатии. И мы на время превращаемся в жестоких, но благородных мальчишек, скандируя: «Давай, Сережа! Давай! Бей первым! Спаси мир!».

Николай Калиниченко

Филипп ДИК

КОРОЛЬ
ЭЛЬФОВ

Москва — СПб.:
Эксмо - Домино,
2012. — 576 с.

Пер. с англ.
(Серия "Новая
фантастика").
3100 экз.

Выход сборника «малой» прозы Ф.Дика — настоящее событие для ценителей творчества этого автора. Книга повторяет содержание первого тома оригинального пятитомника рассказов Дика, благодаря которому мы знакомимся с ранними произведениями классика. Большинство текстов на русском языке публикуется впервые. Главная же ценность коллекции в том, что мы получили возможность заглянуть на писательскую «кухню» одного из самых сложных и неоднозначных фантастов XX века, увидеть, с чего все начиналось, как формировались стиль и идеи писателя.

В этих ранних рассказах отчетливо ощущается влияние Кэмпбелла, ориентировавшего своих авторов прежде всего на разработку оригинальной научной идеи. И Дик добросовестно следовал этому наказу, правда, его все-таки больше интересовали идеи социальные. Нетрудно обнаружить в сборнике и низкие поклоны в адрес старших товарищей — Каттнера, Тенна, Брауна. Но к середине книги все громче и отчетливее звучит голос самого Дика, удивительно созвучный своему времени — с сильными антивоенными и психоделическими нотами.

По словам Роджера Желязны, сказанным, правда, по поводу совсем другого автора, писатель определяется углом зрения. И уникальность Дика — в его способности видеть реальность как социальный конструкт. Эти темы отражены уже в дебютном рассказе писателя «Стабильность», в свое время так и неопубликованном. Его творчество оказалось востребовано позднее: когда за путешествием человека в космос последовали путешествия в глубины человеческого сознания. Дик оказался певцом обоих этих измерений.

Будем надеяться, что и весь пятитомник малой прозы писателя все-таки увидит свет на русском языке в полном объеме.

Сергей Шикарев

Курсор

- Самые популярные** зарубежные журналы фантастики по итогам читательского голосования назвали лучшие произведения, опубликованные на их страницах в 2011 году. В журнале «Analog SF&F» в номинации «средняя форма» лидером признана повесть «Нечистые руки» Адама Троя-Кастро (перевод будет опубликован в ноябрьском номере «Если»), а лучшими короткими повестями и рассказом — уже знакомые нашим читателям «Джак и бобовый стебель» Ричарда Ловетта, «Бетти Нокс и Энциклопедия Джонс» Джона Дж. Хемри и «Три Джулии» Крейга Делзнси. В «Asimov's SF» лауреатами стали повесть «Мост через туман» Кидж Джонсон, успевшая в этом году получить «Небьюлу» (публикация перевода запланирована на октябрь), короткая повесть «Все об Эмили» Конни Уиллис и рассказ «Движение» Нэнси Фулды.
- Названы обладатели** премии «Дитмар» — главной австралийской фантастической награды. Приз в номинации «Лучший роман» получил «Новый велосипед курьера» Кима Вествуда, лучшая повесть — «Прошлое — как сожженный мост» Пола Хайнса, рассказ — «Патриций» Тэнси Робертс, авторский сборник — «Последние дни Калиюги» Пола Хайнса.
- Закончилась** многолетняя судебная эпопея по поводу авторских прав на произведения фантаста Александра Беляева. Арбитражный суд Москвы утвердил мировое соглашение между издательствами «Терра» и «Астрель», по которому «Астрель» выплатит «Терре» 10 тысяч рублей компенсации. Тянувшееся несколько лет дело закрыто. Изначальный иск «Терры» составлял аж 7,5 миллиарда рублей. Причиной спора стали разногласия в определении срока охраны прав на книги Беляева. «Терра» апеллировала к тому, что на книги фантаста распространяется 70-летний срок охраны авторских прав. По мнению «Астрели», этот срок составляет 50 лет, поскольку к 1 993 году (когда срок охраны авторских прав был увеличен с 50 до 70 лет) со смерти писателя уже прошло 50 лет. Но адвокаты «Терры» сослались на норму ГК РФ, согласно которой, «если автор работал во время Великой Отечественной войны или участвовал в ней, срок действия исключительного права увеличивается на четыре года». Таким образом, к 1993 году 50-летний срок охраны авторских прав

Беляева еще не истек и должен быть продлен на 20 лет. С этой позицией согласился и Высший арбитражный суд.

Хью Лори, покончив с доктором Хаусом, решил творчески воссоединиться со своим давним партнером по комическим шоу и сериалу «Дживс и Вустер» — ныне модным писателем Стивеном Фраем. Они вместе озвучат персонажей нового мультфильма "Кентервилльское привидение" по знаменитому рассказу Оскара Уайлда. Фрай будет призраком, Лори — инкарнацией Смерти.

В Московском
планетарии

прошла выставка работ Ганса Руди Гигера, знаменитого художника в жанре ужасов, создателя "Чужого". Было представлено более 50 работ мастера, включая гравюры, литографии и шелкографии. Просмотр сопровождался музыкальными и видео-инсталляциями, в кинозале показывались фильмы, к которым приложил руку -художник дьявола».

In memoriam

6 июня в Лос-Анджелесе на 92-м году жизни скончался всемирно известный американский писатель-фантаст Рэй Брэдбери. Рэймонд Дуглас Брэдбери родился 22 августа 1920 года в Уокигане, штат Иллинойс. Второе имя — Дуглас — он получил в честь знаменитого актера Дугласа Фербенкса. Во время Великой депрессии в 1934 году семья Брэдбери переехала в Лос-Анджелес, где Рэй окончил среднюю школу. Поступить в колледж ему так и не удалось, но он не сильно сожалел об этом, о чем написал в статье «Как вместо колледжа я закончил библиотеки, или Мысли подростка, побывавшего на Луне в 1932-м». Рэй еще в возрасте 12 лет понял, что хочет быть писателем, а в 18 лет его новеллы уже печатались в малотиражных журналах. Первым серьезным успехом стал сборник рассказов «Марсианские хроники», изданный в 1950 году. В 1953-м, после публикации романа «451 градус по Фаренгейту», к Рэю пришла всемирная слава. Всего на счету Брэдбери 11 романов и несколько сотен рассказов. Множество его текстов экранизировано. Ушел из жизни последний и один из лучших представителей «Золотой волны» американской фантастики. Он был не только знаменитым фантастом и основоположником многих традиций жанра, его с восторгом принимала и так называемая «Большая литература». На рассказах и романах великого писателя выросло не одно поколение читателей.

Агентство F-пресс

ГАНН Эйлин (GUNN, Eileen)

Эйлин Ганн родилась в 1945 году в Дорчестере (штат Массачусетс) и после окончания колледжа работала в рекламной индустрии, в том числе директором по рекламе в корпорации Microsoft. Затем, переселившись в Сиэтл (штат Вашингтон), полностью переключилась на литературную и редакторскую деятельность, а после участия в семинаре молодых фантастов Slagion вошла в совет директоров семинара.

Дебютом Эйлин Ганн в фантастике стал рассказ «Для чего нужны друзья?» (1978). С тех пор писательница опубликовала еще два десятка рассказов и повестей (некоторые в соавторстве с Пэт Мерфи, Руди Рюкером, Майклом Суэнвиком и другими известными авторами), лучшие из которых составили сборник «Стабильные стратегии» (2004). В том же году она завоевала премию «Хьюго» за рассказ «Достигнуть согласия». Кроме того, еще дважды номинировалась на эту премию, дважды на премию «Небьюла» и по одному разу на Премию имени Джеймса Типтри-младшего, имени Филипа Дика и Всемирную премию фэнтези

ГРОМОВ Александр Николаевич

Коренной москвич Александр Громов родился в 1959 году. Получил образование в Московском энергетическом институте. В течение многих лет работал в НИИ космического приборостроения, время от времени подрабатывая на стройках. Работа по специальности наложила отпечаток и на одно из двух главных увлечений писателя — он заядлый астроном-любитель и даже собственноручно соорудил телескоп. В настоящее время живет за счет литературного труда, а в свободное время — заядлый байдарочник.

Литературный дебют А.Громова состоялся в 1991 году, когда «молодому» писателю перевалило за тридцать (рассказ «Текодонт» в приложении к журналу «Уральский следопыт»). В 1995 году в нижегородском издательстве «Параллель» увидела свет первая книга фантаста — сборник «Мягкая посадка», ставший одним из самых значительных дебютов в российской НФ 1990-х. Уже в следующем году книга удостоилась престижной литературной Премии имени А.Р.Беляева, а в 1997-м заглавный роман сборника обрел еще одну авторитетную награду — премию «Интерпресскон». С тех пор почти каждая новая книга А. Громова оказывается в центре пристального внимания критиков и читателей, тем более что фантаст, по нынешним меркам, не отличается плодovitостью. Напомним читателям книги московского фантаста: «Властелин Пустоты» (1997), «Год Лемминга» (1997), «Ватерлиния» (1998), «Шаг влево, шаг вправо» (1999), «Тысяча и один день» (2000), «Запретный мир» (2000), «Крылья черепахи» (2001), «Завтра наступит вечность» (2002), «Феодал» (2005), «Шанс для динозавра» (2009), «Ребус-фактор», «Человек отовсюду» (2010). В 2004 году в соавторстве с Владимиром Васильевым выпустил роман «Антарктида Online», открывший новый поджанр фантастики — «альтернативная география»

(термин А Громова). Дальнейшее развитие этой темы А.Громов продолжил в дилогии «Исландская карта» (2006—2007).

Произведения А.Громова неоднократно удостоивались премий «Интерпресскон», «Роскон», «Филигрань», «Странник», «Сигма-Ф», «Звездный мост». В 2008 году Александр Громов получил премию «Еврокона» как лучший фантаст Европы, в 2010-м был награжден Беляевской премией за научно-популярную книгу «Вселенная» (2009). Последний на сегодняшний день роман «Запруда из песка» (2011) обрел сразу две награды — премию «Час быка» и «Серебряный Роскон».

ЙОСС (YOSS)

Под этим псевдонимом публикует свои произведения один из самых известных современных фантастов Латинской Америки Хосе Мигель Санчес Гомес,

Он родился в Гаване в 1969 году. В 1991-м окончил биологический факультет Гаванского университета, но, начав писать с 15 лет, в конечном счете избрал своей основной жизненной стезей профессию писателя.

Его первый авторский сборник "Тимшел" вышел в свет в 1989 году. Затем последовали книги: «W» (1997), «Семь национальных грехов» (1999), «Рыбы и потерпевшие кораблекрушение» (2000), «Сдается планета» (2001), «Львиное перо» (2007) и другие, а также многочисленные рассказы в различных изданиях Латинской Америки и Европы. Произведения Йосса переводились на многие иностранные языки. В разные годы он совершил ряд турне по Европе (Италия, Испания) и Латинской Америке, где выступал перед студентами университетов с лекциями-докладами о фантастике. Неоднократно награждался жанровыми и литературными премиями на родине и в Испании.

Кроме того, писатель является составителем ряда сборников и литературоведческих работ, а также пишет сугубо реалистические произведения.

Ярый поклонник музыки в стиле «рок» (любимая группа — «Black Sabbath»), увлекается восточными единоборствами. В настоящее время проживает в Гаване.

КРИЗИ Ян (CREASEY, Ian)

Английский писатель Ян Кризи (не путать с другим Яном Кризи — автором-дебютантом, фамилия которого по-английски пишется по-другому: Creasy) родился в 1969 году и после окончания школы занялся творчеством — музыкой и литературой («Я начал писать после того, как звезды рок-н-ролла не захотели отвечать на мои письма»)-

В научной фантастике Кризи дебютировал только в 2002 году рассказом «Звуки, следующие за криками». С тех пор опубликовал три десятка рассказов и повестей. Ян Кризи постоянно проживает в графстве Йоркшир, посвящая свободное от литературы время прогулкам, садоводству и деятельности

по защите окружающей среды («Короче, всем, что способно отвлекать меня от компьютера»)

ЛЮ Кен (LU, Ken)

1Сен Лю родился в Ланчжоу (КНР). После эмиграции его родителей в США закончил там университет с двумя дипломами — программиста и юриста, после него занялся литературной деятельностью: писал прозу и поэзию, в том числе в соавторстве с женой-художницей, а также переводил с китайского.

Первый жанровый рассказ «Карфагенская роза» писатель опубликовал в 2002 году. К настоящему времени выпустил три с половиной десятка рассказов и повестей (только в прошлом году 17 произведений!). Рассказ «Бумажный зверинец», опубликованный в 2011 году, недавно принес Лю премию «Небыюла».

Живет с семьей в Бостоне (штат Массачусетс).

Моисеева Ольга Юрьевна

Родилась в 1967 году в Москве. Закончила английскую спецшколу, потом Московский авиационный институт В поисках себя сменила несколько профессий: инженер, переводчик с английского, менеджер, мастер художественной резьбы по дереву, преподаватель английского языка, редактор и корректор.

Фантастикой увлекается с детства, но писать в этом жанре стала не сразу, литературное творчество начиналось в 1997 году со стихов и эссе. В фантастике дебютировала рассказом «Золотой сад» в журнале «Знание — сила. Фантастика» в 2008 году. С тех пор опубликовала десяток фантастических рассказов в журналах и сборниках. В 2009 году стала победителем конкурса «Если» для молодых авторов «Альтернативная реальность» (рассказ «Фливиийский лев»).

РЮКЕР Руди (RUCKER, Rudy)

Один из самых ярких представителей поколения восьмидесятых в американской science fiction, писатель и ученый-математик, программист и философ Рудольф фон Битер Рюкер родился в Луисвилле (штат Кентукки) в 1946 году (кстати, писатель-интеллектуал приходится правнуком великому немецкому философу Георгу Вильгельму Фридриху Гегелю). После окончания колледжа и аспирантуры престижного Университета Ратджерса он защитил диссертацию по математике и преподавал эту дисциплину в ряде американских и немецких университетов, включая знаменитый Гейдельбергский. Рюкер является автором многих научных трудов по математике, теории относительности и философии естествознания.

В научной фантастике профессиональный математик (выработавший собственный литературный стиль, который сам он называет трансреализмом и считает альтернативой киберпанку) впервые выступил в 1980 году, предложив читателям рассказ «Глаза прощания» и роман «Белый свет» (последний был начат еще в быт-

ность Рюкера профессором в Гейдельберге). С тех пор прозаик опубликовал тетралогию «Программы» — «Software» (1982), «Wetware» (1988), «Freeware» (1997) и «Realware» (2000), получив за первые два романа две Премии имени Филипа Дика, 14 одиночных романов и около восьми десятков рассказов и повестей (некоторые в соавторстве с Брюсом Стерлингом, Полом ди Филиппо, Марком Лэйдлоу, Эйлин Ганн, сыном Рюкером-младшим и другими). Кроме указанных наград, произведения Рюкера дважды номинировались на Британскую премию по научной фантастике и один раз на премию «Хьюго».

САРДЖЕНТ Памела (SARGENT, Pamela)

Американская писательница, редактор, литературный критик и активная участница движения феминисток Памела Сарджент родилась в 1948 году в Итаке (штат Нью-Йорк). Как подчеркивает сама писательница, выросла она и была воспитана «в семье атеистов». Закончив Университет штата Нью-Йорк в Бингхэмптоне с дипломом философа, Сарджент полностью переключилась на литературную деятельность.

В научной фантастике писательница впервые отметилась в 1976 году книгой «Клонированные жизни». С тех пор она опубликовала 18 романов (в том числе по мотивам теле- и киносериала «Звездный путь») и более семи десятков рассказов и повестей (некоторые в соавторстве с Джорджем Зебровски). Короткая повесть «Дэнни летит на Марс» (1992) завоевала премию «Небьюла» и была номинирована на «Хьюго- и Премию имени Теодора Старджона. Еще одну премию «Небьюла» — специальную, «За вклад в развитие жанра» — Сарджент получила в 2000 году. Кроме того, она лауреат премии «Пилигрим» за 2012 год, вручаемую за вклад в фантастование и литературную критику. А ее произведения еще три раза номинировались на премию «Небьюла», четыре раза на Премии имени Джеймса Типтри-младшего и один раз на Премию имени Теодора Старджона.

ХОРСУН Максим Дмитриевич

Крымский писатель-фантаст и журналист Дмитрий Хорсун родился в 1980 году в Симферополе. Закончил Таврический экологический институт, получив диплом специалиста печатных и аудиовизуальных средств массовой информации. Работал в крымских газетах и на телеканалах.

Первым выступлением в жанре стал рассказ «Печать Каина», опубликованный в 2006 году. В 2009-м вышел роман «Ушелец», получивший премию «Бронзовый кадуцей». Перу М.Хорсуна принадлежат такие книги, как «Рождение Юпитера» (2010), «Солдаты далекой империи» (2010), «Ржавые земли» (2011). В соавторстве с Антоном Первушиным и Игорем Минаковым выпустил роман «Отдел «Массаракш» (2011), в соавторстве с Игорем Минаковым — роман «Егерь. Девушка с Земли» (2011).

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

ФЭНТЕЗИ В «ЕСЛИ»

ПОВЕСТИ

Фреда ЧАППЕЛЛА
«ЛАБИРИНТ ТЕНЕЙ»

Елены ВОРОН
«ПОВЕЛИТЕЛЬ ОГНЕННЫХ ПСОВ»

РАССКАЗЫ

Мэтью ХЬЮЗА, Альберта КОУДРИ,
Деборы РОСС, Майкла АЛЕКСАНДЕРА

СТАТЬЯ

Вл. ГАКОВА о творчестве
Стивена КИНГА

ЧИТАЙТЕ СЕНТЯБРЬСКИЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА

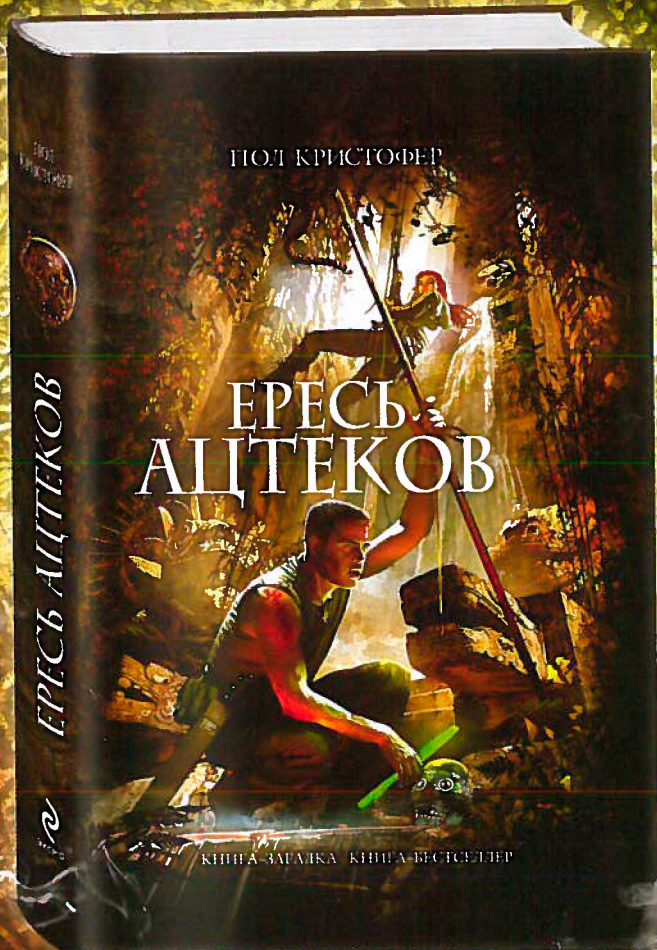
ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

Наш журнал вы найдете в каталогах
«Пресса России» и «Роспечать» (газеты, журналы).
Индекс 73118.

Подписаться можно с любого месяца на любой срок.
Стоимость одного номера — 87 рублей,
включая почтовые услуги.

Подписка ведется во всех отделениях связи.

ПОЛ КРИСТОФЕР ЕРЕСЬ АЦТЕКОВ

**ВАТИКАН ПРОТИВ АМЕРИКАНСКОГО МИЛЛИАРДЕРА
УЗНАЙ ТАЙНУ КОНКИСТАДОРОВ!**